

A portrait of a young woman with long brown hair and blue eyes, looking thoughtfully to the side. She is wearing a ring on her finger and has her hand near her chin. The background is filled with soft-focus pink and white flowers.

**ПОЛИНА
КЛИННИКОВА:**

*«Я черпаю вдохновение
от общения с людьми,
с природой»*

*О жизни и творчестве театрального режиссера,
хореографа и актера Сергея Захарина читайте на стр. 80*

Неизвестное об известном

Юрий Осипов **Расчетливый Демон**..... 4

Из российской истории

Алла Зубкова **Два романа «железного императора»** 16

Чтобы помнили

Екатерина Маркова **Рыцарь детства** 30

Рассказ

Олег Визер **Я рано умру** 34

Неизвестное об известном

Виктор Ом **«Я счастлив, что работал для детей»** 45

Евгения Гордиенко **Француз, вернувший миру Олимпийские игры**..... 90

Молодые таланты

Дарья Парчинская **Полина Клиникова: «Мой жизненный девиз — из моей песни, в которой есть такие строки: «Голос мечты нельзя разрушить»** 57

Елена Воробьева **Сергей Захарин: «Моим кредо являются слова великого Станиславского: "Для детей нужно играть как для взрослых, только намного лучше"»**..... 80

Это интересно

Юрий Прокопчук **«Анна Каренина» и женские судьбы в XIX веке** ... 66

Светлана Марлинская **Автор знаменитой системы**..... 73

Шедевры

Ирина Опимах **«Бартоломе Мурильо. «Убийство инквизитора Педро де Арбуэса»** 96

Замечательные современники

Дмитрий Соколов **Ольга Мигунова: «Мессинг научил меня всему, что я умею»** 102

Российские музеи

Дмитрий Зелов **«Мой дядя самых честных правил»**..... 108

Легенды отечественного футбола

Денис Логинов **Самый эффективный тренер советского «Спартака»**..... 113

Судьбы

Виктор Елисеев **Русская Сафо**..... 122

Детектив

Наталья Солдатова **Бедный богатый мальчик** 128

Кроссворд. Эрудит

**Главный редактор,
генеральный директор**

Кизилев Михаил Григорьевич

**Заместитель главного
редактора**

Чичина Тамара Васильевна,
tomasmena@mail.ru

Арт-директор

Веселова Надежда Александровна

**Директор
по распространению**

Гордынская Мария Александровна,
sales-smena@yandex.ru

Web-редактор

Калиша Людмила Григорьевна,
smena24@mail.ru

**Собственный
корреспондент**

Зелов Дмитрий Дмитриевич,
smena-the-best@mail.ru

Обложка

Солистка Московского театра оперетты
Полина Клиникова.
Фото из личного архива

Вторая блокка

Театральный режиссер, хореограф
и актер Сергей Захарин.
Фото из личного архива

Иллюстрации

Рябинин Лев Анатольевич

**УЧРЕДИТЕЛЬ И ИЗДАТЕЛЬ:
Общество с ограниченной
ответственностью
«Издательский дом
журнала «Смена».**

Адрес редакции и издателя:
127137, Москва,
ул. Правды, д. 24, стр. 4
+7 (495) 612-15-07

Для писем:
127994, Москва, ГСП-4,
Бумажный проезд, 14, стр.1
www.smena-online.ru

Распространение,
кроме подписки,
осуществляется через
ООО «МДП "Маарт"»
127018, г. Москва,
Марьиной Рощи 3-й проезд,
40, строение1
+7 (495) 744-55-12

© **ООО «Журнал «Смена»**

ООО «Журнал «Смена» имеет авторские права
на подборку и оформление материалов.
Фото, участвующие в оформлении, —
из открытых источников Интернета.

Отпечатано: **ООО «Типография «Миттель Пресс».**
127254, г. Москва, ул. Руставели, д. 14,
стр. 6, офис 7

Тираж — 8300

Зак. №

Цена свободная

Номер подписан в печать: 19.05.2023

Номер выходит при финансовой поддержке
Министерства цифрового развития связи
и массовых коммуникаций Российской Федерации

« Слово «бириновщина» известно всем, кто изучал историю даже в рамках школьной программы. Период, который сегодня называют «бириновщиной», пришелся на десятилетие правления императрицы Анны Иоанновны, а названием своим обязан имени ее ближайшего сподвижника, друга и фаворита Эрнста-Иоганна Бирона. Был ли этот человек действительно «дьяволом во плоти», каким его называли многие?...

Евгения **Гордиенко** «Бирон без "бириновщины"»

« Он живет на полном ходу, не сбавляя темпа, и часами бегаёт по утрам — каждый божий день, в любую погоду. Так было в тридцать и в пятьдесят, так продолжалось и после 60-летнего, 75-летнего, 80-летнего рубежа, так продолжается и сегодня, когда Андрей Сергеевич Кончаловский отметил свое 85-летие. Его мужское и творческое долголетие не может не изумлять — ведь он все так же регулярно снимает фильмы и столь же регулярно продолжает завоевывать призы на самых престижных кинофестивалях.

Георгий **Кричевский** «Нестареющий киноклассик»

« Наверное, в России не найдется человека, который бы не вырос на русских народных сказках, и образ Кощея Бессмертного знаком и взрослым, и детям. Кощей Бессмертный — наверное, самая загадочная фигура в русских сказках как существо демоническое, окруженное сплошными загадками: скупой хранитель сокровищ и опасный похититель молодых красавиц. Каким образом и когда он появился на свет, непонятно, зато смерть его хорошо известна: «На море на океане есть остров, на том острове дуб стоит, под дубом сундук зарыт, в сундуке — заяц, в зайце — утка, в утке — яйцо, в яйце — игла — смерть кощеева...»

Светлана **Марлинская** «"Кощей Бессмертный"»

« В жилах этой легендарной «Владычицы Нила» нет ни капли древней египетской крови. Дважды ей суждено было вступить в брак, и оба раза за...своих братьев. Эта одержимая необъятным властолюбием женщина пережила своих знаменитых любовников — гениального Цезаря и блестящего Марка Антония...

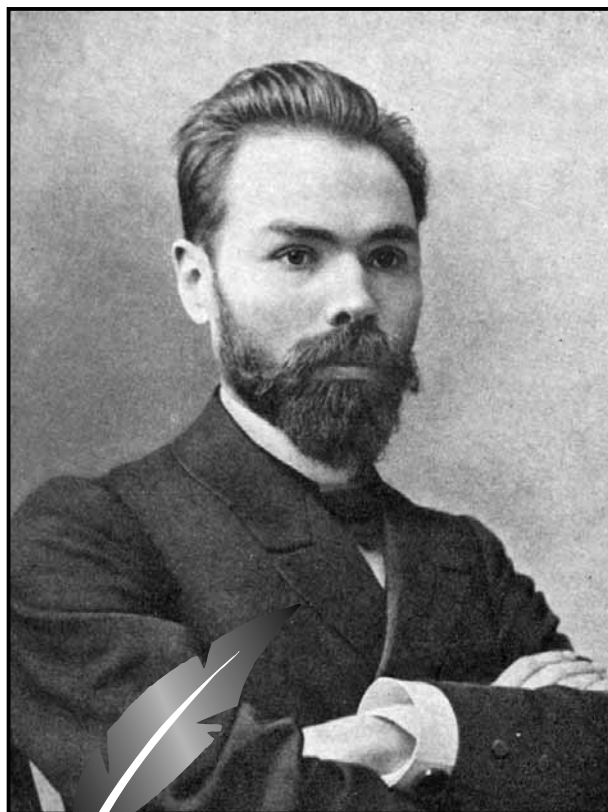
Алла **Зубкова** «Жемчуг царицы Клеопатры»

« Окончание детектива Наталии **Солдатовой** «Бедный богатый мальчик»

Юрий
Осипов

Расчетливый Демон

Замечают, что Брюсов сразу родился «взрослым», а потом до старости оставался «немолодым мальчиком». «Я хочу быть тигром, — шептал он своей испуганной тетке в детстве, — он самый сильный и ничего не боится». Будущий непререкаемый поэтический авторитет и основоположник русского символизма и впрямь ничего не боялся. Способности, конечно, имел сверхчеловеческие. В три года уже читал, в 8 лет освоил... Добролюбова. Игрушками ему служили модели электроскопа, паровика и даже лейденские банки. Родителям, матери, мещанке Матрене Бакулиной, и отцу, купцу Якову Брюсову, сыну крепостного, который выкупился на свободу у графа Брюса, оставалось только руками разводиться.

Валерий Брюсов

В гимназии одноклассники звали Брюсова «купцом» и били, иногда по шесть раз на дню, за высокомерие и неумение материться. Да и плевал он на спор хуже других. Зато взялся за Канта и писал сразу три вещи: поэму «Корсар», трагедию в стихах «Миньона» и очень длинный, так и не оконченный роман. Тщеславие буквально съедало его. Он рвался к славе и подстегивал себя в дневнике: «За работу, жизнь не ждет!» Таким неугомонным трудоголиком Брюсов останется до конца дней.

При верной жене он заводил бесконечные любовные романы и интрижки, откровенно используя женщин в эгоистических целях. Признавался: «Я никогда не любил, не ненавидел, не страдал... Я знаю ухватки влюбленных... и подражаю им, но в глубине души никого не люблю, и никого мне не было жалко».

К большевикам его привел Луначарский, и он, привыкший жертвовать друзьями, близкими, возлюбленными, неожиданно сам стал жертвой новой власти, которой пытался ревностно служить.

«Отец русского символизма» и его теоретик, поэт, драматург, прозаик, переводчик, литературный критик и историк, Валерий Яковлевич Брюсов родился в декабре 1873 года в Москве, на Цветном бульваре, в каменном двухэтажном особняке деда, который выкупил себя на волю из крепостного состояния и стал удачливым купцом. Предки поэта числились за петровским сподвижником и естествоиспытателем, не чуждым, очевидно алхимии, страшным шотландцем Яковом Брюсом (отсюда и фамилия).

Отец будущего мастера стиха, Яков Кузьмич, стихи тоже пописывал, публиковал их в журналах, сочувствовал революционерам-народникам и благополучно просадил на ипподромном тотализаторе все свое немалое состояние. Мать будущей знаменитости, Матрена Александровна, дочь лебедянского мещанина и поэта-любителя, воспитывалась у тетки-купчихи, приехала в Москву из Ельца, сняла с шеи крест, остригла волосы, поступила на службу и повела знакомство с просвещенной молодежью, стремившейся, подобно ей, к образованию. Выйдя замуж, увлеклась французскими романами, зваными вечерами, театром, произведя на свет пятерых детей.

Занятые собственными увлечениями, родители на воспитание сына обращали мало внимания и следили лишь за тем, чтобы мальчик не читал сказок и религиозной литературы. А он все время проводил в от-

цовской библиотеке и в четыре года увлекся идеями Дарвина, добросовестно изучал принципы материализма, но до поры упустил русскую классическую литературу — Пушкина, Тургенева, Толстого не было в отцовской библиотеке. Ему, с детства рационалисту, по душе пришлись химия и физика, мальчик увлеченно ставил разные опыты, по книгам знакомился с различными природными явлениями...

В 11 лет Валерий стал учеником первой московской частной гимназии Креймана, показав такие результаты на приемных экзаменах, что его сразу взяли во второй класс. Со сверстниками он сходилась туго и авторитетом поначалу у них не пользовался. Сказались домашнее одиночество (братья и сестры будущего поэта родились значительно позднее) и полное незнание обычных детских игр. Поэтому одноклассники считали Брюсова высокомерным зубрилой. Однако через пару лет его окружили такие же страстные любители литературы, которой он к тому времени окончательно «заболел». Вместе они начали выпускать рукописный журнал «Начало».

Тогда-то и происходит перековка Брюсова в поэта, прозаика и литературного критика. Он забросил учебу и все вечера посвящал творчеству. Писал стихи, прозу, сонеты, октавы, триолеты, рондо. Из-под его пера выходили также еще ученические рассказы, драмы, даже роман, переводы античных и современных

европейских авторов. Случалось, по дороге в гимназию юноша, как одержимый, додумывал сюжет очередного произведения, которым собирался заняться после уроков. А еще — редактирование журнала, выходявшего его стараниями несколько лет.

В шестнадцать Валерий сменил журнал «Начало» на газету «Листок V класса», вполне вольнодумный, критиковавший гимназические порядки. По этой причине Брюсову предложили оставить учебное заведение Креймана, и он перешел в лучшую в Москве гимназию Льва Поливанова, вдохновенного педагога-импровизатора, энциклопедиста и, кстати говоря, главного организатора юбилейных Пушкинских торжеств 1880 года, когда был открыт памятник Поэту. В той же гимназии учились в разное время старшие сыновья Л. Толстого, приходившего в гимназию поспорить с ее преподавателями о литературе, А. Белый, К. Бальмонт, М. Волошин, первый русский чемпион мира по шахматам А. Алехин и знаменитые театральные артисты В. Лужский и П. Садовский...

Подобно другим выпускникам Поливановской гимназии, суховатый и до предела эгоистичный Валерий Яковлевич сохранил о ней самые теплые воспоминания. Немудрено, ведь именно там, в последнем классе, он увлекся Пушкиным, Малларме, Бодлером, Верленом, в письме к которому, будучи еще дебютантом

на литературном поприще, самонадеянно (но справедливо!) назвал себя основоположником русского символизма.

В 1893-м году он написал драму «Декаденты» («Конец столетия») и поступил на историко-филологический факультет Московского университета.

В течение следующего года начинающий поэт-студент (под разными псевдонимами) отредактировал и издал три выпуска стихотворного альманаха «Русские символисты», куда вошли и его собственные произведения. В третьем сборнике был помещен брюсовский однострочный стих «О закрой свои бледные ноги», наделавший много шума в литературной среде. Долгое время имя Брюсова не только в мещанских кругах, но среди интеллигенции ассоциировалось с этим эпатажным «коленцем», вызывавшим смех читающей публики. Позднее сам автор так отозвался о первых символистских сборниках под своей редакцией и с собственными стихами:

«Мне помнятся и книги эти, / Как в полусне недавний день! / Мы были дерзки, были дети... / Теперь в душе и тишь и тень... / Пять беглых лет — как пять столетий».

Основной круг интересов Брюсова в студенческие годы включал в себя также языки и театр. Он даже выступал на сцене приснопамятного в Москве Немецкого клуба, где, помимо семейных и танцевальных ве-

черов, вербных и рождественских благотворительных базаров, встреч любителей литературы, русских и немецких членов клуба (имевших там равные права) развлекали постановками различные театральные кружки. Большой успех сопутствовал «Плодам просвещения» Толстого, а в вытянутом по фасаду двухэтажном особняке на углу Рождественки и Пушечной улицы пробовал себя в роли режиссера Станиславский. С началом Первой мировой войны Немецкий клуб был переименован в Славянский. А в 1939-м стал

критиков, как красная тряпка на быка. Редкостная самовлюбленность и впрямь отличала стихи сборника и вообще была характерна для Брюсова 1890-х. Он ведь даже в дневнике записал тогда «Юность моя — юность гения».

Исповедуя принцип «искусство для искусства», отрешенность от «внешнего мира», автор называет себя «одиноким мечтателем», холодным и равнодушным к людям (что, в общем, соответствовало действительности). При этом Брюсов непре-

В 1985 году увидел свет первый брюсовский поэтический сборник, самонадеянно названный им «Шедевры». Естественно, это название подействовало на критиков, как красная тряпка на быка. Редкостная самовлюбленность и впрямь отличала стихи сборника и вообще была характерна для Брюсова 1890-х. Он даже в дневнике записал тогда: «Юность моя — юность гения»

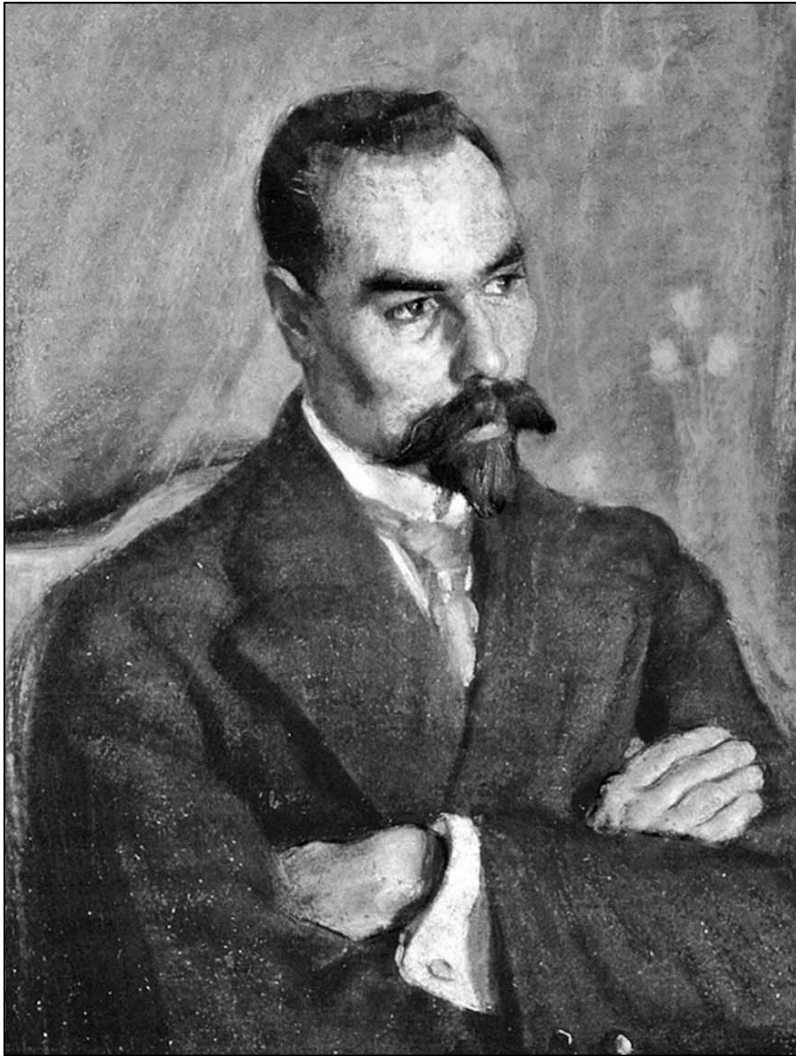
Центральным Домом работников искусств (ЦДРИ).

Валерий одно время приходил сюда из университета на Манежной площади чуть ли не ежедневно, поскольку влюбился в Наталью Дарузес, «Талю», игравшую в клубных спектаклях под фамилией Раевская. Им суждено было расстаться в начале 1894-го. И уже на следующий год увидел свет первый брюсовский поэтический сборник, самонадеянно названный им «Шедевры». Естественно, это название подействовало на

станно ищет новые формы и созвучия стиха, создает необычные образы, играет экстравагантными рифмами. Как, например:

*Фиолетовые руки
На эмалевой стене
Полусонно чертят звуки
В звонко-звучной тишине.*

Демонстративному апломбу и бравате молодой поэт не изменил и в напечатанном два года спустя своем следующем сборнике «Это — я». Тематика его расширилась:

появились исторические, научные, урбанистические мотивы. Этому во многом способствовала дружба с К. Бальмонтом, не прекращавшаяся вплоть до вынужденной эмиграции последнего после Октябрьской революции. Круг поэтов-символистов во главе с Бальмонтом и Блоком, ярчайшими символами Серебряного века, органично воспринял Брюсова как своего идейного лидера. А он быстро освоился в этом блестящем кругу представителей «нового искусства» и, окончив в 1899-м университет, выступил одним из инициаторов созданного в том же году промышленником-меценатом С. Поляковым литературного общества «Скорпион».

Выпущенный «Скорпионом» в 1900-м очередной сборник брюсовских стихов «Третья стра-

жа» автор посвятил Бальмонту. Ему он приписал «взор каторжника» и признался: «Но я в тебе люблю — что весь ты ложь».

Мистическое название, полумистические, историко-мифологические сюжеты стихотворений — в начале нового века все это было в моде. Тон задавали прямые основатели символизма — невероятно эрудированный исторический романист Дмитрий Мережковский и его супруга, рафинированная салонная поэтесса Зинаида Гиппиус. Совместными усилиями символисты опубликовали в 1901 году свой первый альманах «Северные цветы». И — собирались вечерами на литературные посиделки то у Гиппиус, то у Брюсова. На этих встречах порой приглашалось освещение, и собравшиеся вызывали духов, которые не только «двигали» столы, но и писали загадочные тексты рукой специально приглашенного на такой спиритический сеанс «проводника».

При всем том своей природной расчетливости и скупости «мистический» Валерий Яковлевич не изменял никогда. В его кабинете даже коробок спичек был привязан к настольной лампе ниточкой, дабы «забывчивые» гости случайно не унесли, прикурив... Но, надо отдать ему должное, в творчестве он не скупился до дна вычерпывать душу, выбирая среди всех жизненных путей «путь труда, как путь иной».

Отличительными чертами поэтики Брюсова в последующих сборниках становятся стилевая всеохватность и экспериментаторство, собиравание «всех напевов» (название одного из его сборников). Стилизация самых разных поэтических манер, русских и иностранных (вплоть до «песен австралийских дикарей») превращается у него в излюбленное занятие, в своего рода стихотворную игру, вместе с игрой рифмами, ритмами, размерами. Он даже готовил антологию «Сны человечества», представляющую собой переводы и подражания поэтическим стилям разных эпох.

Брюсов-поэт с течением времени неуклонно менялся, сохраняя сознание своего одиночества, презрение к человечеству и предчувствие неминуемого забвения. Эти мотивы отчетливо звучат в стихотворениях сборника «Граду и миру», вышедшего в 1903 году. В нем поэт все чаще обращается к «гражданской» теме.

Интерес к реальной действительности, с ее страданиями и нуждой, прорывается в псевдонародных частушках из раздела «Песни», которые написаны в нарочито «лубочной» манере. Отдельными броскими штрихами автор изображает здесь потаенные стороны жизни большого города, его уродливые контрасты. Тут и ущемленные чувства рабочего, и сокровенные переживания обительницы «дома с красненьким фонариком». В прославившем Брюсова стихотворении «Конь Блед» перед читателем возникает впечатляющая картина тревожной и напряженной городской жизни, чей неумолчный «грохот», бредовая суэта заслоняют неотвратимо надвигающийся лик смерти...

Эти проникновенные строфы не исключают в некоторых стихах сборника явного самообожания («И девы и юноши встали, встречая, венчая меня, как царя»). А вот в разделе «Элегии» тема любви получает замечательное развитие. Она становится здесь священнодействием, «религиозным таинством» и делает Брюсова зрелым мастером, признанным вождем русского символизма, оказавшим существенное влияние на Блока, Белого, С. Соловьева и других младосимволистов.

«Мистический реализм», который Валерий Брюсов культивировал в своих зрелых стихах как принадлежность символизма, в полной мере проявился в его вершинном ро-

мане «Огненный ангел». Роман печатался в 1907 году, а работал над ним автор почти десять лет. Причем в «Огненном ангеле», действие которого разворачивается в Германии XVI века, нашли непосредственное отражение обстоятельства надрывного любовного «треугольника» самого Брюсова, известной богемной писательницы-мемуаристки Серебряного века Нины Петровской, позднее покончившей с собой в Париже от нищенского одиночества, и Андрея Белого.

Роман имел огромный успех, неоднократно переиздавался в советское время, переводился на разные языки. По его мотивам Сергей Прокофьев написал одноименную оперу.

Надо заметить, что ко времени создания «Огненного ангела» Брюсов был счастливо женат на Иоанне Рунт, чешке по происхождению, в прошлом гувернантке в их семье. До самого конца она оставалась верной спутницей Валерия Яковлевича, закрывала глаза на любовные отноше-

Сборник «Весы» Брюсов относил к своим высшим поэтическим достижениям. Столь же требовательным мастером он выступал на редакторском поприще. Возглавляемый им журнал «Весы» был самым авторитетным периодическим изданием русских модернистов. Его авторитет среди сверстников и младосимволистов сделался непрекаемым. Он всегда следовал своему излюбленному правилу: «Если можешь, иди впереди века, если не можешь, иди с веком, но никогда не будь позади века»

По форме «Огненный ангел» представляет собой дневник главного героя, Рупрехта, где он описывает собственную жизнь через череду странствий, вплоть до «возвращения в немецкие земли». А демоническая героиня романа, Рената (Петровская) мучается от своей любви к Рупрехту (Брюсову). Их спутник в романе, Генрих (Белый) считал черным пятном на душе вспыхнувшую в нем неодолимую страсть к этой роковой женщине.

ния мужа с Ниной Петровской и терпела его последующие бурные увлечения (бурные, правда, только со стороны пассий, одна из которых потом даже застрелилась). Он же, как всегда, продолжал очень много работать. И как поэт, и как прозаик, и как редактор, не говоря уже о литературной критике и переводах.

Оригинальные новеллы Брюсова, построенные на принципе двоемирия, составили сборник «Земная

ось» (1907). В последующем новеллистическом цикле «Ночи и дни» автор отдал дань «философии мига», «религии страсти». Привлекают и его фантастические произведения — большой роман «Гора звезды», законченный в 1899 году, сборники рассказов «Восстание машин» (1908) и «Мятеж машин» (1914).

А еще в творческом багаже Брюсова были антиутопия «Республика Южного креста» и автобиографическая повесть «Обручение Даши», в которой писатель изображает своего отца, вовлеченного в либеральное общественное движение. Неоднократно инсценировалась и экранизировалась остросюжетная детективно-мелодраматическая повесть писателя «Последние страницы из дневника женщины».

В 1905 году увидел свет сборник «Венок».

В нем ярко расцветает гражданственная лирика Брюсова, считающего, что приход революции неминуем, и он, вольный крестьянский отпрыск, открыто приветствует ее. Теперь он утверждает в стихах, что человек свободен лишь на лоне природы — в городе же человек «раб каменьев» и мечтает о разрушении городов, о «дикой воле».

Сборник «Венок» Брюсов относил к своим высшим поэтическим достижениям. Столь же требовательным мастером он выступал на редакторском поприще. Возглавляемый им печатный орган симболи-

стов, журнал «Весы» по тщательности отбора материала был самым авторитетным периодическим изданием русских модернистов, противостоящим эклектичным и лишенным четкой программы журналам «Перевал» и «Золотое руно». Его авторитет среди сверстников и младосимволистов сделался непререкаемым. Бесспорным учителем, «магом», «жрецом» высокого искусства почитали Брюсова даже враждебные символизму футуристы (вместе с Маяковским и Пастернаком) и противопоставлявшие себя символизму акмеисты (во главе с Гумилевым).

Он же следовал своему излюбленному правилу: «Если можешь, иди впереди века, если не можешь, иди с веком, но никогда не будь позади века». И потому во время Первой мировой войны стал корреспондентом газеты «Русские ведомости». На фронт отправился, как и многие тогда, охваченный патриотическим порывом. Однако через два года вернулся в столицу глубоко разочарованным тем, что творилось на фронтах. И с головой ушел в шлифовку поэтической техники.

Сюжет стихотворения его мало интересовал — он сосредоточился на поиске утонченных рифм, изучал стилистические приемы других поэтов, сочинял классические баллады и сонеты, умел блестяще импровизировать в этих очень сложных формах. Так, свой венок сонетов «Роковой ряд» написал всего за

семь часов, хотя туда вошло 15 стихотворений.

Эти способности особенно пригодились ему в разносторонней переводческой деятельности. Как переводчик Брюсов много сделал для русской литературы. Открыл отечественному читателю бельгийского поэта-урбаниста Э. Верхарна, переводил стихи П. Верлена и Э. По, произведения М. Метерлинка и В. Гюго, Мольера, Байрона, Оскара Уальда, полностью перевел «Фауста» Гете...

В 1915-м году Армянский комитет заказал Брюсову сборник переводов поэтов Армении. Эта антология охватывала многовековую историю национальной поэзии. Валерий Яковлевич выступил не только переводчиком, но и составителем, редактором, организатором подготовки сборника к печати. А после публикации антологии выпустил ряд статей о культуре Армении и написал книгу «Летопись исторических судеб армянского народа». За все это он был удостоен почетного звания «Национальный поэт Армении».

Октябрьскую революцию стареющий поэт встретил восторженно, за рабочим столом в своей московской квартире на Первой Мещанской. Руку большевикам протянул сразу же, и они ее охотно приняли — имя Брюсова многое значило. Когда-то он написал: «И Господа и дьявола равно прослав-

лю я», дав тем самым понять, что он «над схваткой». В 1905-м разнес статью Ленина «Партийная организация и партийная литература», но стал затем родоначальником «советской литературной ленинианы». Запальчиво спорил с писателем И. Ясинским, кто из них первым начал сотрудничать с новой властью, и настаивал в «Автобиографии» на своем приоритете. И хоть величал себя беспартийным «поэтом-коммунистом», однако в 1920-м все же вступил в партию. Пел восторженные гимны «ослепительному» Октябрю и с присущими ему педантизмом и добросовестностью заведовал московской Книжной палатой, Отделом научных библиотек, Отделом художественного образования Главпрофобра. В 1921-м организовал Высший литературно-художественный институт и до конца жизни оставался его ректором и профессором. А еще принимал активное участие в подготовке первого издания Большой советской энциклопедии (был редактором разделов искусства, литературы и языкознания). Являлся членом Моссовета...

Имелись за этот последний период достойные его имени должностные дела и не очень достойные. В Главпрофобразовании он, «светоч культуры», запрещал (как когда-то его отец в семье) детские сказки, заявляя, что «совершенно недопустимы сказки, где речь идет о царях и царевичах, о Боге и ангелах». Пренебрег, выходит, своим дав-

ним стихотворным заветом «Юному поэту» — «не живи настоящим, поклоняйся искусству». В Книжной же палате организовывал спецотряды по спасению книг помещиков, а на деле — реквизиции частных собраний. И дождался дня, когда немолодая решительная баба (этакий Швондер в юбке) и с ней несколько рабочих явились за его огромной библиотекой. «Подумайте — сколько книг! И это — у одного старика! Завтра пришем грузовик...» А ведь он даже Бунину по его просьбе не

давал ни единой книги. Спас брюсовскую библиотеку лично Луначарский.

Увы. Несмотря на все свои стремления влиться в новую эпоху, стать «поэтом новой жизни» (что ценой загубленного таланта удалось Маяковскому), Брюсов от советской эпохи безнадежно отставал. В период формирования новой советской поэзии стихотворные эксперименты Брюсова сочли слишком сложными и «непонятными массам».

На брюсовских семинарах в Литинституте юные дарования — Светлов, Приблудный, Альтаузен и другие, разинув рты, внимали, как он, факир рифмы, по заданному слову или мысли, картинно прикрывая глаза ладонью, уже через минуту декламировал им безупречные экспромты. Случалось, находило настроение, и тогда, собрав гурьбу студентов, Валерий Яковлевич вел их поздно вечером к памятнику Пушкину читать стихи.

Эти же преданные ему студенты утешат Брюсова, принявшись его качать после того, как в Большом театре ему вместо ожидаемого ор-

дена вручат на 50-летие одну только Грамоту ВЦИК. Через год, в октябре 24-го, он умрет от крупозного воспаления легких и будет похоронен на Новодевичьем кладбище среди могил своих предков. Хоронили пышно, под дробь барабанов юных пионеров. Красный (по цвету революции) катафалк, знамена, венки, почетный караул... Говорят, последними его словами были: «Мои стихи...» Он очнулся, поднял палец и прошептал эти слова жене.

Анна Ахматова так откликнется на кончину Брюсова: «Он знал секреты, но не знал тайны».

Валерий Брюсов

ОТРАДЫ

Знаю я сладких четыре отрады.
Первая — радость в сознании жить.
Птицы, и тучи, и призраки — рады,
Рады на миг и для вечности быть.
Радость вторая — в огнях лучезарна!
Строфы поэзии — смысл бытия.
Тютчева песни и думы Верхарна,
Вас, поклоняясь, приветствую я.
Третий восторг — то восторг быть любимым,
Ведать бессменно, что ты не один.
Связаны, скованы словом незримым,
Двое летим мы над страхом глубин.
Радость последняя — радость предчувствий,
Знать, что за смертью есть мир бытия.
Сны совершенства! в мечтах и в искусстве
Вас, поклоняясь, приветствую я!

ЖЕНЩИНЕ

Ты — женщина, ты — книга между книг,
Ты — свернутый, запечатленный свиток;
В его строках и дум и слов избыток,
В его листах безумен каждый миг.
Ты — женщина, ты — ведьмовский напиток!
Он жжет огнем, едва в уста проник;
Но пьющий пламя подавляет крик
И славословит бешено среди пыток.
Ты — женщина, и этим ты права.
От века убрана короной звездной,
Ты — в наших безднах образ божества!
Мы для тебя влечем ярем железный,
Тебе мы служим, тверди гор дробя,
И молимся — от века — на тебя!

ОБЛАКА

Облака опять поставили	И, пленяясь теми сферами,
Паруса свои.	Смотрим мы с полей,
В зыбь небес свой бег направили,	Как скользят рядами серыми
Белые ладьи.	Кили кораблей.
Тихо, плавно, без усилия,	Но и нас ведь должен с палубы
В даль без берегов	Видеть кто-нибудь,
Вышла дружная флотилия	Чье желанье сознавало бы
Сказочных пловцов.	Этот вольный путь!

В БУДУЩЕМ

Я лежал в аромате азалий,
Я дремал в музыкальной тиши,
И скользнуло дыханье печали,
Дуновенье прекрасной души.
Где-то там, на какой-то планете,
Без надежды томилась ты,
И ко мне через много столетий
Долетели больные мечты.
Уловил я созвучные звуки,
Мне родные томленья постиг,
И меж гранями вечной разлуки
Мы душою слились на миг. □

Два романа

Алла Зубкова

«ЖЕЛЕЗНОГО ИМПЕРАТОРА»

Без малого тридцать лет он решал судьбы народов не только своей огромной империи, но и почти всей Европы. Утверждали, что этот российский самодержец начисто лишен сантиментов. Наверное, в сфере политики так и было. Но ведь существует еще и личная жизнь. Сильные мира сего редко могут рассчитывать на бескорыстную любовь окружающих. Но императору Николаю I посчастливилось повстречать на своем жизненном пути двух женщин, отдавших свои сердца не всемогущему монарху, а мужчине, которым безмерно восхищались и который сумел, в свою очередь, оценить не только их красоту, но и редкие душевные качества. Первую он встретил еще восемнадцатилетним юношей, и она стала его верной спутницей на всю жизнь. Вторую полюбил, будучи уже властелином огромной империи...

Он появился на свет 25 июня (6 июля) 1796 года в Царскосельском дворце. Младенец стал девятым ребенком в семье великого князя Пав-

ла Петровича. Уже через четверть часа о рождении внука было сообщено императрице Екатерине Великой. В тот же день в письме к свое-

му старинному другу и корреспонденту барону Фридриху Гримму Екатерина II сообщила: «Сегодня в три часа утра мамаша родила большущего мальчика, которого назвали Николаем. Голос у него бас, и кричит он удивительно, длиною он аршин

Казалось, сама судьба predeterminedила ему военную карьеру. Николай еще при рождении был произведен в полковники и назначен шефом лейб-гвардии Конного полка. В четыре года он стал шефом и лейб-гвардии Измайловско-

Ребенком Николай был весьма способным, однако интерес проявлял лишь к дисциплинам, которые ему нравились. Среди множества предметов выделял математику, физику, фортификацию и инженерную науку, географию и историю, особенно военную

без двух вершков (61 см), а руки не много менее моих. В жизни не видела такого рыцаря. Если он будет продолжать, как начал, то братья окажутся карликами перед этим колоссом».

Рождение третьего внука радовало императрицу в первую очередь потому, что еще вернее обеспечивало желательный ей порядок в престолонаследии. Ведь она терпеть не могла своего сына Павла и мечтала лишиться его прав на престол, передав корону одному из своих внуков, которых обожала. Впрочем, при таком повороте дела у Николая не было ни малейшего шанса когда-либо взойти на трон: ведь по праву наследования ему предшествовали два старших брата — девятнадцатилетний Александр и семнадцатилетний Константин.

го полка. Он с упоением играл в оловянных и фарфоровых солдатиков, выполнял оружейные приемы, строил и разрушал игрушечные крепости.

Ребенком он был весьма способным, однако интерес проявлял лишь к дисциплинам, которые ему нравились. Среди множества предметов, которые преподавали ему лучшие учителя, а затем и профессора, он выделял математику, физику, фортификацию и инженерную науку, географию, историю, особенно военную. Прочие гуманитарные предметы не особенно жаловал, а философию просто терпеть не мог. Разумеется, он прекрасно владел немецким и французским языками, преуспевал в танцах, фехтовании и особенно верховой езде. Юный Николай самозабвенно познавал тон-

кости строевой службы. Ружейными приемами овладел в совершенстве, и даже в зрелые годы, несмотря на занятость, почти ежедневно проделывал в темпе сложные упражнения с оружием, считая это занятие прекрасным средством сохранять физическую форму.

С детства будущий император отличался вспыльчивостью и с годами этот недостаток лишь усугублялся, нередко принимая форму откровенной грубости.

Во время «грозы двенадцатого года» Николай и его младший брат Михаил остро переживали свое вынужденное «заточение» в Гатчине. Николай пришел в ярость, узнав, что Москва занята французами, но верил в благополучный исход войны и просил у брата, императора Александра, разрешения приехать в действующую армию, но получил отказ. Только после того, как союзные армии вошли в пределы Франции, Александр I разрешил младшим братьям приехать к нему.

Николай мечтал об участии в грядущих сражениях. Увы, мечтам его не суждено было сбыться. Он опоздал. Париж уже пал, а Наполеон был сослан на остров Эльба.

Тем не менее, у него не было оснований жаловаться на судьбу. В Берлине, куда братья прибыли в конце февраля 1814 года, он познакомился с дочерью прусского короля Фридриха Вильгельма III пятнадцатилетней Шарлоттой. Как и подобает не-

мецкой принцессе, она носила гораздо более длинное имя — Шарлотта-Фредерика-Луиза-Вильгельмина. Девушка была необычайно хороша и грациозна. Современники утверждали, что она — «живой портрет» своей покойной матери, королевы Луизы, одной из признанных красавиц Европы. Спустя почти двадцать лет Николай Павлович вспоминал: «Тут, в Берлине Провидением назначено было решиться счастью всей моей будущности, здесь увидел я в первый раз ту, которая по собственному моему выбору с первого раза возбудила во мне желание принадлежать ей всю жизнь».

Шарлотта тоже была очарована молодым великим князем и писала близкому родственнику: «Он мне нравится, и я уверена, что буду счастлива с ним».

Пребывание Николая в Берлине было недолгим, но спустя год он уже снова в Германии. В Берлине объявили об их помолвке. На семейном обеде в честь этого события в королевском дворце присутствовали победитель Наполеона при Ватерлоо фельдмаршал Блюхер и русский военачальник Барклай-де-Толли. Влюбленная пара танцевала вальс, который запомнился им на всю жизнь. Увы, к отчаянию юной пары, свадьбу решено было отложить на два года — до совершеннолетия Николая.

И, наконец, наступил день, когда на восточной границе Прусского ко-

ролевства в Мемеле (современная Клайпеда) Николай во главе внушительного контингента русских войск с обнаженной шпагой встретил свою невесту, а через две недели Шарлотта принимала православное крещение в часовне Зимнего дворца. Отныне ее имя — Александра Федоровна. Имя Александра — безусловно, дань уважения русскому императору. Отчество же было дано в честь иконы Федоровской Божьей Матери, издавна считавшейся покровительницей дома Романовых. 25 июня, в день рождения и совершеннолетия Николая Павловича, которому исполнился 21 год, в дворцовой церкви Зимнего дворца прошла церемония обручения. Александра Федоровна впервые надела са-рафан и бриллианты.

1 июля 1817 года в этой же церкви состоялось торжественное бракосочетание. Молодых провели в специально подготовленную для них комнату. Шаферы, великий князь Михаил и принц Вильгельм, держали венцы над головами новобрачных. После церемонии состоялся обед и бал. Затем молодые супруги покинули толпу придворных и в сопровождении отряда гусар и конной гвардии направились в Аничков дворец, который подарил им император. Александр и императрица Елизавета встретили их там хлебом-солью.

«Аничков рай» — так называл Николай Павлович годы, проведенные в этом дворце. На одном из бю-

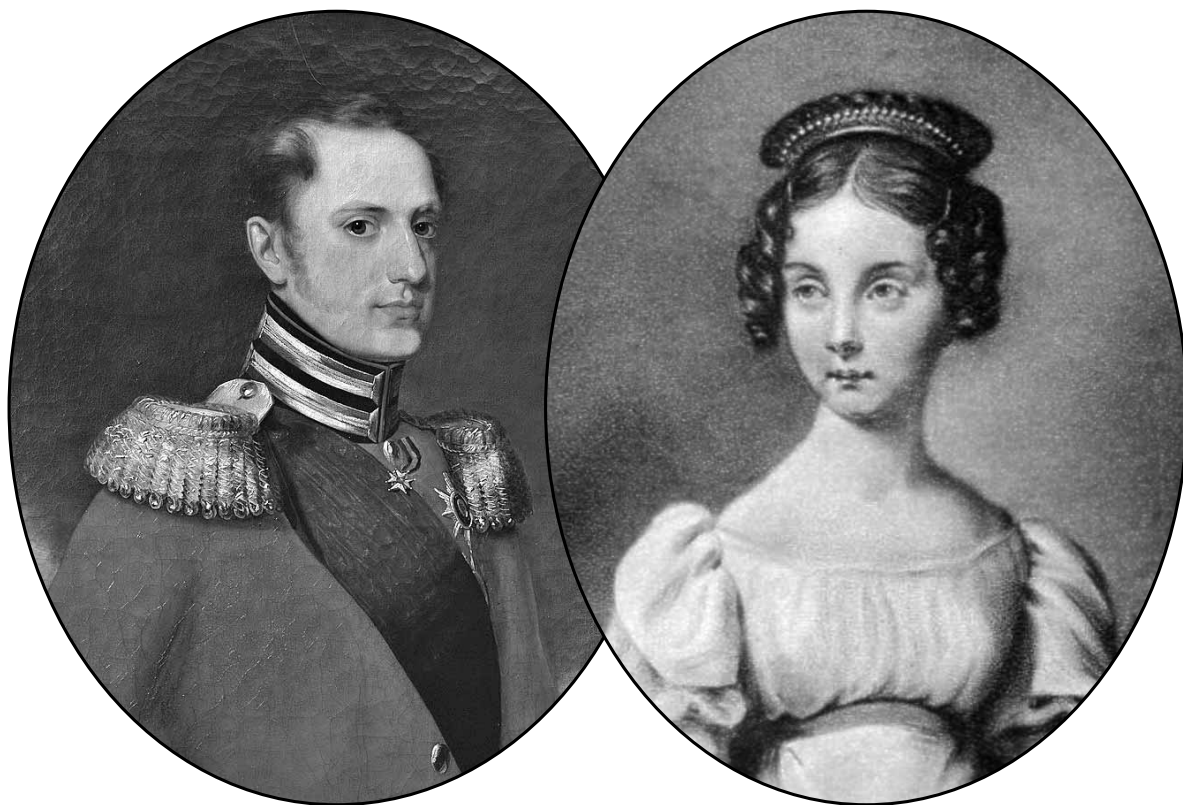

Николай в детские годы

стов Александры Федоровны, работы немецкого скульптора Христиана Рауха, он приказал сделать надпись: «Счастью моей жизни».

Первое время всем светским развлечениям молодая супружеская пара предпочитала вечера наедине. В эти часы они читали вслух романы мадам де Сталь и Вальтера Скотта, вели бесконечные разговоры о своих чувствах. Николай был в восторге от мягкости, невинности и детской чувствительности жены. Весь двор признавал за великой княгиней изысканную хрупкую красоту и милую привлекательность.

Сама она была без ума от супруга, его мужественной красоты — высоченного роста (189 см), стройный, широкоплечий, с великолепной выправкой и чертами лица, напоми-

Николай I и принцесса Шарлотта в юные годы

навшими изображения героев на античных камнях — и всегда старалась сделать мужу что-нибудь приятное. Например, Николай Павлович имел обыкновение по вечерам вызывать к себе во дворец команды из 40-50 ефрейторов, служивших в подчиненных ему гвардейских полках. Зажигались свечи, люстры и начинались занятия ружейными приемами и маршировки по гладко натертому паркету. Довольно часто в угоду супругу Александра Федоровна становилась на правый фланг сбоку какого-нибудь громадного усача-гренадера и маршировала, старательно вытягивая носки.

Однако в Аничковом дворце проходили не только военные экзерци-

ции. Великокняжеская чета открыла его двери для столичного общества. Весь Петербург приходил в восхищение от грации Александры Федоровны и ее манеры танцевать — ни одного лишнего па, ни одного неровного движения нельзя было у нее заметить. Говорили, что она «скользила по паркету, как плавает в небе облачко, гонимое легким ветерком».

А еще во дворце регулярно проходили литературно-музыкальные вечера, часто ставились театральные инсценировки, в которых с удовольствием принимал участие и Николай Павлович.

Александра Федоровна живо интересовалась новинками литературы, музыкой, живописью. Она поста-

вила себе целью овладеть русским языком и стала брать уроки у знаменитого поэта Василия Андреевича Жуковского. Тот был в восторге от своей ученицы и посвятил ей очаровательное стихотворение.

Там есть строка, ставшая знаменитой в русской поэзии:

произносить на русском языке только коротенькие фразы.

Между тем семейная жизнь шла своим чередом. В апреле 1818 года на свет появился первый ребенок — будущий император Александр II. Далее роды следовали одни за другими, с очень небольшими интерва-

П

ервое время всем светским развлечениям молодая супружеская пара предпочитала вечера наедине. В эти часы они читали вслух романы мадам де Сталь, Вальтера Скотта, вели бесконечные разговоры о своих чувствах. Николай был в восторге от мягкости и детской чувствительности жены, а она была без ума от супруга, его мужественной красоты и всегда старалась сделать ему что-нибудь приятное

*Ах, не с нами обитает
Гений чистой красоты,
Лишь порой он навещает
Нас с небесной высоты...*

Это стихотворение, ходившее в рукописных списках, впервые было опубликовано только в 1827 году. Оно стало известно Александру Сергеевичу Пушкину и поэтическая фраза Жуковского — «гений чистой красоты» — появилась в стихотворении, посвященном Анне Петровне Керн.

Однако уроки русского языка особой пользы великой княгине не принесли, поскольку, увы, педагогический дар маститого поэта сильно уступал его творческому гению. Довольно долго великая княгиня могла

лами. Александра Федоровна родила десять детей, из которых выжило семеро — четыре сына и три дочери. Николай Павлович обожал детей, но был с ними строг, и они невольно больше тянулись к матери.

Александра Федоровна очень точно осознавала свое место в семье. По словам дочери Ольги, она считала, что ее главное назначение быть любящей женой, уступчивой и довольной своей второстепенной ролью. Муж пользовался ее абсолютным доверием, а единственное, что утоляло ее тщеславие, это сознание, что он счастлив. Ради мужа она была готова пожертвовать всем. Когда завершился процесс над декабристами (восстание произошло

*Император
Николай I*

в самом конце 1825 года, через несколько дней после восшествия Николая Павловича на престол), в ее дневнике появилась запись: «Жены высылаемых намерены следовать за своими мужьями в Нерчинск. О, на их месте я поступила бы так же».

Что же касается Николая Павловича, то, по мнению одной из фрейлин двора, он «питал к своей жене страстное деспотическое обожание

сильной природы к существу слабому, единственным властителем которого он себя чувствовал». Диктат его был настолько всеобъемлющим, что распространялся даже на наряды супруги. Если ему не нравилось какое-нибудь платье жены, он заставлял ее сменить наряд, чем иногда доводил до слез. Впрочем, Александра Федоровна довольно быстро успокаивалась и соглашалась с решением му-

*Императрица
Александра
Федоровна*

жа, после чего сконфуженный супруг удваивал свою нежность к ней. Он не скупился на подарки, устраивал 1 июля, в день ее рождения, блестящие петергофские праздники, театрализованные рыцарские турниры с личным участием. Эти праздники неизменно начинались тем самым вальсом, который танцевали когда-то в Берлине во время своей помолвки Николай и Шарлотта.

Между тем, насыщенная и напряженная жизнь стала утомлять Александру Федоровну. Поначалу мало кто замечал происходящие с ней изменения. После восшествия Николая Павловича на престол многие видели в ней идеал русской царицы. А.С. Пушкин отмечал в своем дневнике: «Я ужасно люблю царицу, несмотря на то, что ей уже 35 лет и даже 36». Чуть позднее он

записал: «Государыня очень похорошела».

Но с конца тридцатых годов здоровье ее сильно пошатнулось: часто случались приступы сердцебиения, кашля, она страдала несварением желудка, а особенно плохо чувствовала себя в промозглые петербургские зимы. Все чаще, сначала в со-

во называли «васильковыми дурачествами».

В первые годы после женитьбы великий князь демонстративно подчеркивал свою привязанность к жене. Однажды на маскараде в Вене к нему подошла дама в «домино» со словами: «Знаете ли Вы, Ваше Высочество, что Вы самый красивый муж-

Н

иколаю Павловичу было уже за сорок, когда он встретил женщину, сумевшую разбудить в его сердце чувства, как он сам считал, уже давно угасшие. С Варварой Нелидовой император познакомился на одном из маскарадов. Варенька не была красавицей, но ее ум, грация, такт и простота настолько понравились ему, что Николай был покорен. Вскоре Варвару, которая воспитывалась в Смольном, пригласили ко двору, затем она была назначена фрейлиной императрицы, а вскоре стала одной из ее любимиц

провождении мужа, Александра Федоровна стала уезжать на лечение за границу. Лечилась минеральными водами в Спа, Эмсе, Крейте, проводила зимы в Неаполе, Палермо, Ницце.

После рождения в 1832 году сына Михаила врачи предупредили императрицу, что следующие роды могут ее убить, и что она больше не должна выполнять супружеские обязанности. Поначалу это стало для нее ударом, но позже Николай I получил от жены разрешение заводить связи на стороне. В семье эти связи игри-

чина в России?» Великий князь ответил, резко отворачиваясь от нее: «Сударыня, это касается только моей жены».

Император продолжал вызывать восхищение дам и в зрелом возрасте, а потому его «васильковые дурачества» со временем приобрели нешуточные масштабы. Полный список любовниц Николая Павловича составить, вероятно, невозможно, однако нет сомнений в том, что он был весьма внушительный, тем более, что большинство связей носили

весьма кратковременный характер. В начале 1834 года по Петербургу ходили слухи об истории с четой Безобразовых. О ней писал в дневнике и А.С. Пушкин. Утверждали, что у императора будто бы была связь с женой флигель-адъютанта Сергея Безобразова, и тот дал Николаю I пощечину, за что был посажен под арест, а затем отправлен на Кавказ...

Некоторое время царь был увлечен княжной Ольгой Александровной Долгорукой. Не оставались без его внимания также балерины и певицы столичных театров. Среди последних называли имя выпускницы театральной школы Марии Дмитриевны Новицкой, вызвавшей фурор во время дебюта в опере «Фенелла» в осеннем сезоне 1833 года.

Доподлинно неизвестно, были ли у Николая Павловича любовные связи с воспитанницами Смольного

института, зато хорошо известно, что эти девушки называли его не иначе, как «ангел-император». Они только что не молились на него.

Однако отнюдь не все женщины считали императора идеальным мужчиной и неотразимым кавалером. Так, красавица Лавиния Жадимировская предпочла императору князя Трубецкого, с которым попыталась бежать от нелюбимого мужа за границу. Беглецов поймали. Император был разгневан. Ведь Лавиния не только отказала ему, но и разрушила законную семью, а это уже был открытый вызов благопристойности. Лавинии пришлось вернуться к мужу. Но Николай Павлович не забыл этот инцидент. Через много лет Жадимировская

потеряла мужа, осталась без средств к существованию и обратилась к царю с просьбой о вспомоществовании. И тут император повел себя совсем не по-рыцарски. Увидев в прощении имя Лавинии, он гневно рявкнул: «Этой?! Никогда и ничего!»

Николаю Павловичу было уже за сорок, когда он встретил, наконец, женщину, сумевшую разбудить в его сердце чувства, как он сам считал, уже давно угасшие. С Варварой Аркадьевной Нелидовой император познакомился на одном из маскарадов. Точная дата этого события неизвестна, но, скорее всего, это произошло в 1838 году. Варвара Аркадьевна происходила из старинного дворянского рода. Отец ее был сенатором и действительным тайным советником. Тетка — фавориткой императора Павла I. Бабушка по материнской линии — внебрачной дочерью знаменитого Григория Орлова. От тетки Варвара Аркадьевна знала некоторые подробности из детства Николая Павловича и рассказала ему о них во время танца, когда была в маске. Государь был тронут. Девушку, которая воспитывалась в Смольном, пригласили ко двору, а затем она была назначена фрейлиной императрицы и вскоре стала одной из ее любимиц. Высокого роста, с чудными темными глазами и бровями, с решительным лицом в обрамлении тяжелых кос, Варенька не была красавицей, но ее

ум, грация, такт и простота понравились царю. В любой ситуации она сохраняла благородство манер, которое подкупало окружающих, от нее исходила какая-то живительная свежесть. Император был покорен. Его дочь, великая княжна Ольга, в своих Записках вспоминала: «То, что началось невинным флиртом, вылилось в семнадцатилетнюю дружбу. В свете не в состоянии верить в хорошее, потому начали злословить и сплетничать ... Папа часто после прогулки пил чай у Вареньки; она рассказывала ему анекдоты, между ними и такие, какие никак нельзя назвать скромными, так что Папа смеялся до слез. Однажды от смеха его кресло опрокинулось назад. С тех пор кресло это стали прислонять к стене, чтобы подобного случая не повторилось».

Что ж, дочери, разумеется, хотелось, чтобы отношения отца и Нелидовой носили исключительно платонический характер, хотя в глубине души она, должно быть, сама вряд ли в это верила. Вскоре император был уже не в силах бороться с непреодолимым влечением к девушке. Варенька, в свою очередь, была тронута почтением и восхищением этого стареющего властителя, который в ее присутствии становился таким внимательным и искренним. Постепенно в ней просыпалось ответное чувство.

Некоторые придворные полагали, что императрица глубоко стра-

дала, видя отношения мужа и ее фрейлины. Это было не так. Наиболее осведомленные наблюдатели были в курсе того, что Александра Федоровна фактически сама «санкционировала» эту связь, поскольку больше не могла быть интимной подругой мужу. Она считала, что эта связь не может быть поставлена в укор ни самому императору, ни Нелидовой. Варвара Аркадьевна, по ее мнению, искупала свою вину тем, что любила государя всеми силами своей души, не считаясь ни с его величием, ни с его могуществом, а любя в нем человека. И то, что жена приняла ситуацию именно так, делало ее для Николая Павловича еще дороже.

Роман императора выглядел настолько благопристойно, что любопытные дамы света были удивлены: «В 9-м часу после гуляния он пьет кофе, потом в 10-м часу сходит к императрице, там занимается, в час или 1.30 опять на-

Варвара Нелидова

вещает ее, всех детей ... и гуляет. В 4 часа садится кушать, в шесть гуляет, в 7 пьет чай со всей семьей, опять занимается, в половине десятого сходит в собрание, ужинает, гуляет, около двенадцати ложится почивать ... Когда же царь бывает у фрейлины Нелидовой? Тем более что он ложится почивать с императрицей в одной кровати?»

Варвара Аркадьевна также никогда не представляла напоказ своих отношений с государем и не пользовалась своим влиянием, чтобы подчеркнуть собственную значимость. Обращаться к ней с просьбами о продвижении по службе, выгодных контрактах и тому подобном было совершенно бесполезно, она их просто пропускала мимо ушей.

По утверждению современников, Нелидова родила императору троих детей, однако сведения эти документально не подтверждены. Тем не менее, в генеалогических таблицах встречаются имена внебрачных детей Николая I, матерью которых могла быть Варвара Аркадьевна.

Николай Павлович скончался 18 февраля (2 марта) 1855 года, по официальной версии, от пневмонии (паралич легких). Чуть позже пошли слухи о яде, который, якобы по требованию Николая I дал ему его доктор Мандт. Отдать такое распоряжение императора буд-то бы побудили неудачи в Крымской войне. Однако против такой версии событий говорит то обстоятельство, что царь был искренне верующим человеком, соблюдающим все за-

веты православной церкви — для христианина самоубийство является одним из самых тяжких грехов. Скорее всего, правы исследователи, считавшие причиной смерти императора совокупность нескольких причин. Здесь и усталость от многолетнего пребывания на троне, и стрессовое состояние, как следствие неудач на войне, и серьезное простудное заболевание.

Перед самой кончиной мужа охваченная жалостью к Варваре Аркадьевне царица попросила его проститься с нею. «Нет, дорогая, я не должен больше ее видеть, — ответил император. — Ты ей скажешь, что прошу ее меня простить, что я за нее молился и прошу ее молиться за меня».

После смерти супруга Александра Федоровна призвала Нелидову, поцеловала ее и, сняв с руки браслет с портретом императора, сама надела его на руку Варвары Аркадьевны. Кроме того, она назначила один час в течение дня во все время пребывания тела Николая Павловича во дворце, когда в комнату, где стоял гроб,

не допускался никто, кроме Нелидовой.

Двор был поражен странным сближением этих двух женщин. Императрица же искала утешения в обще-

Варваре Аркадьевне Нелидовой суждено было прожить много лет. Апартаменты бывшей фрейлины в Зимнем дворце время от времени посещали сын и внук ее покойного

Н

иколай Павлович скончался, по официальной версии, от пневмонии. Чуть позже пошли слухи о яде, который, якобы по требованию императора, дал ему его доктор Мандт, и будто к этому побудили его неудачи в Крымской войне. Однако против этой версии говорит тот факт, что император был искренне верующим человеком, а для христианина самоубийство является одним из самых страшных грехов. Скорее всего, сказались усталость от многолетнего пребывания на троне, стрессовое состояние от неудач на войне и серьезное простудное заболевание. А после его кончины весь двор был поражен тесным сближением двух женщин, которые преданно любили одного мужчину...

стве любовницы мужа, ведь их связывало столько общих воспоминаний. Нелидова собиралась сразу после похорон императора покинуть Зимний дворец, но вся царская семья воспротивилась этому. Варваре Аркадьевне пришлось доживать свои дни там, где она нашла свою единственную любовь...

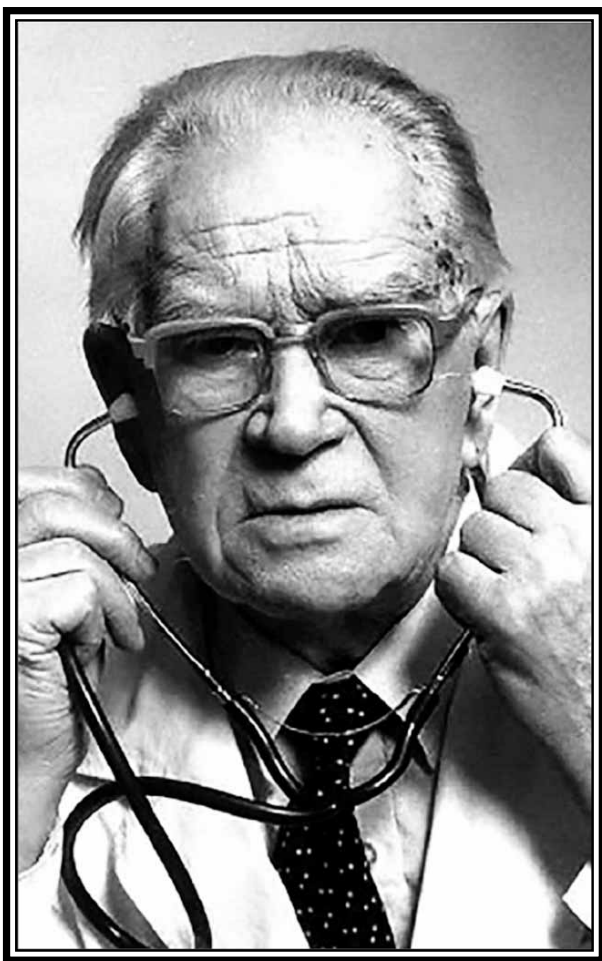
Александра Федоровна скончалась 20 сентября 1860 года в возрасте шестидесяти двух лет. Находившиеся в комнате медики и фрейлины слышали последние слова царицы. В пелене окружавшего ее тумана, глядясь в одной ей видимый образ, она прошептала: «Ник, я иду к тебе».

возлюбленного — Александр II и Александр III. Она пережила их и успела узнать о коронации правнука своего кумира. Весной 1896 года на трон взошел последний русский император Николай II. В.А. Нелидова умерла 18 (30) октября 1897 года и похоронена в Санкт-Петербурге на кладбище Сергиевой Приморской пустыни.

Остается добавить, что имя Варвары Аркадьевны вошло не только в исторические анналы, но и в русскую литературу. В своей повести «Хаджи-Мурат» ее упоминает Лев Николаевич Толстой. В повести «Малолетний Витушишников» о ней повествует и Юрий Тынянов. □

Екатерина Маркова

Рыцарь детства

Всякий раз, когда ставлю за него свечку в храме и шепчу: «Господи, прости ему все прегрешения вольные и невольные», думаю о том, что, безусловно, ТАМ виднее, но если и были у него грехи, то все перевешивает другое... До последнего вздоха он истово, самозабвенно, бескорыстно служил детям.

Помню, вбежал в палату и мне, приговоренной к тому, что я потеряю только что родившегося ребенка, с улыбкой до ушей приказал: «А ну-ка вытереть слезы! И верить! Мальчишку спасем! А ты должна быть сильной — он сейчас все чувствует. Поэтому не унывать!»

Когда он так же стремительно унесся, я спросила медсестру, кто это был. «Это профессор Вячеслав Александрович Таболин, главный педиатр Советского Союза. — И прибавила задумчиво: «Он — гений»...

С того момента Вячеслав Александрович навсегда поселился в моей жизни, в моей душе, в моем сердце. Шумный, веселый, он скидывал в прихожей всегдашние, даже в жару, галоши (мол, для стерильности!), а спустя минуту уже ползал с ребенком под столом, чтобы в игре, как бы невзначай, прощупать больные ушки. Или демонстрировал сыну наличие маленького язычка в своем горле, да так заразительно, что ребенку не приходило в голову не показать собственный язык. Всегда казалось, что у него только и существует один-единственный пациент, так всепоглощаю-

ще принадлежал он этому ребенку. А их были тысячи...

Больных детей везли к нему со всего света. Иногда при осмотре, словно не доверяя фонендоскопу, он морщился, сбрасывал трубку и слушал ребенка ухом. В эти моменты его лицо становилось совсем другим, точно он входил в контакт с высшими силами, и шел консилиум, на котором выносился врачебный вердикт.

Когда родителям было что-то непонятно, он тут же хватал лист бумаги, обрывок газеты, салфетку — что было под рукой, и, рисуя больной орган, с воодушевлением читал целую лекцию на тему данной проблемы. Вечно мчался то на конференцию, то в больницу, то на заседание... Но когда осматривал ребенка, «выпроваживал» всю суету, и наступала полная тишина и сосредоточенный покой... В этот момент он священнодействовал.

А потом снова включался в свой бешеный ритм, читал захлеб любимые стихи, пел песни, подбивал ребенка на коллекционирование марок, гербов, уникальных монет.

Однажды был непривычно грустный. Оказывается, написал статью о полном отсутствии в роддомах зондов для кормления недоношенных детей — приходилось для этой цели использовать телефонные провода, вычищая начинку, — а ему заявили: хотите публикацию — попрощайтесь с выдвижением в академики. Академиком он стал позже, а тогда выбрал публикацию.

Отвоевывал каждого ребенка не только у болезни. Как-то, не найдя его в кабинете в Филатовской больнице, пошла его искать и обнаружила у окна в коридоре. Он напряженно всматривался во дворик больницы, и на лице блуждала лукавая улыбка. Увидев меня, указал глазами на девушку, прогуливающуюся с коляской, и довольным тоном пояснил:

— Гляжу, как мой метод работает. Как только мамаша отказывается от ребенка, прошу ее об одном одолжении — несколько часов в день гулять с ним на улице. Нянечек для этого не существует, а ребенку позарез воздух нужен. Большинство соглашаются. И, как правило, срываются. Привязываются к ребенку, которого поначалу и видеть не хотели. Забирают. Хотя, конечно, таким клеймо на лбу надо выжигать! Такие в жизни только грязь плодят. Надо, чтобы от них шарахались, как от прокаженных!

И тут же рассказал о Доме ребенка, куда устроилась работать нянечкой юная мама одного из отказных малышей. Отказалась, потому что жить было негде и не на что, а от сердца оторвать не сумела. Никому не говорила в Доме ребенка, что это ее малыш — просто украдкой прижимала его к груди, ласково шептала самые нежные слова, целовала, когда никто не видит... А персонал недоумевал по поводу неадекватно бурного по сравнению с другими брошенными малышами развития

этого ребенка. Он был... другой. Потому что чувствовал рядом маму.

Когда Вячеслав Александрович говорил об этом, у него в глазах блестели слезы. Для него каждый несчастный малыш был большой личной бедой.

Поэт Александр Блок умер оттого, что его сердце больше не умещалось в грудной клетке. Я всегда думала об этом, когда общалась с Таболиным. Его сердце тоже, наверное, давно уже разрослось, разбухло от детских страданий. Он нес непомерно тяжелый крест. И его Голгофой было детство...

— Жизнь развивается по линии упрощения, — говорил он. — Единственное, чего нельзя упрощать — это ребенок. Сложней детской природы ничего не существует, поэтому с каждым ребенком надо разбираться индивидуально, скрупулезно, терпеливо и, главное, с любовью. Дети, обделенные любовью — самый большой грех человечества. Самая большая вселенская беда...

Как-то промозглым мартовским днем я приехала за ним в Институт матери и ребенка на Юго-Западе Москвы. Болели сын и дочь, и надо было с ними разобраться. Вячеслав Александрович предложил ехать по Ленинскому проспекту, хотя удобней и ближе был другой маршрут. Я согласилась. Подумала, что, возможно, ему та дорога надоела, приелась — так иногда бывает.

Едем по Ленинскому, и вдруг он просит свернуть к Донскому монастырю. Сворачиваем. Подъезжаем к монастырю. Говорит: «Вылезай!» Я смотрю на него в полном недоумении. Он поясняет: «Ты иначе никогда сюда не доедешь, уж сколько про это говорено. А так — все равно по пути».

Входим на территорию Донского монастыря и по колено в растаявшем, перемешанном с землей и глиной снегу пытаемся одолеть проходы между могилами. Наконец продираемся к стене. Таболин удовлетворенно крикает и, чуть задышавшись от проделанного броска, сообщает:

— А теперь гляди! И как только дети подрастут, обязательно привези их сюда. Они должны знать. Это наша история.

Я смотрю на вмонтированные в монастырские стены огромные фрагменты храма Христа Спасителя, а Вячеслав Александрович с воодушевлением рассказывает уже в который раз об архитекторе-реставраторе Петре Дмитриевиче Барановском. В тридцатые годы, когда уничтожение храма было уже делом решенным, Барановский, который обмерял и описывал намеченные к сносу церкви, умудрился спасти горельефы взорванного храма Христа Спасителя. Мы стоим у огромного горельефа, и Вячеслав Александрович захлеб рассказывает о Дмитрие Донском и Сергии Радонежском, о монахах-воинах, изображен-

ных в скульптуре. А еще я узнаю, что тот же Барановский был последним человеком, посетившим Чудов монастырь в Кремле перед его сносом и успевшим вынести оттуда мощи митрополита Алексия. А еще он спас от уничтожения храм Василия Блаженного, вступив в конфликт с Лазарем Кагановичем, за что вскоре был сослан в Мариинский лагерь...

Тут я начинаю чувствовать, как в мои мокрые насквозь сапоги сверху начинает заливаться талая

ред могилой Барановского и его супруги Марии Юрьевны, и Таболин комкает в руках снятую шапку...

Этот удивительный, добрый и бесстрашный доктор до конца жизни продолжал с открытым забралом бесстрашно бороться за участь и здоровье детей....

...Умер он ночью, во сне. Наутро должен был проводить заседание кафедры по неотложным проблемам детей, но — не пришел. Остановилось сердце. Огромное, ис-

Поэт Александр Блок умер оттого, что его сердце больше не умещалось в грудной клетке. Я всегда думала об этом, когда общалась с Таболиным. Его сердце, наверное, давно уже разлослось, разбухло от детских страданий. Он нес непомерно тяжелый крест. И его Голгофой было детство...

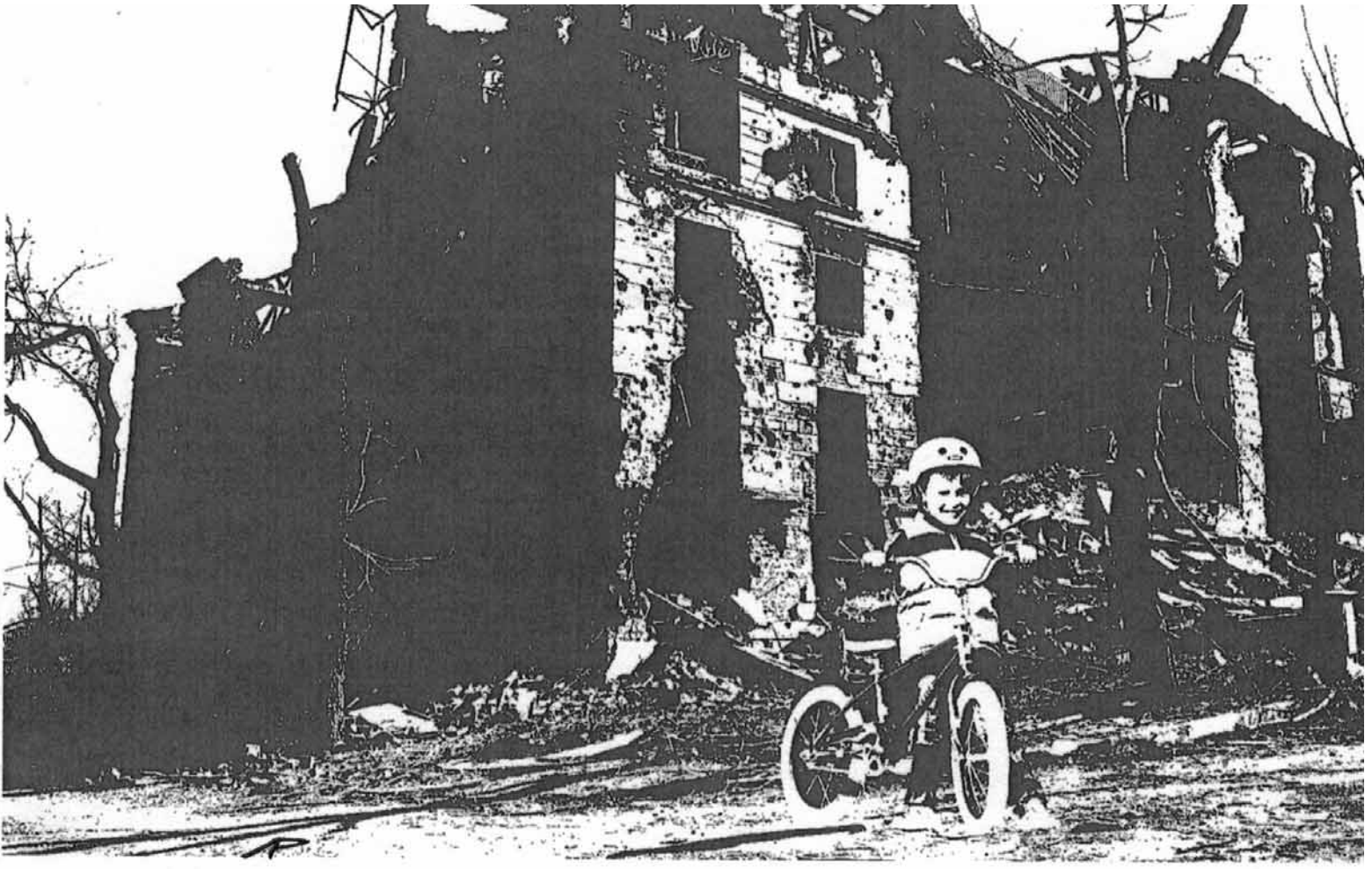
грязь, так как стоим мы в ней по колени, робко дергаю Вячеслава Александровича за рукав и сообщаю, что простужусь и заболею.

«Заболеешь — вылечим! — машинально отвечает перенесшийся в другие миры доктор и, окинув взглядом мою продрогшую, скукожившуюся фигуру, безжалостно добавляет: — Раз уж мы здесь — грех не поклониться его могиле».

И снова, проваливаясь в грязь, мы совершаем бросок мимо могил Вяземских, Голицыных, Трубецких, Чаадаева, Сумарокова, Ключевского... Наконец останавливаемся пе-

терзанное болью за беспомощных и несчастных детей, истекающее любовью к ним сердце великого педиатра и фантастического человека.

И теперь, имея уже внуков, я часто встречаю среди педиатров учеников Таболина. И тогда уверена — ребенок в надежных руках. Ученик Таболина — это как знак качества. Посвященные в рыцарство детства, оснащенные доспехами высочайшего профессионализма, милосердия, человечности и любви, они — лучшие. Они, как Учитель, служат детям... □

Я рано умру

Олег Визер

Посвящается Ангелам Новороссии

*«Смотрите, не презирайте
ни одного из малых сих;
ибо говорю вам,
что Ангелы их на небесах
всегда видят лицо Отца
Моего Небесного»,*

Евангелие от Матфея 18:10

Все время, пока шла траурная церемония возложения венков, цветов и детских игрушек, а затем утешительных — насколько это было возможно — речей представителей администрации, клятвенно обещающих, что нелюди обязательно за все ответят, что дело лишь во времени, и долго еще потом, после того, как все разошлись, он — рослый, сутулый мужчина в годах — в одиночестве стоял в стороне от людской толпы напротив мемориальной плиты.

В то утро плакали не только люди, рыдала и природа — как чувствовала витающее над парком горе скорбящих — в первый летний день моросил дождик, прохладный и колючий. Мужчина был без зонта и головного убора. Он стоял, втянув голову глубоко в плечи, отчего выглядел сутулым, и таким образом прятался от дождя за поднятыми бортами ворота, а руки держал в карманах грязной и потертой куртки камуфлированной расцветки. Его седеющая копна давно не стриженных волос походила на мокрую шерсть собаки, недавно игравшую в реке, — по слипшимся от сырости волосам за шиворот ему тонкими струйками стекала дождевая вода.

Может, я и не обратил бы внимания на этого убитого горем мужчину, если бы он не оказался единственным человеком, не считая меня, кто остался на Аллее Ангелов в парке Победы в Донецке после завершения траурного митинга, посвященного памяти погибших детей Донбасса

в Международный день защиты детей. Я видел, как он пришел в парк задолго до начала мероприятия с трехколесным детским велосипедом под мышкой. Мужчина не присоединился к толпе, а держался особняком: стоял спиной ко всем у основания мемориальной плиты, заставленной в несколько рядов игрушками и букетами, между которыми он поставил принесенный с собой велосипед. Все время я невольно бросал взгляд в его сторону. И чем дольше наблюдал за ним, тем больше кололо у меня под ложечкой от щемящего чувства тоски, овладевшей мной; а чуть позже возникла неукротимая потребность непременно, сейчас же, подойти к этому человеку и разделить вместе с ним его горе. Хотя бы молчаливым сочувствием разделить. Хотя бы тем, что я просто постою рядом с ним.

Парк быстро опустел — усиливающийся дождь разогнал людей. Мягкие игрушки намокли: под тяжестью воды плюшевые зверята согнулись и поникли головами. Металлическая арка, сделанная из переплетающихся роз и пулеметных лент, обрамляющая плиту с высеченными на ней фамилиями, именами и возрастом погибших детей, плакала тоже: с нее тонкими нитями стекали струйки дождя.

Немного помешкав, я все же решился подойти к скорбящему.

Он даже не шевельнулся, когда я встал рядом с ним. Напротив меня в букет свежих цветов была вложена фотография. Со снимка — как из прошлой жизни — на наш мир смотрел, улыбаясь во весь рот, мальчишка; его задорные голубые глаза, слегка раскосые, сияли жизнерадостностью. Довольное лицо счастливого ребенка, еще вчера живого, невозможно было сопоставить с указанной под фотографией датой рождения мальчишка и датой его смерти, между которыми теснился короткий, как дефис, отрезок времени в 10 лет. Подобное воспринималось как нечто противоестественное, дикое и чуждое человеческому сознанию. Нельзя человеку так мало жить. Мальчик погиб во время артобстрела украинскими военными. Эта трагическая новость о гибели маленького героя недавно облетела весь регион, а вскоре и вся страна узнала о его подвиге. Во время очередного артиллерийского обстрела Донецка он заслонил собою младшую сестренку и погиб. Девочка, к счастью, выжила, получив незначительные ранения.

«По ком он скорбит?» — гадал я, в который раз перечитывая список из полутора десятков имен погибших детей: мальчиков и девочек.

Потом взгляд мой упал на велосипед: он был здесь единственной не мягкой игрушкой — старый, грязный, с облупившейся голубой краской и проржавелой рамой, с оторванной резиновой накладкой на педали и немного погнутым рулем.

— Кто — ваш? — осмелился спросить я.

Он назвал фамилию. Я пробежался взглядом по списку и нашел имя мальчика шести лет.

— Внук? — решил я уточнить, хотя был уверен, судя по внешнему виду мужика, кем по родству ему приходится мальчик.

— Сын, — глухо ответил мужчина, и повторил еще раз: — Сын.

Ответ обескуражил меня; от волнения я сглотнул, посмотрел на него... и меня вдруг пробрала холодная дрожь. Вы когда-нибудь видели молодых стариков? Нет, не тех, шестидесятилетних, спортивных и бодрых, которые выглядят на пятьдесят, а то и на сорок, потому что следят за собой и ведут здоровый образ жизни. А тридцатилетних ребят, которым злодейка-судьба изуродовала не только душу, но и внешность, изрезав глубокими морщинами их лица и превратив в стариков. Такие лица бывают у парней, побывавших в горячих точках, видевших жестокость, у ребят, войной изрезанное сердце которых, пыхтя и кряхтя, но все же еще бьется, предоставляя своему хозяину возможность жить. Пусть и мучаясь от нестерпимой боли, которая ни на секунду не утихает и никакими препаратами не заглушается, — но все-таки жить. Лишь одно лекарство способно унять эту боль, и то временно, — это сладкий нектар отмщения.

Во внешнем облике парня, которому не было и тридцати, все говорило о сильном психологическом потрясении: неухоженная, седая борода, глубокие морщины, сухая и мятая, точно бумага, пожелтевшая кожа. Все печали и горести, гадости и несчастья, что случались в течение его жизни, все негативное, что видели его глаза — все это разом было отпечатано на лице преждевременно состарившегося молодого человека. Повстречай я его в таком виде где-нибудь в мирном городе, решил бы, что это бродяга.

Я отвел глаза и почувствовал, как в горле застрял ком. Поэтому единственное, что получилось выдавить из себя, это слово «Простите...»

Мы долго молча стояли, думая каждый о своем. Безмолвие тяготило, и хотелось скорее выйти из этого неуютного состояния, нарушить гнетущую тишину. Но на ум ничего путного не приходило, о чем можно было спросить его в тот момент и в таком месте. Неожиданный порыв желания немедленно уйти оттуда я тут же погасил: это выглядело бы нетактично с моей стороны. К тому же меня одолевало любопытство — в хорошем смысле слова: я хотел узнать этого человека лучше, услышать от него подробности. Справившись с волнением, я осторожно спросил:

— Как тебя зовут? — и назвал свое имя.

— Семен, — представился он.

— Как это произошло?

Семен посмотрел на меня, и от его взгляда, сухого и безжизненного, мне снова стало нехорошо; никогда раньше я не видел у человека таких пустых и мертвых глаз, люди с такими глазами не боятся смерти; они ничего в этой жизни уже не боятся.

— Зачем? — спросил он.

— Пропитаться хочу, — процедил я сквозь зубы. — Ненавистью хочу пропитаться к ним. Чтоб не раздобреть. Хочу ненавидеть их всегда, всю жизнь. И не дать этой сволочи снова породиться — вот зачем.

Его взгляд изменился, теперь он смотрел на меня, как на наивного ребенка, даже едва заметно ухмыльнулся, приподняв уголок рта, — видимо, сомневался, искренне я говорю или просто жалею его, и, нахмутив брови, отвернулся. Я решил, было, что разговор не получится. Но спустя минуту он все-таки поведал мне о своем горе. И я не жалею теперь, что тогда подошел к нему. Семену необходимо было чье-то присутствие рядом, какой-то человек, не важно — друг он, знакомый или посторонний, — с которым можно было поделиться о наблевшем.

— Из области я, из Волновахи. В Донецке оказался в пятнадцатом, через год после майдана. Ну, оказался — это легко сказано. Вернее будет, бежал из родного города, как только его айдаровцы да азовцы, будь они чертями изжарены, под свой контроль прибрали. Как увидел, что поставленный ими мэр нашего города гитлеровские кресты на своем мундире носит, а руки его по локоть в фашистских знаках, а еще когда он, паскуда такая, священников из церквей повыгонял, а в них иноземные оргии да обряды устроил — вот тогда-то все сразу и понял, куда страна и народ наш катится. Не-е, думаю, этакое не для меня, уж простите-подвиньтесь. Да на кой черт тогда мой дед немца-то бил, на Курской дуге в сорок третьем жизнь свою положил, для чего? Чтоб эта сволочь недобитая возродилась снова и правила внуками? Да мне совесть моя не позволит этой своре шакалячих выродков пособничать, этой шпане подчиняться! Нетушки! В своих стрелять я не намерен.

Вначале, конечно, ни черта в политике не понимал, жил, как говорится, на автомате. Призвали в армию — пошел, ничего не подозревая, как и многие из мобилизованных. Но вместо оружия нам кирку да лопату выдали и отправили под Донецк траншеи, окопы, да всякие муравьиные ходы в земле рыть. В общем, под Авдеевкой, на линии, как ее тогда культурно называли, соприкосновения, сооружали укрепрайоны. Расквартированы были в Авдеевке. Оттуда каждый день нас на работы грузовиками возили. Вот и вся служба: инструмент в руки — и давай, копай, браток. А тем временем, пока мы рыли, киевские гниды отдавали приказы

бомбить Донецк. Мы копаем, а снаряды так и свищут над головами. Позади, за спиной, пальнет — впереди громыхает. Что ж это, думаю, творится такое? Получается, мы против своих, что ли, воюем? Да ерунда какая-то: получается, свои своих же убивают — брат брата. Что я вообще до сих пор здесь делаю, спрашивал я себя. Там же, по ту сторону, земляки мои, жинка моя с двухлетним сыном, родители, да вся родня моя там, а в Донецке сестры да братья... Не-е-е, так не пойдет, думаю. Надо что-то решать, как-то определяться со своей позицией по этому поводу. Среди нас некоторые хлопцы голосистые были, много чего лишнего болтали про политику, всякие разные свои сомнения высказывали по поводу происходящего здесь, в Киеве и в Крыму. Командованию подобные мнения не нравились — нацики правдолюбцев не жаловали. Дюже разговорчивых бойцов тут же снимали с работ и куда-то увозили под различными предлогами — больше мы их не видели и о них ничего не слышали.

Как-то раз, во время перекура, сидя в блиндаже, эта мысль и пришла мне в голову, прилипла, как оса на компоте. Той же ночью твердо решил: сбегу я отсюда, к чертовой матери, пока не поздно.

На следующее утро позвонил жене, сказал, так, мол, и так, собирай манатки, бери дитя и тикай в Донецк к сестре, там меня и жди. Вкратце рассказал, как плохи дела по всей Украине, что разумнее держаться донецкой власти. Она и сама все понимала, баба не глупая, потому уже на следующий день перебралась в Донецк, благо тогда еще пропускной режим не такой жесткий был, и люди могли ездить туда-сюда почти беспрепятственно. Стал и я собирать манатки. В то время связь с Донецком плохая была, с перебоями, а то и вообще ее не было, поэтому я так и не смог в тот день дозвониться сестре и узнать, как мои добрались.

Сам утек следующим днем во время обеда. Пошел якобы по нужде за кусты близ лесочка, а там, внаглую, пешочком, не спеша так, соснами, соснами, да и пересек тихонько линию фронта. В пятнадцатом у них слабый контроль был за нами: доверяли еще, верили, что мы за бандеровскую власть будем задницы рвать, против своих братьев воевать. Короче, пересек я линию соприкосновения ночью, а к утру был в Донецке. В городе никто на меня не обратил внимания: я же форму-то нацистскую скинул, а по дороге, в одном хуторе, с которого ушли жители, во дворе нашел одежду по размеру, она на веревке сушилась, и переоделся.

Подхожу к дому сестры, она в Кировском районе жила, смотрю, а пятиэтажка вся в дырах, окна без стекол, видать, расстреливали хрущевку, да не один раз. Понятно было, что в нем сейчас вряд ли кто живет из-за постоянных бомбежек. Пошел в подвал искать. Там среди спрятавшихся и нашел своих...

Он замолчал, стал тереть друг о друга ладони, прикусил нижнюю губу — то ли сдерживал ярость, то ли плач. Потом потряс головой, сглотнул и продолжил:

— Вернее, сынишка меня первым увидел. Мне ведь с дневного света в полутьме непривычно было, не мог различить лица, а он сразу узнал. Бежит, кричит из темноты: «Батька! Батька! Ты приехал!» Вскочил мне на руки, обнял за шею и не отпускает, зажал горло, как в клещи, дышать не могу. Сам-то радуюсь, плачу, не разжимаю его ручонки, хоть и воздуху хочется набрать, уж пусть давит, думаю, все стерплю, лишь бы в безопасности находился малой и в полном здравии. Обнимаюсь с ним, а сам рыщу глазами по темноте, жинку ищу, вот-вот, ожидаю, появится. Поставил малого на пол, хочу о матери спросить, а сам боюсь. Оглядываюсь вокруг, среди незнакомых лиц ищу Машкино, но не вижу. А потом думаю: пацан сразу бы позвал ее, как только увидел меня. Значит, нет ее в подвале. К тому же малец почему-то молчал. Тут-то и закралась в мое сердце первая тревога, отчего я просто присел на корточки, ну и пустил горькую, как говорится, слезу. Сын обнял мою голову, думая, что плачу я от радости, что нашел его, — и давай сам плакать. А потом к нам подошла сестра и все рассказала. «Не доехала, — говорит, — твоя Маша. На блокпосте под Еленовкой нацики их остановили, досмотр делали. Вместе с ней в машине еще кто-то ехал. Тех попутчиков отпустили, а ее увезли с собой. Успела только адрес шоферу назвать, чтоб малого отвез».

Что с ней стало, одному Богу известно. Красивая она у меня, ох, какая красавица... Приглянулась, видать, ее коса подонкам... В беде моя Машка, ох, нутром чую, в беде. Хорошо, если жива еще. Мою одноклассницу вон, Таньку Коваленчиху, азовцы типа в плен забрали, сказали, что она вроде как русская шпионка, и увезли, год мучили, а потом солдатам на потеху отдали, из роты в роту по окопам, бедную, таскали. Не выдержала девка, повесилась в лесополосе. Нашли ее спустя полгода, когда от нациков освободили район. А что с моею — и думать не хочу. Пусть в плену, пусть хоть рабыней — лишь бы жива была, только б не убили, гниды. Одна надежда теперь: кончится война, даст Господь, Машка моя и объявится.

Малому мы сказали, что мамка на боевом задании и скоро приедет. С этим мальчишка и жил, и, разумеется, не переживал так, как я. Тем временем я устроился на шахту. Поначалу, пока в забое был, за малым сестра присматривала. Но в позапрошлом году она подорвалась на «Лепестках», сброшенных вэсэушниками, и померла от ранений. Стали за пацаном люди добрые смотреть.

Бедный парень! Он толком детства-то не видал, радости семейной не испытывал. Какие там игрушки! Детворе мы приносили уцелевшие игрушки, которые находили в разрушенных домах. Смотрел я на все это, на жизнь такую нашу, и сердце кровью обливалось. «Да что ж это такое творится, Господи! Что ж ж за долю ты устроил нашим детям: ни света, ни тепла, ни пищи толковой не видят!»

Семен вздохнул, ткнул носком ботинка в заднее колесо велосипеда и продолжил:

— Многие дети даже на велосипеде ни разу в своей жизни не катались, только на картинке бачили, или когда кто мимо проедет. Да и где кататься-то, в подвале, что ли? На улице, под обстрелами, дюже не накатаешься — опасно. А чтобы зря не дразнить детвору, мы им и не приносили ни самокаты, ни велосипеды. А мой хныкал постоянно, просил велик: мечта номер один у него была. Говорю ему, война, мол, закончится, куплю, тогда и накатаешься вдоволь. А ему все одно: просит и просит.

— А вдруг не закончится, или я подорвусь на mine?

— Не болтай ерунду! — А самого жалость пробирает. Стал обдумывать, как сделать малому такой подарок, где найти велосипед.

Вообще, до того дня я относился к войне, если можно так выразиться, спокойно: думал, вот-вот, и все образуется, наступит мир. Мы все вроде как надеялись на Минские переговоры, верили, что президенты договорятся, что нас услышат. Ну и продолжал честно трудиться на шахте, считал, что, добывая уголь, не меньше помогаю своей республике, чем солдаты на поле боя.

Как-то вечером, возвращаясь после смены, в гряде мусора на соседней улице вот этот самый велик и нашел — кто-то, видать, выкинул. Принес малому, трясусь велосипедом в руке, а он бежит ко мне, аж спотыкается, радостный такой. Да только ночь наступала, все спать укладывались, потому не пришлось ему в тот вечер покататься, только потрогал его и немного на сидухе посидел. Пообещал ему, если завтра налетов не будет, разрешу на улице покататься. Он так и уснул, обнявшись с подарком.

Утром мы с мужиками, как обычно, вышли из подвала, прислушались: вроде тихо, взрывов не слышно. Женщины разошлись, кто куда: одни на рынок за едой — туда съезжались машины с благотворительной помощью из России, другие с ведрами и баклажками за питьевой водой, ну а мы, мужики, за топливом — за дровами. Варить-то еду на чем-то надобно: готовили ведь на костре. Чего-чего, а дров в городе хватало: и по-

валенные взрывной волной деревья распиливали, и в разрушенных зданиях разбирали мебель, оконные рамы да паркет. Днем, когда покидали подвал, снаружи обязательно оставляли дежурить пару взрослых: от мародеров там всяких, а заодно и за детишками присмотреть. Если не было прилетов, детей выводили на прогулку, чтоб они хоть солнечный свет увидели да глоток воздуха свежего вдохнули. Пусть на десять минут, на минуту, но прогулка — закон.

В то утро, после того как мы ушли за дровами, детей, как обычно, вывели на улицу. Мой как раз собирался обкатать свою технику.

В километре от нашего дома на днях после обстрела была разрушена пятиэтажка. Туда мы и пошли тем утром. Только начали разбирать заваленный кирпичами вход в подъезд, как начался обстрел. Мы схватили по охалке деревьяшек, что оказались под рукой, чтоб не с пустыми руками возвращаться, и бегом обратно. Еще издали увидели, как один из снарядов попал в соседний с нашим подвалом дом. Следом прилетел второй — уже по крыше нашего. Испугался я за своего малого: он-то, знаю, снаружи, вместе с детьми играет. Выбросил, к черту, доски и налегке рванул к подвалу...

Подбегая ко двору, вижу, перед нашим подъездом бабы и мужики столпились, стоят спинами ко мне, на что-то смотрят. А потом раздался женский плач... Даже не плач, а звериный рев. Бабы, если так плачут, значит, случилось что-то очень плохое. Тут-то все и опустилось у меня внутри. Знаешь, и ноги уже не держали, так я испугался: почувствовал, что явилась ко мне беда. Подковылял на ватных ногах к толпе, а люди, увидев меня, начали раздвигаться, коридор делать, чтоб я по нему прошел. И все молча смотрят на меня, да такими глазами смотрят, что до сих пор не забуду: такие глаза бывают у людей на кладбище во время похорон.

Я молил Бога, я просил его... Подхожу, вижу — а мой лежит в луже крови, таращится на меня глазенками, тужится, кашляет, харкает кровью и что-то сказать хочет. Опускаю глаза, а у него ноженек-то нету — оторвало! Бросился к мальцу, пытаюсь нащупать место, где можно артерию передавить, чтобы хоть кровь остановить, а сам вокруг рыщу глазами, ножки ищу, чтобы хирурги их на место пришили — слышал, врачи умеют пришивать конечности, если их сохранить как надо, во льду. А ножек-то нигде и нет — испарились. А кровь хлещет! Начал давить на живот, чтобы не дать всей крови вытечь, но не получается — ему ж по самый таз оторвало. Я в шоке, видать, находился, и чуть малому живот ремнем не перетянул, кишки не выпустил, благо люди оттащили, не дали сделать это. А сынок все тужится, кряхтит, пытается на лок-

ти подняться. Вроде получилось, чуть привстал и смотрит такими удивленными глазками сначала на пустое место, там, где должны быть ноги, а потом на меня, и спрашивает, как ни в чем не бывало, будто не серьезная рана у него, а царапина какая или заноза в пятке: «Папка, а как же я теперь на велосипеде кататься смогу...» — и опрокинулся навзничь, вверх лицом, светлыми глазками в небо.

Долго еще, как потом рассказывали, звал я на помощь врачей, просил людей найти ножки, но... — Семен скривился, пряча слезы, посмотрел на велосипед и тихо добавил: — А велосипед только погнулся. Когда начался обстрел, детей стали загонять в подвал. Мой не бросил велик, вместе с ним побежал. Потому и отстал, и спрятаться не успел... Еще пару ребятишек ранило, но живы остались. А вот мой не успел... Так толком и не покатался...

Не нашел я тогда слов утешения для этого несчастного отца. Да словами разве поможешь в таком горе. Мне, как гражданину России, стало стыдно, что не сумел предотвратить трагедию и вместе со своей страной не пришел к нему и ко всему его народу на помощь раньше. Гораздо раньше. Следом возникло жгучее желание извиниться перед Семеном, и я повернулся, было, к нему, уже готовый произнести слова прощения, но неожиданно передумал и сжал зубы, чтобы не проронить ни звука. Нет, не так надо просить прощения: не словами, которые уже не поднимут из земли погребенных детишек — делом надо.

Семен долго еще смотрел на велосипед, а потом вроде как опомнился, вскинул левую руку, оголив запястье, посмотрел на часы и уверенным, даже каким-то бодрым голосом сказал:

— Мне пора.

— Простите, а вы куда сейчас? — Мне не хотелось навсегда прощаться с ним. Вдруг нам по пути, и можно будет продолжить диалог.

— На Карпаты! — радостно ответил он, да я и сам воспринял это, как шутку. — Пока не очищу Украину от этой мрази. — И тут я понял, что он говорит серьезно. Причем произнес он это с таким наслаждением и с такой верой в глазах, что у меня не оставалось сомнения, что этот человек, этот воин, и правда дойдет до конца — до Победы. — Я же, как малого похоронил, неделю в подвале прожил, не просыхал, горе горилкой заливал. Но взял себя в руки и ушел добровольцем. Моя часть неподалеку тут. Каждую увольнительную прихожу к малому.

— Какой номер вашей части?

— Не, я на днях уеду. Напросился на фронт. Не будет меня здесь.

— Куда на фронт?

— На передовую, под Горловку. Теперь моя жизнь на войне, там мой дом до тех пор, пока последний фашист не сдохнет. Бывай, даст бог, повстречаемся. А нет — не поминай лихом.

И Семен неторопливо пошел по аллее к выходу из парка.

Я смотрел ему вслед, и рой смутных мыслей — о войне, о мире, о взрослых и детях — заполонил мою голову. Вот он, один из миллионов российских мужиков, которые с неукротимым рвением и только им понятной целью отправляются на фронт, испытывая внутреннюю радость, чтобы очистить свою землю от инородцев. Может так случиться, что не столько гражданским долгом руководствовался Семен, идя на укронацистов, и вовсе не патриотизмом — в нашем привычном понимании этого слова — было охвачено его сознание, сколько чувством неотвратимой мести: за жену, за сына, за сестру, за родителей, за соседей по дому. Душа его уже не искала успокоения в мирном существовании, и утренняя тишина, наполненная пением соловьев, не прельщала его. Теперь Семен искал умиротворения в звуках взрывов подорванной военной техники нацистов, в их предсмертных столах и криках, в безответных мольбах о пощаде. Верил ли он в победу? Сомневаюсь, что он о ней вообще думал. Семен катился на колесе войны, наслаждаясь болью. Но уже не своей, а болью убийц смысла его жизни.

Эта встреча предрешила мою судьбу: я поменял свое отношение к происходящему на востоке Украины. В тот же день, после расставания с Семеном, принял твердое решение не возвращаться домой в Москву (я сопровождал автоколонны с гуманитарным грузом из России), а остаться на Донбассе и защищать эту землю с оружием в руках, тем более, с этими местами меня многое связывало. Мне казалось, я все время жил с ощущением, будто что-то, начатое в молодости, не доделал. И вот настал день, когда я имел возможность восполнить пробел, образовавшийся в моей жизни, и заштопать брешь — выполнить свой долг перед Родиной до конца.

Так, благодаря знакомству с Семеном, я оказался на фронте в рядах народной армии ДНР. А через восемь месяцев после той встречи началась военная операция России против украинских неонацистов...

Из сообщения российских СМИ:

«В Донецке от удара ВСУ обвалилась многоэтажка. Обрушено перекрытие между 5 и 4 этажами. Под завалами могут находиться три человека, среди которых один ребенок пяти лет. Их ищут спасатели...» □

Виктор Ом

«Я счастлив, что работал для детей»

Мир этого художника-сказочника и очень доброго человека известен многим людям, кто родился и жил в стране, которая называлась СССР. И не только его многочисленные блистательные рисунки остались в благодарной памяти нескольких поколений, были еще и чудесные, захватывающе-интересные книги, мультипликационные фильмы. Разлетелись по всей огромной стране неисчислимы игрушки, сделанные по эскизам и рисункам Владимира Григорьевича Сутеева. Их можно было видеть всюду — и в пионерских лагерях, и в детских садах, и в обычных школах, а сутеевские анимационные герои украшали даже майки и курточки малышей. У уникального художника в его многогранном творчестве было главное магистральное направление — он творил для детей, и это доставляло ему величайшую радость. Уже в преклонном возрасте он как-то воскликнул: «Я счастлив, что работал для детей!» И хотя в реальной жизни он не имел своих кровных детей, но у него в поклонниках их были миллионы! Всюду, где появлялся Владимир Григорьевич, его моментально окружали дети. Коллеги, смеясь, замечали, что он обладал необъяснимым магнетизмом... Дети притягивались к нему, и это радовало и вдохновляло его к новым работам. Он понимал — это призвание. А если творчество художника вызывает радость и восхищение у зрителя — это и называется Счастьем!..

Родился Владимир Григорьевич в Москве, 5-го июля 1903 года. Его отец был врачом. Врачом известным и необычным, а человеком — просто удивительным! В своей профессии врач — дерматовенеролог достиг самых значимых вершин. Даже лауреатом Сталинской премии стал за исследования антиномикоза. С искусством, правда, отношения сложились односторонние — как «хобби», но это не мешало ему сохранять в душе влюбленность в красоту, трепетное отношение ко всякой гармоничности, а еще неиссякаемую любознательность и устремление к узнаванию нового... Он активно занимался пением и живописью, его даже приглашали с концертными программами выступать в Благородном собрании. Но чаще... он устраивал концерты у себя дома, для друзей, коллег и знакомых...

Владимир Григорьевич вспоминал позже, как они с младшим братом Вячеславом рисовали наперегонки и тут же несли часто еще не завершенные свои «шедевры» на суд родителя. А он очень ответственно относился к роли арбитра. Вначале критиковал или хвалил работы сыновей, а потом оценивал по пятибальной системе. Бывали, конечно, и двойки, даже единицы, но случались и радостные похвалы, венчающиеся полноценной пятеркой...

Отметки стимулировали ребят к новым работам, и они мгновенно бросались к своим краскам, каран-

дашам и альбомчикам с бумагой. Случалось, засиживались до позднего вечера...

А более серьезным увлечением у Володи Сутеева стала карикатура. И здесь нельзя не обратить внимания еще на одного человека, который оказал громадное влияние на юного Владимира, а главное, на его выбор жизненного пути, связанного с искусством. Человек этот — известнейший скульптор Степан Дмитриевич Эрзя! Но как он очутился у Сутеевых? Да очень просто. Отец Володи, Григорий Осипович, познакомившись со скульптором на одной из выставок, пригласил его в гости, на один из своих домашних концертов. Скульптор не заставил себя долго ждать... И потом, в течение многих лет, бывая в Москве, Степан Дмитриевич непременно навещал Сутеевых. Ему очень нравилась дружелюбная атмосфера этой семьи, где правила бал любовь к «вечному искусству!»

Этот невысокий, мускулистый, жилистый и энергичный мужчина, всей своей сутью и устремлениями обращенный в мир искусства и во все, что с ним связано, очень скоро для начинающего Владимира Сутеева стал таким же недосыгаемым обитателем «Олимпа искусства», каким был для него несколько лет Уолт Дисней. Степан Дмитриевич недавно вернулся из творческих командировок на Урал и Кавказ, а до этого три года жил в Италии и Франции, и ему было что поведать безудержно

любопытным юнцам — Володе и его младшему брату Вячеславу.

Как-то Владимир, набравшись духу и преодолев стеснительность, решил спросить Степана Дмитриевича, почему у него такая «чудная» фамилия. Тот заулыбался в ответ и пояснил: «Моя фамилия — Степан Нефедов. Эрзя — как бы... псевдоним. (Эрзя — не имя, и, даже не псевдо-

ним. Это прозвище одной из старинных народностей — мордвы. Этот маленький народ, затерянный среди изумрудных лесов и безграничных болот Симбирской губернии, орошаемой великой рекой Волгой, имеет этническое родство с финнами.)

Степан Дмитриевич стал для семьи Сутеевых близким человеком, и Григорий Осипович был просто ошеломлен тем, что рассказывал Эрзя.

Впечатления его были так сильны, что невольно требовали выхода, и тогда он решился записывать все самые интересные рассказы, необычные мысли и высказывания об искусстве Эрзы. В итоге получилась книга, которую издали уже после смерти выдающегося скульптора, на его родине в Саранске, в 1968 году. Называется она просто — «Скульптор Эрзя». Книга и нынче остается уникальным документом жизненных и творческих деяний удивительного человека и изумительного таланта мастера, прославившего маленький марийский народ — «эрзя»...

Всем домашним казалось, что юный Владимир уже определился со своими предпочтениями к изобразительному искусству, но он вдруг поступать в художественное

училище не стал. Учился в 11-й гимназии, еще царской, а закончил учебу — в советской. После окончания гимназии, преодолев невероятно трудные вступительные экзамены, поступил в Московское Высшее Техническое Училище, на инженерно-строительный факультет, (ныне — Московский Государственный Технический Университет им. Н.Э. Баумана). Прочитать смог только два курса, быстро поняв, что это — не его «стезя»: к тому времени он фанатично увлекся новым кинематографическим чудом — мультипликацией. (Здесь нужно напомнить, что это были 1930-е годы, когда в СССР привезли и запустили в прокат мультипликационные фильмы американского режиссера и владельца собственной студии Уолта Диснея.) Володя по

много раз смотрел зачаровавшие его фильмы заокеанского чудодея, вызывавшие у него восторг и изумление мастерством оживления рисунков, их удивительной разработкой, тонкими нюансами настроений киноперсонажей. Дисней и в самом деле был истинным «пионером» мировой анимации. Так в кинематографе начиналась новая эра — эпоха мультипликационного кино!

И Владимира захватило страстное желание научиться делать мультфильмы. Решение пришло само собой — немедля подать документы в недавно открывшийся Техникум кинематографии. И все получилось — его приняли! Вместе с ним на один факультет поступил и его двоюродный брат Дмитрий, впоследствии ставший известным кинорежиссером.

Студент Сутеев в годы учебы творчески проявлял себя очень активно. Он быстро познакомился с ребятами из экспериментальной группы, которые начинали работу над полнометражным мультфильмом «Китай в огне», и присоединился к ним. Один из зачинателей мультипликации в СССР Иван Петрович Иванов-Вано (тоже тогда студент и участник этой группы) вспоминает в своей книге «Кадр за кадром» об этой интереснейшей работе, которую они делали в 1925 году. А для юного Сутеева это участие в большой творческой работе стало дебютом..

Это вообще было изумительное время рождения нового направления

в кинематографе, появления российского мультипликационного кино. Открывались потрясающие возможности, но путь к ним пролегал через всевозможные технические преграды и творческие тернии, а порой не только творческие, но и бытовые, житейские. Ведь совсем недавно произошедшая Октябрьская революция принесла много новшеств и, конечно, как и все революции — много хаоса и вытекающих от него негативных факторов.

Молодой, начинающий художник-кинематографист Владимир Сутеев с энтузиазмом и творческим напором бросился в бурлящий поток новой жизни, наполненной невероятными открытиями неведомого и страстно желаемого!

В это время он брался за любые работы, а еще много и активно занимался искусством киноплаката. Наиболее известные его работы остались в анналах истории кино. Это графические плакаты к фильмам «Девушка в маске», «Куртизанка», «Жена фараона» и многих других. Но все же наиболее известным остается плакат к советскому киношедевр «Веселые ребята», который Сутеев создал в содружестве с другим известным мультипликатором и художником Дмитрием Бабиченко.

В 1928 году Владимир Сутеев на студии «Межрабпомфильм» снял свой первый звуковой мультипликационный фильм «Улица поперек», в содружестве с коллегами Атама-

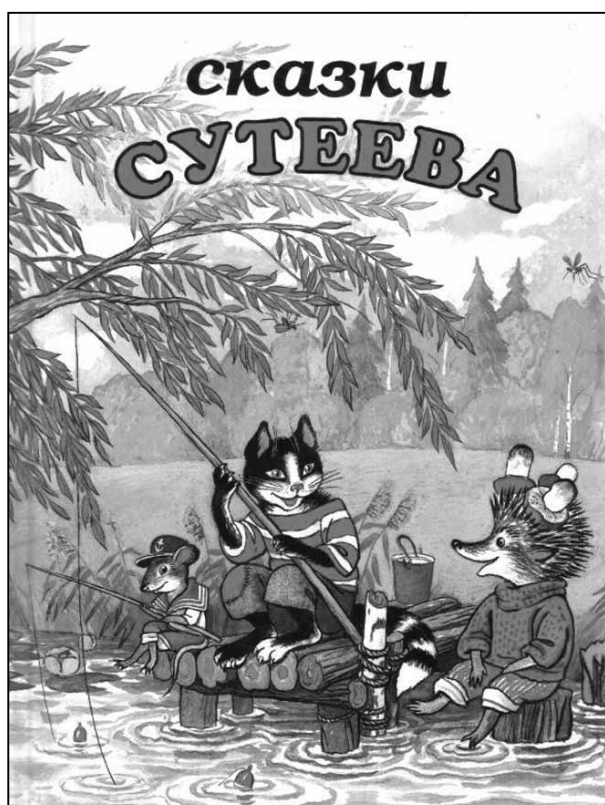

новым и Бабиченко. Вместе они создали серийного мультперсонажа Кляксу. Но вскоре Владимир Григорьевич перешел работать на недавно созданную киностудию «Союзмультфильм». И все же, как он сам вспоминал много позже, он так и оставался в мультипликации самоучкой, а единственным его учителем еще долгое время был легендарный Уолт Дисней.

Годы той жизни, заполненные творчеством и нескончаемой работой, пролетели как один день! А потом... потом грянул 1941-й год. 22 июня Владимир Григорьевич сдавал в Комитете кинематографии только что законченную новую работу, мультипликационный фильм «Муха-Цокотуха». Фильм прекрасно приняли, но уже через несколько часов пришло страшное сооб-

щение — немецкая армия перешла границу СССР — началась Великая Отечественная война! Уже на третий день после объявления войны Владимир Сутеев оказался на Юго-Западном фронте. Ему суждено было пройти все, что проходил каждый советский мужчина,

Владимиру Сутееву. Но что примечательно, он никогда об этом старался не вспоминать и прекращал всяческие разговоры на подобные темы. И воспоминаний о том труднейшем периоде своей жизни не оставил, будто ничего и не было...

оказавшийся в кровавой схватке с бесноватым фашизмом. В сентябре его дивизия попала в окружение, и нашим войскам удалось освободить ее только в марте 1942 года. Каждый здравомыслящий человек понимает, что такое оказаться в окружении, где смерть становится обнаженным, непредсказуемым фактором. Все это пришлось пережить молодому советскому солдату

Вернувшись в Москву, Владимир Григорьевич обнаружил пустую квартиру: жена не дождалась его — ушла к другому... Как еще мог на подобное среагировать «поэт красочных феерий», художник? Он среагировал очень по-русски: оказался в объятиях добродушного и безответственного Бахуса, чтобы алкоголем заглушить ту несправедливую боль, которую пришлось

пережить еще и дома, будто ему не хватило страданий на фронте... Но он ведь был художником, и его не могло не потянуть к тому, что жило в его душе почти на генетическом уровне — страстная жажда творчества! Поэтому с Бахусом пришлось быстренько расстаться и вернуться на родную киностудию «Союзмультфильм»... Позже Владимир Григорьевич, вспоминая те времена, говорил смеясь: «Я точно знал и верил, что для художника есть только одно лекарство, причем абсолютно от всех бед —

«оптовое»... Это, конечно, она — священная работа! Выжил ведь великий Рембрант, бросившись к спасительной работе, когда потерял абсолютно все — любимую жену, богатство, заказчиков и благосклонность правящей элиты. Так что лекарство надежное, проверенное в веках...»

С 1947 года Сутеев начал и педагогическую деятельность. Преподавал на курсах мультипликаторов, которые были организованы и открыты в киностудии «Союзмультфильм». А еще создал, теперь уже

как режиссер, ряд знаковых мультфильмов — «Отважный моряк», «Дядя Степа», «Колобок» и еще несколько замечательных работ. В эти же годы ему было присуждено звание «Заслуженный деятель искусств РСФСР», а еще он был награжден медалью «Великой Отечественной войны 2-й степени»...

Личная жизнь... Она, похоже, судьбоносно была запрограммирована для этого блестящего художника — и связана только с одной женщиной — тоже художником — мультипликатором студии «Союзмультфильм», где работал и Владимир Григорьевич. Он увидел ее в коридоре... Увидел и... влюбился сразу и навсегда! Татьяна Таранович, так звали возлюбленную Сутеева, пришла работать на студию в 1946 году. Молодая женщина, очень красивая и яркая личность, общительная и магнетически привлекательная! Но! Она была счастлива в браке, у нее росла дочь-школьница, к тому же, она была моложе Владимира Григорьевича на тринадцать лет! Стало быть, никаких отношений с ней у Сутеева быть не могло... (Нельзя забывать — это было советское время, и морально-этический образ личности имел тогда огромное значение в жизни каждого человека.)

Вот так распорядилась «Госпожа судьба» — прямо в стенах киностудии «Союзмультфильм» произо-

шла их как будто обычная, но такая неожиданная встреча!... А дальше... Дальше — почти сказка о невероятной, небывалой, нереальной любви! Но она, тем не менее, случилась и существовала в реалиях студии прямо на глазах у всего коллектива... Иногда друзья Владимира смеясь, конечно, говорили: «Эта любовь ваша, как в кино!» Она и случилась в самом настоящем кино, в киностудии! Ну о чем тут еще говорить?!

Но! «Смертельно» влюбленный Владимир, измученный душевными терзаниями и своей безответной любовью, ушел из «Союзмультфильма», даже не в силах был закончить очередную работу. Его мультфильм «Охотничье ружье» завершил коллега — режиссер Анатолий Сазонов.

И все-таки с киностудией «Союзмультфильм» творческие связи не прекратились, теперь Сутеев продолжал сотрудничать с ней как сценарист, и за все оставшиеся годы написал множество интереснейших мультипликационных историй, ставших классикой...

После всех этих мучительных переживаний Владимир Григорьевич поступил работать иллюстратором в «Детгиз» — в советское время это было главное книжное издательство для детей. Он иллюстрировал книги Маршака, Чуковского, Михалкова и многих других авторов, но самыми значительными ра-

ботами этого периода стали иллюстрации к русскоязычному изданию книги «Приключения Чиполлино» итальянского писателя Джанни Родари... А еще были сделаны блестящие рисунки к сказке Альфа Прейсина «Веселый Новый год» и к книге Лилиан Муур «Крошка Енот и тот, который сидит в пруду». Вообще-то, за свою творческую жизнь, Владимир Григорьевич создал несколько тысяч самых разных работ — от рисунков к сказкам до журнальной графики в «Веселых картинках», «Мурзилке», «Пионерской правде» и даже рисунки этикеток для жестяных банок с мармеладными дольками. Создавал он и диафильмы. Рисовал кадры для «Слоненка» Редьяра Киплинга и для «Сказок дедушки Римуса» Джоэля Харриса.

Пережить такую страшную войну и оказаться в одиночестве было своего рода испытанием, но жизнь продолжалась... И Владимир Григорьевич все-таки женился — на своей бывшей однокашнице Софье, которая была влюблена в него еще со школьной скамьи. Правда, она успела побывать замужем, и от первого брака у нее был сын. Сутеев, с его добротой и ответственностью, отнесся к ребенку жены очень тепло и воспитал по-настоящему хорошего человека...

Но вот в душевном состоянии Владимира Григорьевича перемен не случилось — любовь к Татьяне Таранович никуда не улетучилась и все так же, время от времени, робкими «уколами», напоминала о себе...

Спасаясь от душевных мучений и любовных переживаний, он с головой ушел в работу. Много и очень продуктивно иллюстрировал, а затем и сам начал писать книги, лично делая к ним иллюстрации.

Первая авторская книга Владимира Григорьевича называлась «Две сказки, про карандаши и краски». Вышла она в 1952 году. Тогдашний «мэтр» детской литературы Корней Иванович Чуковский выступил в «Литературной газете» с очень доброжелательной и теплой рецензией на книгу Сутеева, поприветствовал нового талантливую автора, и с тех пор в издательстве «Детгиз» стали часто выходить новые

книги Сутеева с авторскими иллюстрациями: «Мешок яблок», «Кто сказал «мяу?»», «Про Бегемота, который боялся прививок», «Палочка — Выручалочка», «Мы ищем Кляксу»... и многие другие, не менее привлекательные, по мотивам которых сняты знаменитые мультфильмы.

Стремительно летело время... Общение с Татьяной продолжалось, но теперь оно перешло, если можно так выразиться, в «эпистолярный жанр».

И хотя нехорошо читать чужие письма, все же позволим себе заглянуть в одно из них: «Пишу, как обычно, на почте, на краешке стола...» И далее — «Все самое красивое и прелестное, необыкновенное произо-

шло после войны, когда я был раздавлен, истощен, измотан и ранен, и никуда не годился, но я встретил Вас! Я полюбил Вас внезапно для себя, и вдруг вся страсть, никогда не испытанная, обрушилась на меня»... (Он очень долго называл ее на «Вы», пока в это не вмешалась дочь Татьяны, Ирина. За каждое «Вы» она стала их обоих штрафовать взносом ей по пять копеек! Вначале это не очень-то помогало, но со временем все же получилось...)

Через какое-то время Татьяна похоронила мужа... Жена Владимира Григорьевича очень болела уже много лет, а затем и вовсе оказалась обездвиженной параличом... Иногда Сутеев заходил в гости к Татьяне, и его благосклонно оставляли на чай...

После всех трагических событий в их семьях любовь все равно «выжила». Татьяна сохранила все его 300 писем, ответив ему только двумя... Те сохраненные письма найдут только после их ухода в мир иной... Правда, Владимир Григорьевич со временем все больше не писал, а изображал... себя в виде утенка, а Таню — в виде цыпленка. Иногда просто добавлял к рисунку несколько сакраментальных слов, которые часто повторялись: «Дорогой, любимый, золотой мой цыпленок! Ты знаешь, что я очень сильно — сильнее быть не может — люблю, люблю, люблю, тебя! Твой утенок...»

Внучка Татьяны Таранович вспоминает: «Владимир Григорьевич у нас появлялся не часто, у него очень болела супруга, но он с этой тяжестью прошел до конца и не бросил ее. Но и скрывать свои чувства к бабушке, тоже, вероятно, не мог».

После смерти второй жены Софии, Владимир Григорьевич, выдержав годовой траур после похорон, снова решился и — пришел к Татьяне... Все с той же давней, но не угасшей любовью. Собравшись с духом и от вонения чуть игриво, он предложил ей выйти за него замуж. А она... вдруг просто сказала «Да!»

«Жених пришел на свое бракосочетание с огромным букетом гладиолусов. Он был невысокого роста, и его почти не видно было из-за цветов, — вспоминает внучка Татьяны. — Он был очень взволнован».

Совершенно захмелевший от столь долгожданного счастья, Владимир Григорьевич встал на ступеньки ЗАГСа и воскликнул: «Таня Таранович — моя! Наконец-то!..»

Да, остается только изумляться, каким терпеливым оказался влюбленный жених! Между тем, ему уже было полных семьдесят девять лет, а невесте — шестьдесят семь...

Свадьбу сыграли по-настоящему — с застольем, гостями и поздравлениями!

После законного бракосочетания «молодожены» прожили еще десять лет...

Десять лет — миг... космический! Но какой же он был для этих двоих влюбленных — бесконечный, заполненный сплошной патокой нежности и взаимопонимания! Истинной гармонией душ и характеров. Они сами открыто и даже чуть удивленно говорили: «Наши — десять счастливых лет! А что будет после них... уже не так и важно...»

Да, это была любовь в самом первоначальном, чистом воплощении. Поэтому «финал» этой любви был предопределен с самого начала, всей последующей «драматургической вязью событий». Он умер первым — 8-го марта 1993 года. Перед кончиной целовал ей руки и произносил одно слово: «Спасибо»... Потеря для ее большого сердца оказалась несовместимой с жизнью! Не прошло и полгода, как осенью она последовала за ним... □

Полина Клинникова

Красота, голос, харизма и обаяние — такими словами можно описать певицу и актрису Полину Клинникову. Участница шоу «Голос», выпускница ГИТИСа, солистка Московского театра оперетты, кажется, не отдыхает никогда. Она сочиняет свои песни, занимается творчеством и, конечно же, уделяет много времени семье. О секретах мастерства, о вдохновении и многом другом Полина рассказала в интервью «Смене».

«Мой жизненный девиз — из моей песни, в которой есть такие строки: «Голос мечты нельзя разрушить!»»

Фото из личного архива

— Все мы родом из детства. А каким было твое детство, и какое место в нем занимала музыка?

— Я родилась в городе Кимры, на Волге. Летом целыми днями проводили на речке, зимой катались с горок, играли в казаки-разбойники, устраивали концерты на улице и пели по очереди. Я посещала музыкальную школу, играла на домре, потом стала петь в ансамбле. Уже в старших классах получала стипендию как «молодые дарования Тверского края». Все

мое музыкальное развитие было связано с музыкальной школой. В городе нет музыкального театра или филармонии, зато есть драматический театр.

— Как тебя приняла Москва, помнишь ли первое впечатление от столицы?

— Первое впечатление я очень хорошо помню — я оглохла. Очень было шумно и многолюдно. Мне было достаточно трудно перестроиться. По стечению обстоятельств сна-

чала я поступила учиться на инженера-конструктора машин химических производств, поселилась в институтском общежитии, и началась интересная, самостоятельная, новая жизнь.

— Расскажи, пожалуйста, как ты поступала в ГИТИС.

чами представляла себя в главных ролях... Однажды решила посмотреть, что же заканчивали ведущие солисты театра? Оказалось, что большая половина были выпускниками ГИТИСа, а я даже и не знала, что в ГИТИСе есть музыкальный факультет... Вот и решила — мне туда. Надо сказать, что, учась на инженера, я пе-

— Однажды на 4-м курсе мы с подружками решили пойти в Московский театр оперетты на спектакль И.Кальмана «Фиалка Монмартра». И все... я поняла, что хочу работать именно в этом театре, и что это теперь моя мечта. Были потом, конечно, и другие спектакли. Я смотрела на артистов, сидя в зале, а но-

ла на всех профессорских корпоративах, и мой педагог по высшей математике Полина Ивановна посоветовала мне пройти прослушивание в студии академического вокала РУДН, где в оркестре играла ее дочка. Собственно, там я и подготовила музыкальную часть программы для поступления в ГИТИС.

Ездила в университет на Курскую, потом в РУДН на Юго-Западную и в общежитие на Первомайскую. Вот такой круг с утра и до позднего вечера...

Когда сдавала вступительные экзамены в ГИТИС, у меня были неплохие баллы, но, сложив их в уме за все туры и прикинув количество посту-

— К кому в итоге попала на курс, кто был твоим мастером?

— Училась я на курсе у основателя и художественного руководителя московского музыкального театра «Геликон-Опера» Дмитрия Александровича Бертмана. И очень горжусь этим. Меня окружали замечательные педагоги, талантливые одно-

пающих, я почему-то решила, что не прохожу, и ушла. Через некоторое время мне позвонил декан факультета музыкального театра Сополев Тимофей Иванович и спросил, собираюсь ли я учиться, пора бы и подлинники документов привозить. Я, конечно, была в шоке и быстренько прискакала с документами.

курсники, и я быстро стала учиться и всесторонне развиваться.

— Как происходило твое сотрудничество с Василием Лановым? Каким он тебе запомнился артистом и человеком?

— Так получилось, что во время учебы в ГИТИСе я сотрудничала

с Василием Семеновичем в качестве ведущей его концертной программы «Спасибо за память, потомки!» Он, конечно, удивительный человек. Во время своих выступлений Василий Семенович, можно сказать, управлял залом, когда что-то рассказывал. Статный, красивый, настоящий мужчина.

3-м курсе, если не ошибаюсь, я отправила свою анкету в театр, через некоторое время меня пригласили на прослушивание, но не взяли, а потом еще раз не взяли. Каждый раз для меня это был удар, казалось, что жизнь кончена, и мечты разрушены. Но я продолжала заниматься вокалом и после окончания ГИТИСа

С семьей

— Ты поступала в Московский театр оперетты три раза, как это было?

— Да, это правда. Целых три раза. Когда я поступала в ГИТИС, то сразу на вступительных сказала, что хочу работать в театре оперетты. Мои однокурсники мечтали о Большом, La Scala и Metropolitan, а я точно знала — мне в оперетту. На

работала ведущей, пела на городских мероприятиях. Хотела даже открыть праздничное агентство «ПОЛИКЛИНИКА Полины Клиниковой! Спасем Ваше мероприятие!» А потом вдруг сильно заболела, и долго не могла вылечить атипичную пневмонию. В тот момент я поняла, что, наверное, хватит биться, бегать по педагогам, надо зани-

маться семьей, и найти другой смысл в жизни. Я решила больше не петь. Меня переводили из одной больницы в другую. Лежу как-то в палате, и вдруг звонок. На экране телефона — «Театр оперетты». Беру трубку и узнаю, что меня

третий раз приглашают на прослушивание примерно через неделю. Я подумала, если откажусь прийти, то буду жалеть об этом всю оставшуюся жизнь, а сама в это время еле дышу. Но этот звонок очень меня взбодрил. Стала делать дыхательную гимнастику, пыталась распеваться. Вечером зашла ко мне мой врач и сказала, что в актовом зале завтра будет концерт и, если я хочу, могу сходить, чтобы развеяться. Я нежи-

данно спросила: а спеть там можно? Она, конечно, удивилась, но сказала, что надо узнать у артистов. И на следующий день, в тигровых тапках и полосатой пижаме, я пела в актовом зале больницы. Вроде голос-то есть, а дыхания не хватает на фразы.

зу. Ну, думаю, справлюсь на прослушивании. Выйду из больницы, и сразу к концертмейстеру, чтобы подготовиться. И вот — я солистка театра.

А еще я поняла, что в жизни существует правило: если ситуацию отпустить, она сама собой произойдет.

— Расскажи, пожалуйста, подробнее о своих ролях в театре, любимых партиях.

— В театре я играю субреток, лирических героинь. Хорошенькие, молодые, легкие, кокетливые, нежные, подвижные, с горящими глазами, полные жизни. Одной из моих первых заметных ролей в театре была роль индийской принцессы Лакшми в оперетте И. Кальмана «Баядера». Несмотря на то, что она появляется во втором акте, я бы даже сказала, врывается, это очень заметная и яркая роль. Не желая выходить замуж

за принца, Лакшми сбежала от свиты, осталась в Париже и хочет танцевать. Роль с характером. Живая, как я сама. А моя любимая партия в оперетте — это, конечно, Виолетта из оперетты И. Кальмана «Фиалка Монмартра». В 2009 году я была на этом спектакле будучи студенткой-инженером, а в 2021 году — я уже солистка Театра оперетты и исполняю главную роль Виолетты. Вот так исполняются мечты.

— Когда ты приступаешь к новой роли, на что в первую очередь обращаешь внимание? Ведь тебе, как артистке музыкального театра, нужно работать не только над вокалом, но и над психологией персона-

жа и над тем, чем он живет...

— Да, это верно. Просто вокализировать, выступать — это не про артиста музыкального театра. В первую очередь я обращаю внимание на характер персонажа, пытаюсь его раскусить, найти, придумать, понять предлагаемые обстоятельства, а когда начинаю петь, стараюсь вложить этот характер и в музыку.

— Когда ты прошла в шоу «Голос», что почувствовала?

— Я помню, как чуть не пропустила предварительное прослушивание. До меня была огромная очередь, и мы с моим концертмейстером ушли пить кофе. А когда возвращались, я увидела, что идут слушаться ре-

бята из моей группы, и меня потеряли. Тут же по рации передали: «Клинникова нашлась».

Когда из моей десятки мне одной сказали, что я прошла на следующие прослушивания, мне трудно было в это поверить. В голове вертелась только одна мысль: что же теперь будет?..

Александр Борисович подскажет мне этот путь. Был ли он строгим мастером? Нет, точно нет. Он закрывал глаза, когда слушал, не пропускал фальши и, кажется, видел тебя насквозь. Мог, конечно, остро что-то прокомментировать, но всегда это было по делу и помогало найти нужный тембр, кото-

— Градский был строгим мастером?

— Александр Борисович... вспоминаю о нем с большим уважением. На проект я шла именно к нему, пела ему и была рада, что повернулся именно он. Настоящий человек-легенда. Я чувствовала, что мне есть куда расти, и верила, что

рый он слышал у себя в голове. Мастер!

— Возвращаясь к разговору о выступлении с пневмонией в больнице...

А на какой еще «подвиг» ты согласилась бы пойти ради искусства? Или, оглядываясь назад,

считаешь, что это было излишним?

— Раньше говорили, что артист может не прийти на спектакль, только если умер. Я никогда себя не жалела. И когда мне кто-то говорил, что отказывается от работы только потому, что она ночью, или нужно ехать двое суток без нормального сна, а потом сразу на сце-

кто не увидит мои тигровые тапки (только их я могла надеть с гипсом) под ним, но по улыбкам первого ряда, я поняла, что меня раскусили. Я вообще очень часто рисковала, ничего не боялась. Сумасшедшая была. Авантюристка, максималистка.

Но сейчас понимаю, что изменилась, успокоилась. Рисковать своим

ну, я этого никогда не понимала. Я готова была ехать куда угодно ради искусства и во сколько угодно, особенно, если это была интересная для меня роль или опыт. Я выступала в Кремле в гипсе, оставив костыли за кулисами. Платье было длинным, и я была уверена, что ни-

здоровьем нельзя. Никто этих жертв не оценит.

— Как удается совмещать карьеру и семью? Чем увлекается твоя дочка?

— Совмещать карьеру и семью достаточно сложно, но я стараюсь

находить баланс. Моя дочка очень активная и увлеченная натура. Трудно сказать, что ей не нравится. Она учится в музыкальной школе, занимается танцами и плаванием. Зимой любит кататься на горных лыжах.

— Какие у тебя любимые романсы, народные песни?

— Романсы Сергея Рахманинова «Здесь хорошо», «Вокализ», «Сирень», «Островок» — мои самые любимые. А из народных — это, наверное, «Ах, ты, ноченька».

— Помимо Театра оперетты и исполнения романсов и песен ты пишешь сама музыку и стихи к ней. Откуда черпаешь вдохновение?

— Пока я выпустила только одну песню «Голос мечты». Там есть такие строки: «Голос мечты нельзя разрушить». Это теперь — мой девиз. Я пишу иногда стихи, но потом мне начинает что-то не нравиться, и в песню это не перерождается. Надеюсь, в будущем я еще что-нибудь выпущу. А вдохновение... Я черпаю вдохновение от общения с людьми, с природой.

— В чем для тебя лично заключается работа актера над собой?

— Работа актера над собой — это накопление жизненного опыта, развитие духовных качеств в течение всего творческого пути. □

Беседовала **Дарья Парчинская**

Юрий Прокопчук

«Анна Каренина» и женские судьбы в XIX веке

Толстовские героини надолго остаются в памяти. Наташа Ростова, Анна Каренина, Катюша Маслова поражают воображение читателей разных возрастов. Будучи тонким психологом, Толстой настолько точно передавал особенности женской души, характеры героинь, что нередко созданные гением образы воспринимаются как живые. Все это прекрасно иллюстрирует роман «Анна Каренина», отразивший дух времени пореформенной России, особенности эпохи. Создавая это произведение, Толстой использовал факты, события, свидетелем которых он был.

ЖЕЛЕЗНАЯ ДОРОГА

В январе 1872 года, задолго до начала создания толстовского произведения, недалеко от Ясной Поляны произошел трагический случай, о котором сообщили местные газеты: «4 сего января в 7 ч. вечера неизвестная молодая женщина, прилич-

но одетая, прибыв на ст. Ясенки Московско-Курской ж. д. в Крапивенском уезде, подошла к рельсам и во время прохода товарного поезда № 77, перекрестясь, бросилась на рельсы под поезд, которым была перерезана пополам. О происшествии этом производится дознание». Погибшую — Анну Степановну Пи-

рогову — хорошо знали в семье Толстых. Она была сожительницей помещика Бибикова, жившего в имении Телятинки — в трех верстах от Ясной Поляны. Когда Бибиков объявил Анне Степановне, что покидает ее и женится на гувернантке сына, она решилась на отчаянный поступок, написав перед смертью письмо бывшему возлюбленному: «Вы — мой убийца, будьте счастливы с ней, если убийцы могут быть счастливы. Если хотите меня видеть, вы можете увидеть мое тело на рельсах в Ясенках».

Жена писателя Софья Андреевна вспоминала, что Пирогова была высокой полной брюнеткой. Трагический финал ее жизни спустя несколько лет навел Толстого на мысль описать завершение жизненного пути Анны Карениной. В седьмой части романа он прекрасно изобразил внутренний мир героини, причем описание не оставляет сомнений в том, что Толстой, создававший эти страницы, вспоминал об Анне Степановне Пироговой. Так, в действиях Анны присутствует отчаяние, стремление отомстить и наказать («я накажу его и избавлюсь от всех и от себя»). Перед смертью героиня перекрестилась. И вскоре произошло ужасное: «И свеча, при которой она читала исполненную тревог, обманов, горя и зла книгу, вспыхнула более ярким, чем когда-нибудь, светом, осветила ей все то, что прежде было во мраке, затре-

щала, стала меркнуть и навсегда потухла».

Железная дорога изображается как символ бездушной цивилизации, перемалывающей судьбы людей. Но для Толстого, тончайшего психолога, важно было описать то, что творилось в душе у Анны. Воссоздание внутреннего, духовного развития героев — взлетов и падений, воскресений и деградаций — отличает многие выдающиеся произведения писателя.

ДОЧЬ ПУШКИНА

Родственница Льва Толстого Татьяна Андреевна Кузминская в 1868 году проживала в Туле и общалась со многими представителями светского общества. Как и Лев Толстой, она бывала на приемах в доме генерала Тулубьева. В своих воспоминаниях «Моя жизнь дома и в Ясной Поляне» она поведала об одном любопытном эпизоде: «Мы сидели за изящно убраным чайным столом. Светский улей уже зажужжал; я сожалела, что не было Арсеньевых, когда дверь из передней отворилась, и вошла незнакомая дама в черном кружевном платье. Ее легкая походка легко несла ее довольно полную, но прямую и изящную фигуру.

Меня познакомили с ней. Лев Николаевич сидел за столом. Я видела, как он пристально разглядывал ее.

— Кто это? — спросил он, подходя ко мне.

*Макаров А.И.
Портрет М.А. Гартунг. 1860*

— М-ме Гартунг, дочь поэта Пушкина.

— Да-а, — протянул он, — теперь я понимаю... Ты посмотри, какие у нее арабские завитки на затылке. Удивительно породистые.

Когда представили Льва Николаевича Марии Александровне, он сел за чайный стол около нее; разговора их я не знаю, но знаю, что она послужила ему типом Анны Карениной, не характером, не жизнью, а наружностью. Он сам признавал это».

Судьба Марии Александровны Гартунг (1832–1919) — старшей дочери великого поэта — действительно не имеет почти ничего общего с жизнью героини толстовского ро-

мана. Она окончила Екатерининский институт, была фрейлиной императрицы Марии Александровны (супруги Александра II), вышла замуж за Леонида Николаевича Гартунга — военного, который покончил жизнь самоубийством в 1877 году. Умерла Гартунг в нищете на 87-м году жизни.

Но когда мы открываем страницы толстовского романа, перед нами как будто вновь возникает женский образ, так похожий на Марию Александровну: «Она была прелестна в своем простом черном платье, прелестны были ее полные руки с браслетами, прелестна твердая шея с ниткой жемчуга, прелестны вьющиеся волосы расстроившейся прически, прелестны грациозные легкие движения маленьких ног и рук, прелестно это красивое лицо в своем оживлении; но было что-то ужасное и жестокое в ее прелести».

Толстого с Пушкиным связывали очень многие незримые нити. Еще в детские годы будущий автор «Войны и мира» декламировал многие пушкинские стихотворения. Не обошлось без влияния Пушкина и при создании романа «Анна Каренина».

«ГОСТИ СЪЕЗЖАЛИСЬ НА ДАЧУ»

В начале 1873 года Толстой находился на творческом распутье. Масштабных художественных замыс-

лов, увлекавших писателя целиком, как это было во времена создания «Войны и мира», тогда не было. Толстой уже завершил работу над «Азбукой». Была отложена работа над романом о русских богатырях, для создания которого писатель перечитывал легенды, былины и сказания. Работа над романом из петровской эпохи шла вяло и медленно. Между тем активизация общественной жизни, которую наблюдал Толстой, изменение сознания общества в эпоху реформ Александра II толкали мысль Толстого-писателя в пользу создания произведения, в котором ярко, рельефно были бы отражены насущные проблемы современности.

В марте 1873 года произошло событие, которое дало импульс к созданию грандиозного произведения. Толстой стал перечитывать некоторые сочинения Пушкина. В частности, его внимание привлек отрывок «Гости съезжались на дачу». Пушкин описывал появление в свете героини, которая не боялась бросить вызов условностям, общепринятому поведению: «В сие время двери в залу отворились, и Вольская вошла. Она была в первом цвете молодости. Правильные черты, большие, черные глаза, живость движений, самая странность наряда, все поневоле привлекало внимание. Мужчины встретили ее с какой-то шутиливой приветливостью, дамы с заметным недоброжелательством;

но Вольская ничего не замечала <...>

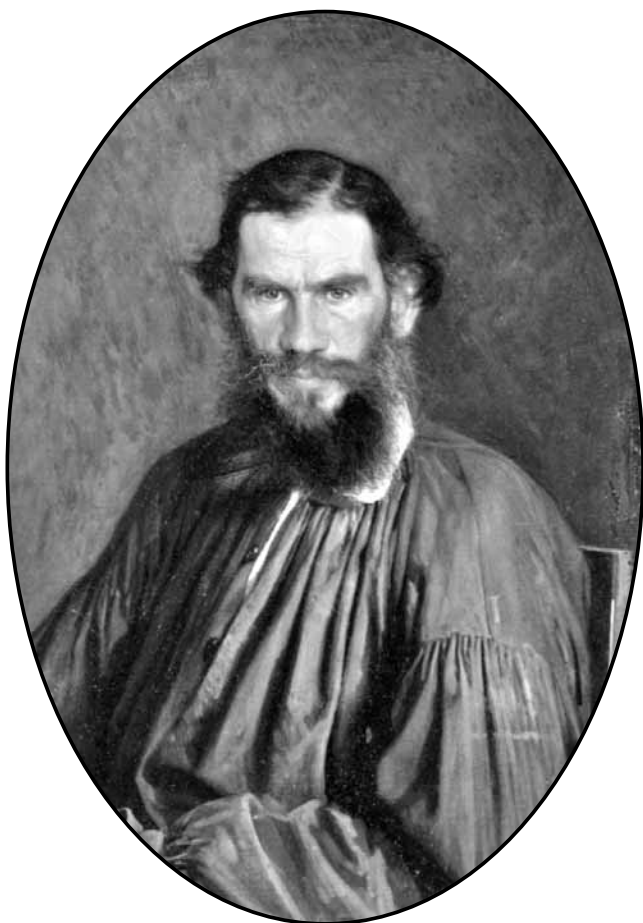
Важная княгиня Г. проводила Вольскую глазами и вполголоса сказала своему соседу:

— Это ни на что не похоже.

— Она ужасно ветрена, — отвечал он».

Трудно, читая эти строки, не заметить очевидных параллелей с появлениями в свете Анны Карениной — уже после начала романа с Вронским.

Благодаря дневнику и письмам жены Толстого Софьи Андреевны мы можем установить точную дату начала работы над романом. 19 марта она сделала такую запись: «Вчера вечером Левочка мне вдруг говорит: «А я написал полтора листочка и, кажется, хорошо». Думая, что это новая попытка писать из времен Петра Великого, я не обратила большого внимания. Но потом я узнала, что начал он писать роман из жизни частной и современной эпохи. И странно он на это напал. Сережа все приставал ко мне дать ему почитать что-нибудь старой тете [Т.А. Ергольской] вслух. Я ему дала «Повести Белкина» Пушкина. Но оказалось, что тетя заснула, и я, поленившись идти вниз, отнести книгу в библиотеку, положила ее на окно в гостиной. На другое утро, во время кофе, Левочка взял эту книгу и стал перечитывать и восхищаться. Сначала в этой части (изд. Анненкова) он нашел критические за-

*Крамской И.Н.
Портрет Л.Н. Толстого*

метки и говорил: «Многому я учусь у Пушкина, он мой отец, и у него надо учиться». Тогда же Софья Андреевна написала своей сестре: «Вчера Левочка вдруг неожиданно начал писать роман из современной жизни. Сюжет романа — неверная жена и вся драма, происшедшая от этого».

В романе затрагивался вопрос о браке, который считался в Российской империи церковным таинством, и расторгнуть который было очень непросто. Толстой не понаслышке знал обо всех перипетиях семейных проблем, существовавших в обще-

стве, ибо некоторые его знакомые сами столкнулись с подобными трудностями.

«СУХОТИНА ПРАВДИВА, ПРОСТА, МИЛА»

Когда Толстой проживал в 1840-е годы в Казани, он, как и его старшие братья, подружился с Дмитрием Дьяковым (1823–1891). Черты Дьякова получили отражение при создании образа Нехлюдова в трилогии «Детство», «Отрочество», «Юность». С ним Толстой общался и позднее, в 1860-е годы. Известно, что Дьяков был крестным отцом старшей дочери Толстого Татьяны и второго сына Ильи. Сестру Дьякова Марию Алексеевну, вышедшую замуж за Сергея Михайловича Сухотина, Толстой тоже очень хорошо знал. Вынесенная в подзаголовок ее характеристика содержится в толстовском дневнике 1857 года. Дьякова (Сухотина), которую можно увидеть на портрете К.И. Лаша, подала на развод, имея пятерых детей.

Считается, что эта история заинтересовала Толстого, когда он работал над своим вторым романом. Более того, Сергея Михайловича Сухотина (1818–1886) современники называли одним из прототипов образа Алексея Александровича Каренина.

Мария Алексеевна Сухотина после развода вышла замуж за С.А. Ла-

дыженского. Любопытно также то, что сын Дьяковой-Сухотиной-Ладыженской Михаил Сергеевич Сухотин (1850-1914) стал впоследствии зятем Льва Толстого — мужем старшей дочери писателя Татьяны.

Таким образом, Толстой имел богатый жизненный материал для написания романа, в котором получила отражение столь важная для истории России эпоха. Читая «Анну Каренину», знакомишься со всеми мельчайшими подробностями того времени. В произведении получили отражение интеллектуальные и научные споры тех лет, деятельность земств, работа чиновников, интересы и увлечения представителей аристократии, религиозные поиски современников... Толстой прекрасно описал охоту, косьбу, катание на коньках, игру в теннис. Он создал удивительные картины рождения человека и его смерти, ссор и примирений людей, восторгов и разочарований... — словом, прекрасно описал жизнь как таковую.

ДЫХАНИЕ ЖИЗНИ

Многие читатели «Анны Карениной», не сговариваясь, повторяли примерно одно и то же. Леонтьев писал, что тот, кто изучает этот роман, изучает саму жизнь; Фет сказал, что «Анна Каренина» — «живорожденное произведение»; Мэтью Арнольд писал, что толстовский роман — это не произведение искус-

Лаш К.

Портрет М.А. Сухотиной (Дьяковой)

ства, это «кусочек жизни». Как будто силясь объять необъятное, интеллектуалы той поры пытались охарактеризовать творение, едва ли поддающееся оценке — труд, который Достоевский прямо называл совершенным с художественной точки зрения. «Дыхание жизни», по Толстому, это намного больше, чем слепок эпохи, энциклопедия жизни России 1870-х годов, духовные поиски лучших людей того времени, сомнения и метания, которым нет конца. Это подлинность бытия, особое выражение ритма эпохи и живущих в ней людей.

Шопенгауэр в «Мире как воле и представлении» попытался охарактеризовать гения и обозначить его отличие от посредственности и в искусстве, и в культуре. Гений, как он считал, это та личность, которая интуитивно чувствует общую волю, объективацией которой являются живые существа, и отражает в произведении сущность этой воли. В отличие от «ремесленников», тщетно пытающихся отразить то, к чему их душа ничуть не причастна, гений точно знает и иногда по наитию даже, в рекордно короткие сроки создает шедевр, который остается жить вечно, несмотря ни на какие критические оценки и непонимание современников.

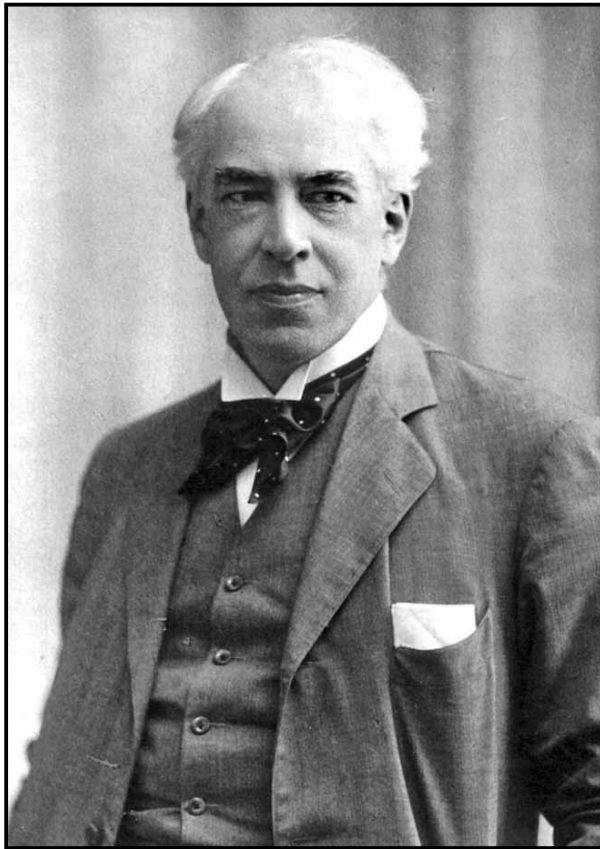
Оценивая толстовское творение, литературные критики иногда уделяют внимание частностям, не видя и зачастую не понимая целого, которое имел в виду автор и которое незримо присутствует в его творении. Лишь лучшие из них, пытаясь отразить свое впечатление, придумывают вербальные обозначения, претендующие на раскрытие абсолютного смысла произведения, но в основном они цепляются за частности и нюансы, благодаря которым могут отразить лишь части, куски, фрагменты той «живой жизни», которая питала художника.

Говоря об Анне Карениной и других женских образах романа, нельзя не отметить их совершен-

но особое восприятие читательской аудиторией. Анна многими читателями воспринимается не как героиня романа, а как реальная, живая женщина, которой сочувствуют, сопереживают, иногда даже «защищают» от критических оценок. Анна Каренина давно уже вошла в массовую культуру, и отнюдь не случайным является тот факт, что до сих пор, даже в XXI веке, появляются все новые и новые экранизации толстовского творения.

Этот роман универсален и актуален во все времена. И сегодня миллионы читателей по-прежнему обращаются к тексту «Анны Карениной», чтобы вновь перечитать сцену свидания Анны с сыном, гибели главной героини, споров Левина и его собеседников о добровольческом движении... Думается, что этот интерес будет присутствовать всегда.

P.S. Роман Л. Н. Толстого печатался в журнале «Русский вестник», но 8-я (последняя) часть произведения была издана отдельным тиражом. М.Н. Катков, редактор «Русского вестника», отказался печатать финал романа в журнале, так как там Толстой устами Константина Левина отрицательно высказывался о добровольческом движении — стремлении помогать сербам, восставшим против турецкого ига. □

Светлана Марлинская

Автор знаменитой системы

Он вошел в российскую историю и искусство как великий реформатор театра, актер, режиссер, руководитель театров, теоретик и педагог. Создатель знаменитой актерской системы, которая уже на протяжении 100 лет имеет огромную популярность в России и в мире.

Константин Алексеев (настоящая фамилия Станиславского) родился 17 января 1863 года, в многодетной (девять братьев и сестер) семье богатого промышленника Сергея Владимировича Алексеева, состоявшей в родстве с Саввой Мамонтовым и братьями Третьяковыми.

«Я родился в Москве в 1863 году — на рубеже двух эпох. Я еще помню остатки крепостного права, сальные свечи, карселевые лампы, тарантасы, дормезы, эстафеты, кремневые ружья, маленькие пушки наподобие игрушечных. На моих глазах возникали в России железные дороги с курьерскими поездами, пароходы, создавались электрические прожекторы, автомобили, аэропланы, дредноуты, подводные лодки, телефоны — проволочные, беспро-

волочные, радиотелеграфы, двенадцатидюймовые орудия. Таким образом, от сальной свечи — к электрическому прожектору, от тарантаса — к аэроплану, от парусной — к подводной лодке, от эстафеты — к радиотелеграфу, от кремневого ружья — к пушке Берте и от крепостного права — к большевизму и коммунизму. Поистине — разнообразная жизнь, не раз изменявшаяся в своих устоях».

По патриархальным обычаям того времени учение началось дома. Родители не жалели денег и устроили настоящую гимназию на дому — с раннего утра и до позднего вечера один учитель сменял другого.

В 1878–1881 годах Константин учился в гимназии при Лазаревском институте восточных языков, откуда

К.С. Станиславский с труппой театра-студии в Леонтьевском переулке

в разное время вышли многие известные дипломаты. Но родители предназначали его для традиционного поприща: работа в семейной фирме, преумножение капиталов, удачная женитьба. Первоначально именно так и было: он начал службу в фирме Алексеевых. Но...

В семье увлекались театром: в московском доме был специально перестроенный для театральных представлений зал, в имени Любимовке — театральный флигель. Там состоялось первое выступление будущего актера и режиссера.

«Яркое воспоминание из далекого прошлого относится к моему первому сценическому выступлению. Спектакль происходил в не-

большом флигеле, стоявшем во дворе усадьбы. В арке полуразвалившегося домика была устроена маленькая сценка с занавесью из пледов. Как полагается, были поставлены живые картины "Четыре времени года". Я — не то трех, не то четырехлетним ребенком, — изображал зиму».

Кстати, именно тогда Станиславский почувствовал искусственность «сценического бездействия» и впоследствии всячески старался его избегать.

Сценические опыты он начал в 1877 году в домашнем «Алексеевском кружке». Усиленно занимался пластикой и вокалом с лучшими педагогами, учился на примерах акте-

ров Малого театра. Играл в опереттах и даже в операх, правда, комических. На любительской сцене в доме Андрея Карзинкина на Покровском бульваре в декабре 1884 года состоялось его первое выступление в роли Подколесина в гоголевской «Женитьбе».

В 1886 году Станиславский был избран членом дирекции и казначеем Московского отделения Русского музыкального общества и состоящей при нем консерватории. Его товарищами по дирекции консерватории были Петр Ильич Чайковский, Сергей Танеев, Сергей Третьяков.

Удивительно, но об этом тогда мало кто знал. А ведь именно в это время Константин взял себе псевдоним Станиславский, чтобы скрыть свою настоящую фамилию. (Наверное, правильно сделал: «система Алексеева» как-то не звучит.)

Два года спустя он уже играл не в любительском, а в настоящем театре, ничем не уступая профессиональным актерам. Самой известной его ролью стал Паратов в «Бесприданнице», хотя недоброжелатели утверждали, что успех объяснялся всего лишь яркой внешностью Станиславского.

Даже если и так, что в этом плохого? Хотя красота для актера — вещь условная, на талант обычно не влияющая.

Неудовлетворенность состоянием драматического театра в конце XIX века, необходимость реформ,

отрицание сценической рутины провоцировали новые поиски. В 1897 году Немирович-Данченко пригласил Станиславского встретиться и обсудить ряд вопросов, касающихся состояния театра. Станиславский сохранил визитную карточку, на обороте которой карандашом написано:

«Я буду в час в Славянском базаре — не увидимся ли?»

На конверте он подписал:

«Знаменитое первое свидание-сидение с Немировичем-Данченко. Первый момент основания театра».

В ходе этой, ставшей легендарной, беседы были сформулированы задачи нового театрального дела и программа их осуществления. По его словам, обсуждали «основы будущего дела, вопросы чистого искусства, наши художественные идеалы, сценическую этику, технику, организационные планы, проекты будущего репертуара, наши взаимоотношения».

В продолжавшейся восемнадцать часов беседе обсудили состав труппы, костяк которой должны были составить молодые интеллигентные актеры, круг авторов и скромно-неброское оформление зала. Разделили обязанности: литературно-художественное «вето» было предоставлено Владимиру Немировичу-Данченко, художественное — Константину Станиславскому; набросали систему лозунгов, по которым будет жить новый театр.

14 (26) июня 1898 года в подмосковном Пушкино началась работа труппы Художественного театра,

созданной из учеников Немировича-Данченко по Музыкально-драматическому училищу и актеров-любителей Общества искусства и литературы. В первые же месяцы репетиций выяснилось, что разделение обязанностей руководителей условно. Репетиции трагедии «Царь Федор Иоаннович» Алексея Толстого начал Станиславский, создавший мизансцены спектакля, потрясшие публику на премьере, а Немирович-Данченко настоял на выборе на роль царя Федора своего ученика Ивана Москвина и на индивидуальных занятиях помог ему создать трогательный образ «царя-мужичка», который стал открытием спектакля.

Значительнейшие спектакли Художественного театра, такие, как «Царь Федор Иоаннович», «Чайка», «Дядя Ваня», «Три сестры», «Вишневый сад» ставились Станиславским и Немировичем-Данченко совместно. В следующих постановках пьес Чехова открытия «Чайки» были продолжены и приведены к гармонии. Принцип непрерывного развития объединял на сцене рассыпавшуюся, разрозненную жизнь. Был развит особый принцип сценического общения («объект вне партнера»), неполного, полузамкнутого.

Собственно, с этого и началась знаменитая «система Станиславского». Зрителя на чеховских спектаклях МХТ радовало и томило узнавание жизни в ее немислимой прежде подробности.

Однако в совместной работе над пьесой Максима Горького «На дне» (1902) обозначились противоречия двух подходов.

Для Станиславского толчком было посещение ночлежек Хитрова рынка. В его режиссерском плане была масса остро замеченных подробностей: грязная рубаха Медведева, башмаки, завернутые в верхнюю одежду, на которых спит Сатин. А Немирович-Данченко искал на сцене «бодрую легкость» как ключ пьесы. Станиславский признавал, что именно Немирович-Данченко нашел «настоящую манеру играть пьесы Горького», но сам эту манеру — «просто докладывать роль» — не принял. Афиша «На дне» не была подписана ни тем, ни другим режиссером.

Вначале за режиссерским столом сидели оба руководителя. Но с 1906 года «каждый из нас имел свой стол, свою пьесу, свою постановку, ибо каждый хотел и мог идти только по своей самостоятельной линии, оставаясь при этом верным общему, основному принципу театра», пояснял Станиславский.

Идеалом артиста для него всегда оставался Шаляпин, и он признавался, что свою знаменитую систему «списал с Шаляпина». Федор Иванович шутил по этому поводу, говоря, что Станиславский его «ограбил».

В своей режиссерской практике К.С. Станиславский широко пользовался всеми средствами выразительности, находящимися в распоряжении режиссера, всегда стара-

ясь подчинить их единой цели — воплощению идеи пьесы.

Константин Сергеевич так писал об этом:

«Режиссер — это не только тот, кто умеет разобраться в пьесе, посоветовать актерам, как ее играть, кто умеет расположить их на сцене в декорациях. Режиссер — это тот, кто умеет наблюдать жизнь и обладает максимальным количеством знаний во всех областях кроме своих профессионально-театральных. Иногда эти знания являются результатом его работы над какой-нибудь темой, но лучше их накапливать впрок. Наблюдения тоже можно накапливать специально к пьесе, к образу, а можно приучить себя наблюдать жизнь и до поры до времени складывать наблюдения на полочку подсознания. Потом они сослужат режиссеру огромную службу».

Первой постановкой Станиславского после Октябрьской социалистической революции стал «Каин» Джорджа Байрона (1920). Репети-

К.С. Станиславский в роли Отелло

ции только начались, когда Константин Сергеевич был взят заложником при прорыве белых к Москве. Общий кризис усугублялся в Художественном театре еще и тем, что значительная часть труппы во главе с Качаловым, выехавшая в 1919 году в гастрольную поездку, оказалась отрезанной военными событиями от Москвы. Но затем, к счастью, все наладилось, и МХТ под руководством Станиславского отправился в длительные зарубежные гастроли по Европе и Америке.

Деятельность Константина Сергеевича в 1920–30-е годы определялась, прежде всего, его желанием отстоять традиционные художе-

ственные ценности русского искусства сцены. Постановка «Горячего сердца» Островского (1926) стала ответом тем критикам, которые уверяли, что «Художественный театр» — мертв». Но театр, конечно, не умер, наоборот, с приходом молодого состава зажил полной жизнью. Станиславский вел с ними занятия, выпускал на сцену молодых актеров, игравших в пьесах, поставленных молодыми режиссерами.

В 1928 году после тяжелого сердечного приступа, случившегося в юбилейный вечер в МХТе, врачи навсегда запретили Станиславскому выходить на подмостки. Он вернулся к работе только в 1929 году, сосредоточившись на теоретических изысканиях, на педагогических пробах «системы».

В начале 1930-х годов, используя свой авторитет и поддержку вернувшегося в СССР Максима Горького, Константин Сергеевич обратился к правительству, пытаясь добиться особого положения для Художественного театра. Ему пошли навстречу. В январе 1932 года к названию театра была добавлена аббревиатура «СССР», уравнивая его с Большим и Малым театрами. В сентябре 1932 года театру было присвоено имя Максима Горького, и он стал именоваться: МХАТ СССР им. Горького. В следующем году он был награжден орденом Трудового Красного Знамени, а в 1937-м — орденом Ленина.

Станиславский все чаще встречался с актерами у себя дома, в квартире в Леонтьевском переулке, превратив репетиции в актерскую школу по разрабатываемому им новому методу. Очень злую карикатуру на эти занятия нарисовал Булгаков в своем «Театральном романе». Правда, и в нем признается, что режиссер был действительно гениальным актером.

Вслед за книгой «Моя жизнь в искусстве» и в продолжение разработки «системы» Станиславский успел отправить в печать первый том «Работы актера над собой», который был издан посмертно в 1938 году.

Константин Сергеевич Станиславский умер 7 августа 1938 года на 76-м году жизни, в Москве. Вскрытие показало гипертрофию сердца, эмфизему легких, аневризмы...

По системе Станиславского основным принципом игры актера не является показ укоренившегося доселе лицедея, импровизирующего роль. Он должен переживать то, что происходит с персонажем, и эмоции, испытываемые им, должны быть подлинными. Актер должен верить в «правду» того, что делает, и тогда он сможет правильно сыграть роль. Его игра будет максимально приближена к реальности, и зритель ему поверит.

Работа актера над ролью — это, в первую очередь, погружение в предлагаемые обстоятельства малого, среднего и большого круга.

Актер не пытается стать другим человеком, роль — это «я» в предлагаемых обстоятельствах. Он должен понять внутреннюю логику персонажа, причины его поступков, должен для себя «оправдать» каждое слово и каждое действие персонажа, то есть понять причины и цели.

Очень важная особенность актерской игры — переживание «здесь и сейчас». Любая эмоция, любое действие должно родиться на сцене. Актер должен дать себе возможность захотеть совершить то или иное действие. Действие, совершенное таким образом, будет естественным и оправданным. Если одно и то же действие из спектакля в спектакль будет совершаться каждый раз «здесь и сейчас», оно не станет у актера неким «штампом», а каждый раз будет исполняться по-новому.

К. С. Станиславский писал:

«Наблюдая за жизнью, артист должен смотреть вокруг себя

К.С. Станиславский в роли Вершинина в спектакле МХТ «Три сестры»

не как рассеянный обыватель и не как холодный статистик, которому нужна только фактическая и цифровая точность собираемых сведений. Артисту нужно проникнуть в суть наблюдаемого, внимательно изучать предлагаемые жизнью обстоятельства и поступки людей, понять склад души, характер того, кто совершает эти поступки. А это удается только по-настоящему заинтересованному, внимательному художнику». □

Сергей Захарин — театральный режиссер, хореограф, актер, дважды стипендиат премии Олега Табакова. В его творческом арсенале много чудесных спектаклей, созданных для детей, которые с успехом идут в Москве, Санкт-Петербурге, Ростове на Дону, Новосибирске, Саратове, Тюмени.

Несмотря на огромную занятость, Сергей еще играет в Театре Романа Виктюка — его можно увидеть в спектаклях «Саломея», «Федра», «Коварство и любовь», «Венецианка»...

Сергей Захарин

«Моим кредо являются слова великого Станиславского: **"Для детей нужно играть как для взрослых, только намного лучше"**»

Фото из личного архива

— Что нового происходит в творчестве?

— В Ярославле не так давно прошла третья режиссерская лаборатория: восемь молодых режиссеров разных школ представляли на суд художественного совета эскизы сво-

их спектаклей. Восемь пьес — от Метерлинка до Чехова.

Победители получили право на постановку спектакля в следующем сезоне. Показав эскиз «Дамы с собачкой» по произведению А.П. Чехова, я выиграл режиссерский грант.

На сцене первого русского театра имени Волкова буду ставить в новом сезоне спектакль как режиссер, для меня это большая честь.

— Вам всем дали только три дня для репетиций, для освое-

— Сергей, в Театре Романа Виктюка с большим успехом идут две ваши постановки, расскажите о них, пожалуйста.

— Мой первый спектакль — «Орфей спускается в Ад» по пьесе Теннесси Уильямса. Премьера состоя-

«Кафе "Бродячая собака"»

ния материала, подбора костюмов и декораций. Это короткий срок. И вы это сделали! Поздравления! И кто еще вошел в вашу тройку победителей?

— Анна Бычкова и Яна Гловацкая.

лась в Театре Романа Виктюка в январе 2021 года.

Пьеса эта поэтична и метафорична, она очень подходит по своей стилистике нашему театру. Она актуальна в наше время, и когда я предложил ее, Роман Григорьевич дал добро.

Мастер мне во многом помогал на начальных этапах работы. Важно было разгадать текст автора, понять каждого героя, придумать пространство (декорации), в котором оживут персонажи. Виктюк умело направлял меня на раскрытие неожиданных смыслов. Это был очень интересный, невероятно творческий процесс.

Обладая образным мышлением, Роман Григорьевич превращал тексты автора в поэтические аллегории. Но, несмотря на всю серьезность постановок, мастер был большим шутником, с тонким чувством юмора, невероятной интуицией, человеком с самоиронией, и это передавалось всем актерам, кто с ним работал.

«8 женщин»

— Чему вы вообще научились у Мастера?

— Многому. И это бесценно. В процессе репетиций, в процессе работы, во время общения он учил понимать и видеть дополнительные смыслы, заложенные драматургом, писате-

Артисты нашего театра — люди талантливые и творческие. Виктюк научил нас видеть красоту и видеть любовь даже в мелочах.

— Вторая премьера в Театре Виктюка состоялась недавно,

в ноябре 2022 года — «Сказка о мертвой царевне» по сказке А.С. Пушкина...

— С прошлого сезона в нашем театре существует художественный совет, в который вошли: заслуженный артист Дмитрий Бозин, Дмитрий Жойдик, Игорь Неведров, я, Дмитрий Голубев, Александр Тарасов и главный художник театра —

царевне и семи богатырях», которую поставил я, «Сказка о рыбаке и рыбке» — режиссером выступил Игорь Неведров, и «Сказка о царе Салтане» — Александра Тарасова.

В следующем сезоне мы планируем сделать для детей еще один театральный сериал, уже по произведениям другого автора.

Фото: Polina Kapitsa

«Сказка о мертвой царевне»

Владимир Боер, проработавший с Романом Григорьевичем более 20 лет. На одной из первых встреч я предложил создать театральный сериал по сказкам А. Пушкина. В итоге на сцене театра появились три сказки. Это «Сказка о мертвой

— «Сказка о мертвой царевне» предназначена не только для детской аудитории?

— Гениальный Александр Сергеевич Пушкин заложил в сказку глубинный смысл — борьбы Добра и Зла, Света и Тьмы. Это история

спасения светлой души (царевны), которая попала в беду, а спасителем является, конечно же, — король Елисей.

— Сергей, в разных городах России идут премьерные спектакли, где вы выступаете в качестве хореографа. Расскажите, пожалуйста, какие это постановки и где их можно будет увидеть.

— Все верно, помимо режиссерских работ меня часто приглашают в качестве хореографа и режиссера по пластике. Буквально недавно вышла премьера в Саратовском ТЮЗе «Рони, дочь разбойника» по известному произведению Астрид Линдгрэн, режиссер — Сергей Агафонов.

В Новосибирске, в театре оперы и балета, на Малой сцене, в феврале состоялась премьера оперы Вольфганга Амадея Моцарта «Дон-Жуан» в постановке Вячеслава Стародубцева. Спектакль вернулся в репертуар, и это произошло шестьдесят лет спустя. Так же с успехом идут «Волшебная флейта» и «Свадьба Фигаро» из оперного цикла «Моцартиана».

— Вы много работаете в оперных спектаклях. Как начинался этот путь?

— Главный режиссер Вячеслав Стародубцев пригласил меня пять лет назад в Новосибирск, в НОВАТ, на постановку «Моцарта и Сальери», и я попал в волшебный мир оперы. Классическая музыка — наивысшее

искусство, и работать с оперными артистами безумно интересно. Я занимаюсь с актерами не столько хореографией, сколько выражением мысли в жесте, в пластике, ведь даже незначительный поворот головы, любой взмах руки несет дополнительный смысл для зрителя. Это — философия движения, которая, на мой взгляд, очень важна для артиста.

Вячеслав также ставит оперы для детей, в них есть и танцевальные фрагменты в моей постановке: это «Красная Шапочка», «Морозко», «Карлсон», «Буратино».

— Какие еще оперы в вашем арсенале?

— «Свадьба Фигаро», «Царская невеста» в НОВАТе, в Мариинском театре, в Петербурге, ставил «Тангейзера», оперу «Мавра» с Валерием Гергиевым и Вячеславом Стародубцевым.

— К сожалению, сегодня для детей снимают мало кинофильмов, а в театрах детские постановки идут, и радуется, что это происходит. Психологи вообще рекомендуют приобщать малышей к театру, начиная с трехлетнего возраста. А у вас есть новые постановки для совсем юных зрителей? Расскажите, пожалуйста, об этой прекрасной и такой важной работе.

— Детский репертуар мне особенно дорог, ведь произведения для детей пробуждают фантазию, воз-

вращают нас в детство, «когда деревья были большими, а солнце ярче». Детский спектакль, несмотря на свою легкость подачи, затрагивает очень важные вопросы, на которые родители часто не имеют ответов или не могут правильно подобрать слова. Театр для детей — это своеобразная школа, где ребенок учится выражать свои эмоции, развивать

Знаете, как сказал Станиславский: «Для детей нужно играть как для взрослых, только намного лучше». Детей приводят в театр, и это важно. В этом сезоне в Ростове-на-Дону, в академическом Театре драмы я выпустил спектакль «Волшебник Изумрудного города» по повести Александра Волкова. Это был потрясающий опыт. Над спектаклем

«Мэри Поппинс»

воображение, различать Добро и Зло. Театр учит понимать людей и учит понимать себя.

Я стремлюсь, чтобы каждый спектакль был искренним и живым, а самое важное, чтобы разговор с детьми, сидящими в зрительном зале, был на равных, как с взрослыми.

трудилась большая команда профессионалов. История, конечно же, о том, что каждому из нас в жизни необходим близкий человек, друг, который подставит плечо в сложный период, который разделит радость и поможет справиться с любой непреодолимой задачей; о том,

что взаимообмен энергиями обогащает человеческую душу, и каждый, кто прикоснулся к этому источнику, обретет любящее сердце, силу мысли и бесстрашие.

В Кировском драматическом театре в конце декабря 2022 года вышла постановка «Мэри Поппинс». Эта история о том, чтобы мы никог-

пинс — актриса Наталья Андрейченко написала нашей команде, работавшей над спектаклем, замечательное аудиосообщение, в котором поздравила меня и всех артистов, пожелав, чтобы ветер перемен принес только хорошее, доброе и чистое. Это было неожиданно и очень приятно.

да не забывали, что все мы родом из детства и не теряли умение находить волшебство даже в повседневной жизни, глядя на закат солнца, на полет воздушного змея или на прыгающего в траве кузнечика. В связи с премьерой спектакля легендарная исполнительница роли Мэри Поп-

— Вы получили режиссерское образование в ГИТИСе, учились у Валерия Романовича Беляковича, который в 1977 основал театр-студию на Юго-Западе и вывел его на высокий профессиональный уровень. Его «Гамлета», с Виктором Авиловым, в Велико-

британии в 1987 году признали лучшей зарубежной постановкой за последние четыре десятилетия, а маска, снятая с Гамлета-Авилова находится в музее Эдинбурга.

— Валерий Романович был ярким режиссером, самобытным... Как и Роман Григорьевич Виктюк,

— В 2018 году вы стали главным режиссером театра-студии «Откровение» в Москве и поставили «Провинциалку» по И.С. Тургеневу, «Моцарт и Сальери», «Кафе "Бродячая собака"», «Маугли», «Аленький цветочек»...

— Это небольшой, но очень уютный театр на Юго-Западе столицы.

Слева:

*«Моцарт
и Сальери»*

Фото: Polina Kapitsa

*«Орфей
спускается
в Ад»*

он работал на открытой, мощной энергии вдохновения, каждую мысль, каждый оттенок чувств он доносил до предельного напряжения. Белякович высоко ценил творчество Романа Григорьевича и всегда приходил на его премьерные спектакли.

Случилось так, что после ухода главного режиссера мне сделали заказ поставить спектакль в этом театре, а после его выпуска директор предложил стать главным режиссером. За два года мы выпустили восемь премьер, в том числе и детские постановки. Успели получить приз

«За лучшее воплощение произведения И.С. Тургенева на сцене» на Московском театральном фестивале «Тургеневская театральная Москва» за спектакль «Провинциалка», а так же Гран-при в номинации «Лучший спектакль сезона 18/19» на Московском детском театральном фестивале за спектакль «Аленький цветочек». В прошлом году поставили «Алису в Зазеркалье». В этом году планируем спектакль по случаю большого юбилея драматурга А.Н. Островского.

— Вы одно время работали в театре Луны, мы помним древнегреческую «Антигону»!

— Над «Антигоной» я работал в качестве балетмейстера, спектакль поставил Александр Смольяков, и это был его большой дебют, с греческими артистами и греческим композитором. Яркий был спектакль, выезжал даже в Афины на гастроли, играли его на сцене древнегреческого амфитеатра. В Театре Луны в качестве балетмейстера я выпустил шесть премьер.

— Кто из артистов балета вам нравится и удастся ли посещать балетные спектакли?

— Признанные классики: Михаил Барышников и Рудольф Нуриев. По творчеству Нуриева я даже писал диссертацию. В Новосибирске, по мере возможности, всегда посещаю балетные спектакли. Роман Григорьевич Виктюк несколько раз приглашал меня в Большой театр, он был большим знатком и ценителем балета. Это осталось в памяти.

— Вы много ездите по стране, любите путешествовать?

— Да, очень люблю путешествовать, не могу усидеть на месте (улыбается). Ведь всегда интересно открывать новое, видеть разные города, в которых, конечно, есть свои плюсы и свои минусы, но главное — это люди. Люди у нас в стране потрясающие! В театрах я встречаю много талантливых, влюбленных в свое де-

торые умеют найти точки соприкосновения.

Человек всегда находится в сообществе и должен прислушиваться к другому мнению.

Если бы люди не были столь категоричны и самоуверенны, то и жизнь была бы, наверное, более гармоничной и творческой.

«Алиса
в Зазеркалье»

ло артистов, которые открыты новому. Их творческий огонь заряжает и вдохновляет меня.

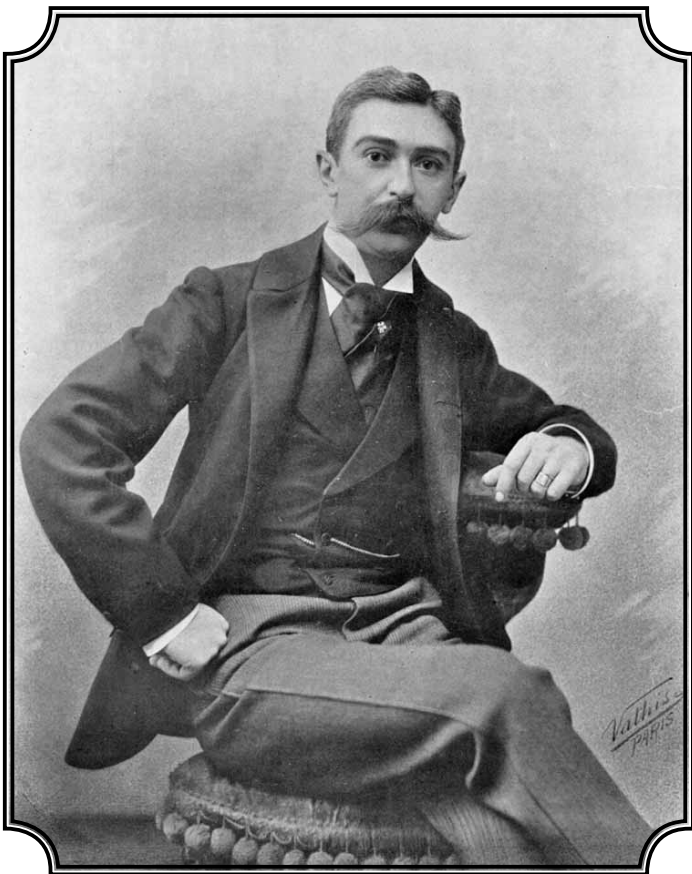
— А лично вам какие люди близки по духу?

— Открытые, которые всегда скажут правду, хоть она может быть и горькой. нравятся люди, ко-

— В 2024 году журналу «Смена» исполнится сто лет, что бы вы пожелали читателям этого старейшего издания?

— Пусть новые поколения приносят радость и любовь в этот мир, всем желаю ярких открытий, новых горизонтов, вдохновения! □

Беседовала **Елена Воробьева**

Евгения Гордиенко

Француз, вернувший миру Олимпийские игры

*О спорт! Ты — мир!
Ты устанавливаешь хорошие, добрые,
дружественные отношения между народами.
Ты — согласие. Ты сближаешь людей, жаждущих единства.
Ты учишь разноязыкую, разноплеменную молодежь уважать друг друга.
Ты — источник благородного, мирного, дружеского соревнования.
Ты собираешь молодость — наше будущее,
нашу надежду — под свои мирные знамена.
О спорт! Ты — мир!*

Пьер де Кубертен

Олимпийскому движению в том виде, в котором мы его знаем на сегодняшний день, немногим более века, хотя кажется, что спортивные соревнования — неотъемлемая часть жизни человека. Но это обманчивое впечатление: в конце XIX века, когда возрождались Олимпий-

ский игры, спорт был уделом людей богатых. Согласитесь, какому крестьянину придет в голову совершать движения ради движений? Поэтому и идея восстановления древнегреческой традиции спортивных состязаний возникла у человека, принадлежавшего к высшему обществу.

Пьер де Фреди, барон де Кубертен родился 1 января 1863 года в Париже в семье аристократов — барона Шарля-Луи и Агаты-Марии де Кубертен. Отец Пьера был художником, писавшим религиозные сюжеты, мать происходила из богатой семьи и занималась в основном домом и пятью детьми. Детство будущего основателя олимпийского движения прошло в основном в старинном замке Мервиль — имени матери, но семья много путешествовала. Весну Кубертен проводил в Этрета — городе художников на побережье Нормандии, осень — в родовом поместье Шато-де-Кубертен недалеко от Версальского дворца. Зимой же возвращались в Париж, где их ждал дом на улице Удино, 20.

Образование юноша получал соответственно своему статусу — то есть достойное и разностороннее. Сначала он учился в Сент-Игнасе, дневной школе иезуитов. Пьер был очарован миром древних греков и римлян. Надо помнить, что в 1874 году были начаты масштабные раскопки древней Олимпии. Из-под земли извлекли 40 памятников, 130 статуй, 6 тысяч монет, 13 тысяч бронзовых предметов, использовавшихся для жертвоприношений мифологическим богам, и открыты 400 надписей. Мальчику было 11 лет, но он очень внимательно следил за новостями о раскопках в газетах. Школа подогревала его интерес к древности. «Ничего в древней истории не дало мне больше пищи для раз-

мышления, чем Олимпия», — говорил впоследствии барон.

По окончании школы ему предстояло продолжить обучение в военной академии Сен-Сир, чтобы начать военную службу и тем самым обеспечить свою дальнейшую жизнь, ведь он был младшим из сыновей, а потому не мог рассчитывать на наследство, пусть даже и в своей богатой семье.

Но юному Пьеру совершенно не была интересна военная академия. Вместо нее он поступил в Высшую школу политических наук в Париже. Ему, как и многим молодым аристократам того времени, хотелось реформировать французское образование. Он много раз бывал в Англии и нашел, что британская система с ее частными школами и университетами может стать образцом, на который он будет равняться. Кубертену хотелось взять лучшее с туманного Альбиона и внедрить в систему французского образования больше спорта, как это было в Англии.

В 1887 году Кубертен присутствовал на выступлении Жюль Симона, который читал доклад на тему социального мира, требуя «права на игру» для всех французских студентов. И хотя самому Пьеру было в ту пору всего 24 года, он смог познакомиться с 73-летним Жюлем Синомом и заключить с ним альянс с целью поддержки своих идей реформ образования. И уже в следующем году был создан комитет Жюль Симона, который ставил своей

целью популяризацию спорта в клубах и школах.

В 1889 году в Париже состоялась Всемирная выставка. Она была организована к столетию Великой французской революции и была призвана продемонстрировать стабильность и прогресс Третьей республики. Во время выставки Пьер де Кубертен провел Конгресс по физическому воспитанию, представил результаты международного спортивного опроса и помог организовать несколько спортивных парадов. Незадолго до ее окончания он отправился в Америку с официальной миссией от Министерства общественного образования Франции. Его целью было посещение колледжей и университетов и сбор данных. Он хотел доказать, что английская модель развития спорта в учреждениях образования уже принята на международном уровне. Во время этой поездки Пьер подружился с Уильямом Миллиганом Слоаном, профессором философии и истории в Принстонском университете и главой его спортивного комитета. Впоследствии Слоан станет одним из самых сильных олимпийских союзников Кубертена.

Вернувшись домой, Кубертен стал работать над созданием Французского атлетического союза (USFSA), который объединил более 62 спортивных обществ, членами которых было более 7000 человек. В масштабах страны звучит не очень внушительно, но следует помнить, что «спорт ради спорта» тогда вооб-

ще не воспринимался во Франции как идея.

Вместе с Анри Дидоном барон организовал первый легкоатлетический чемпионат между государственными, частными и религиозными школами в Иль-де-Франс. Именно Анри Дидону принадлежит авторство фразы на латыни «Citius Altius Fortius» (Быстрее! Выше! Сильнее!) Эти слова впоследствии стали девизом олимпийского движения.

Но Кубертен понимал, что хочет большего, ему нужно было объединить в спортивном движении весь мир. И в ноябре 1892 года он выступил со своим первым предложением возродить Олимпийские игры.

Поначалу его предложение ничего, кроме смеха, не вызвало. Но он не собирался отступать, и через полтора года, в июне 1894-го, в Большом зале Сорбонны открылся Олимпийский конгресс, где были возрождены Олимпийские игры.

Первые игры решили проводить, разумеется, на их родине — в Греции. Там с особенным воодушевлением ждали начала соревнований, но вскоре стало ясно, что одного энтузиазма мало, и организаторам предстоит столкнуться с множеством трудностей. Прежде всего, нужны были средства, а их в стране не было.

Пьер де Кубертен сделал для первых Игр все, что мог: он прилетел в Афины и встретился с королевской семьей, чтобы заручиться их поддержкой. Это удалось сделать, и Игры были спасены. В 1896

году в Афинах были открыты первые возрожденные Олимпийские игры. Успех мероприятия превзошел ожидания организаторов: в городе с населением 100 тысяч человек церемония открытия собрала 120 тысяч! К событию был отреставрирован стадион, на скамьях которого разместились 70 000 зрителей. Еще 50 000 заняли склоны холмов за стенами стадиона.

Зрители были в восторге, а у первых Игр и у Греции появился и свой герой: Спиридон Луис, греческий фермер, выступавший в традиционной юбке-фустанелле, который выиграл марафон.

Следующие Игры было решено проводить в 1900 году в Париже. Кубертен считал, что они будут приурочены к Всемирной выставке, которая снова проходила в этом году. Но куратор выставки, Альфред Пикард, не разделял любви барона к спорту, и считал Игры второстепенным событием. Игры были проведе-

ны, но без той помпы, которая сопровождала Афины. Однако следует отметить, что именно на вторых Играх в Париже впервые участвовали женщины.

Следующие Игры проходили каждые 4 года, соответственно, в американском Сент-Луисе, в Лондоне и Стокгольме. Кубертен изо всех сил старался делать не только спортивный праздник, но и показывать культуру той страны, которая принимала Игры.

Сам Кубертен в Олимпийских играх участия не принимал, но спортивным упражнениям уделял много внимания. С детства он был обучен верховой езде, фехтованию, теннису. Однажды он заключил пари, и в течение восьми часов ездил на велосипеде, гоночном мотоцикле, скакал на лошади, фехтовал, боксировал, играл в теннис и победил в этом необычном «многоборье».

В 1914 году, когда Франция вступила в Первую мировую войну,

Кубертен принял решение перенести штаб-квартиру Международного олимпийского комитета из Парижа в Лозанну. Игры 1916 года, которые должны были состояться в Берлине, были отменены, и будущее олимпийского движения, как и будущее всей Европы, стало туманным.

Сам Кубертен отправился на фронт, где присоединился к французской армии. В этих условиях он не

мог оставаться на посту президента МОК, поэтому свои полномочия временно передал одному из членов комитета — Годфруа де Блоне, как представителю нейтральной Швейцарии.

После окончания войны, в 1919 году, Кубертен снова возглавил Международный олимпийский ко-

митет и занялся возрождением Игр. Он собирался провести их в Антверпене, но встретил сопротивление — все желали, чтобы они прошли в Париже. В 1921 году барон опубликовал письмо с объявлением о своем уходе в отставку и попросил коллег выполнить его просьбу — провести Олимпийские игры 1924 года именно в Париже. Эти Игры стали последними, которые он курировал лично. После их окончания Кубертен вышел на пенсию, о чем объявил на конгрессе МОК в Праге.

Сам он планировал вернуться к реформам образования, от которых «отвлекся» на Олимпиады, но при этом продолжал продвигать спорт. В возрасте 64 лет он опубликовал четырехтомную «Всемирную историю мира». Его же стараниями в Лозанне была основана Олимпийская библиотека.

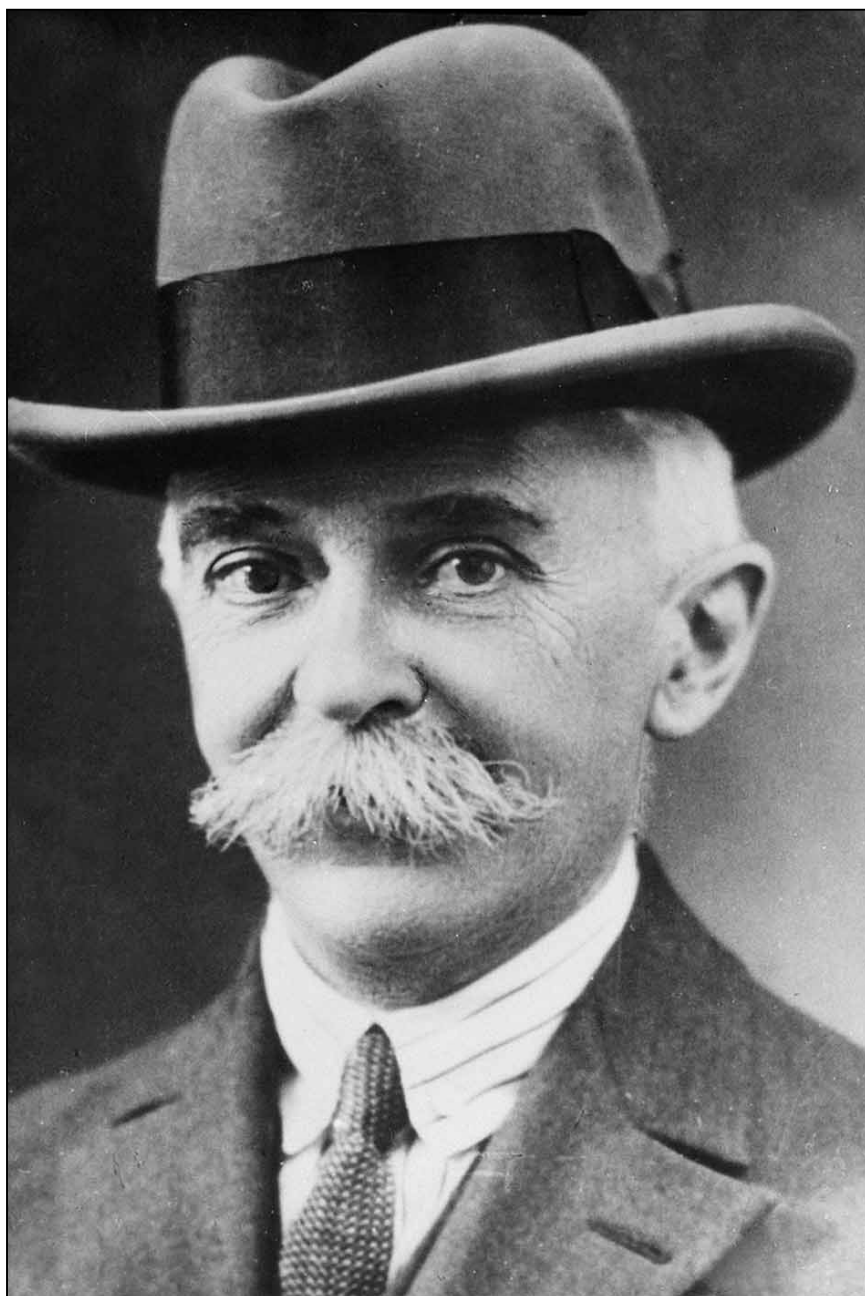
О семейной жизни барона де Кубертена можно рассказать в нескольких словах, потому что она сложилась вполне счастливо. В 1895 году он женился на Марии Розан. Ее отец, Густав Розан, был историком, министром во французском правительстве. У супругов родилось двое детей: сын и дочь. Баронесса де Кубертен поддерживала мужа во всех его начинаниях и благородных идеях.

2 сентября 1937 года случилось непредвиденное: Пьер де Кубертен потерял сознание и умер во время своей ежедневной прогулки в парке Ла-Гранж в Женеве.

Его сердце, по его собственному желанию, было помещено в колонну, воздвигнутую в его честь в древней Олимпии. Мария пережила мужа на много лет и скончалась в 1963 году, в возрасте 102-х лет. Дети Кубертенов наследников не оставили, поэтому прямых потомков барона нет, а в родовом поместье семьи живут его племянники.

В Лозанне открыт музей Пьера де Кубертена, он удостоен памятников во многих городах. В его честь учреждена медаль, которая вручается Международным олимпийским комитетом за проявленное благородство и верность духу «fair-play» — честной игры — во время Олимпийских игр.

Многими спортсменами и зрителями эта награда признается важнейшей, даже более ценной, чем Золотая олим-

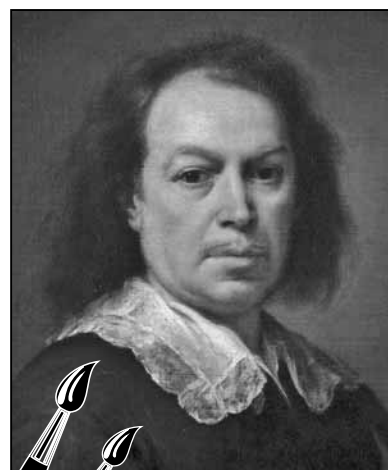

пийская медаль. МОК также называет вручение медали Пьера де Кубертена наибольшей честью, которой может быть удостоен спортсмен.

В некрологе на смерть Кубертена газета «Нью-Йорк таймс» сообщила: «Барон де Кубертен видел спорт глазами художника, мечтателя и педагога». Именно об этом стоит помнить, когда сегодня мы видим, как спорт все больше срачивается с политикой и уходит от заветов основателя олимпийского движения. □

Бартоломе Мурильо

«Убийство инквизитора Педро де Арбуэса»

*Бартоломе
Эстебан Мурильо.
Автопортрет*

В собрании живописи Эрмитажа много замечательных картин, авторы которых решали чисто живописные задачи — создавали изысканные композиции, добивались передачи света и тени, необычных сочетаний красок, цвета, выразительности и психологической глубины... Но среди шедевров мастеров есть и такие полотна, которые наряду с чисто живописными достоинствами несут на себе печать времени, напоминая нам о драматических эпизодах мировой истории. Таким памятником эпохи стала и картина одного из ярких представителей Золотого века испанской живописи Эстебана Мурильо «Убийство инквизитора Педро де Арбуэса».

Испанская инквизиция — при звуке этих слов перед глазами сразу возникают картины жестоких судов и нечеловеческих пыток, мрачных тюрем и полыхающих костров, на которых горят несчастные еретики, позволившие усомниться в догматах католической церкви...

В 1483 году главой Святейшей канцелярии — так назывался главный орган испанской инквизиции — стал Томас де Торквемада, в прошлом настоятель доминиканского монастыря

в Сеговии. По просьбе королевы Испании Изабеллы Папа Римский разрешил использовать эту организацию для искоренения ереси. Торквемада был у власти 15 лет, и за эти годы около 9 тысяч человек были замучены и погибли по решению судов инквизиции. Именно при Торквемаде испанцы узнали, что такое аутодафе, эта жуткая процессия, во время которой еретиков, облаченных в одежды с изображением чертей, огня и других символов ада, вели к главной площади

*«Убийство
инквизитора
Педро де Арбуэса»*

города, где несчастных уже ждал позорный столб с приготовленным хворостом, готовым вот-вот вспыхнуть и сжечь в своем пламени несчастную жертву «милосердных» борцов за чистоту Веры.

В 1484 году Торквемада получил донос, что в Сарагосе, столице Арагона, развелось много еретиков, позволяющих себе некое вольнодумство. Среди них были и коренные испанцы, и марраны, «новые христиане», «конверсос», бывшие иудеи и их по-

томки, принявшие христианство, но дома, тайком, исполнявшие обряды своей веры. Это были весьма не бедные люди, часто связанные множеством нитей с испанскими аристократическими родами, что не мешало им порой подвергаться гонениям со стороны инквизиции — ведь проведя следствие и признав их виновными, инквизиторы имели право отобрать у несчастных все их имущество, которое шло в пользу казны и Церкви. Этот закон совсем не нравился марранам, а

потому в обществе назревали всякие нежелательные настроения. Их требовалось нещадно гасить и на подобные сигналы с мест реагировать, что Торквемада и сделал — он послал в Сарагосу своих верных сподвижников, Гаспара Хуглара и Педро де Арбуэса.

Это были люди железной воли, беспощадные и последовательные в своей борьбе с ересью во всех ее проявлениях. Они с энтузиазмом принялись за дело. Помните знаменитое высказывание Берии — «Был бы человек, а статья найдется»? Тут было все несколько наоборот — была статья, и человек, преступник-еретик, легко находился. Опасаясь того, что репрессии могут затронуть и их, «новые христиане» Сарагосы, еще не попавшие под суд инквизиции, отправили в Ватикан и правителям Испании Фердинанду и Изабелле послания, в которых обвиняли Хуглара и Арбуэса в излишней ретивости и несправедливости приговоров. Однако никакой реакции на эти письма со стороны папы и властей Испании не последовало, зато Хуглар и Арбуэс, узнав об этих письмах, пришли в ярость и обвинили нескольких весьма уважаемых в городе граждан в тайном исповедовании иудаизма. Их арестовали и подвергли пыткам, после которых были получены все требовавшиеся для дальнейшего следствия признания. Более того, несчастные жертвы Хуглара и Арбуэса дали показания против еще нескольких своих знакомых. Круг преступников разрастался. Росло и число приговоренных к смерти. Вся Сарагоса содрогалась в ужасе от страшных аутодафе и жесточайших казней...

И тогда жители Сарагосы, «новые христиане», те, кто был связан с жертвами Хуглара и Арбуэса родственными, дружескими или деловыми узами, те, кто понимал, что им грозит, если ситуация в городе не изменится, решили убить главных инквизиторов города. Для всякого дела нужен первоначальный капитал — и участники заговора прошлись по домам всех сарагосских марранов и собрали 10 тысяч реалов. По тем временам — сумма весьма внушительная. А вскоре умер Хуглар — по-видимому, он стал первой жертвой заговора: ходили слухи, что его отравили, подсыпав яд в бокал вина.

Избавиться от Арбуэса оказалось сложнее. Итак, собранную сумму — 10 тысяч реалов — передали дону Бласко де Алагону. Ему же было поручено найти нужных людей, способных исполнить смертный приговор инквизитору. Но оказалось, что это не так просто. Благородные испанцы не были приучены к такого рода действиям — они привыкли сражаться со своими врагами открыто, на дуэли, в честных поединках, а в данной ситуации это было невозможно. И тогда за дело взялся арагонский дворянин Хуан де ла Абадиа — он ненавидел инквизитора, ведь тот разорил его родственников, бросил их в застенки. И он создал, по сути, этатскую террористическую группу — в нее входили кроме него самого несколько арагонских дворян со своими слугами, в частности, дон Хуан де Педро Санчес, дон Хуан де Эсперандео и его слуга гасконец Видальд'Урансо. Первое покушение оказалось неудачным, охрана священника быстро справилась с на-

павшими, пытавшимися проникнуть в его спальню. Второе нападение — на улице — тоже окончилось неудачей.

Нужно было придумать что-то еще. Заговорщики тщательно изучали стиль жизни священника, расписание его дня.

Было известно, что Арбуэс практически не бывает один, без своей охраны — и только во время молитвы в церкви, когда его телохранители остаются у дверей (в храм строго запрещалось проносить оружие), он общается с Богом без свидетелей. И было решено, что это — удобный момент, именно в это время и будет совершено на него нападение.

И вот около полуночи с 14 на 15 сентября 1485 года инквизитор вошел в храм. В руках он держал посох, на который опирался, и фонарь, освещавший церковь. Поставив у стены посох, а на пол — фонарь, он преклонил колени и произнес слова молитвы, не подозревая, что его уже ждут проникшие заранее в церковь убийцы. Первый удар нанес дон Хуан де Эсперандео — его шпага попала в левую руку инквизитора. Потрясенный неожиданным нападением, Арбуэс закричал «Помогите!», но в этот момент Видальд'Урансо, целясь в незащищенную от кольчуги шею, сильно ударил шпагой инквизитора, стараясь разом отсечь голову. Арбуэс успел наклониться, поэтому Видальду удалось только нанести сильный удар по голове. (Священник сразу не умер, но эта рана оказалась, как говорили врачи, не совместимой с жизнью. Главный инквизитор Сарагосы Педро де Арбуэс покинул сей бранный мир через два дня, 17 сентября 1485 года.)

Услышав страшный крик инквизитора, его телохранители вбежали в церковь, схватили убийц и бросили их в подземные камеры тюрьмы инквизиции. Наверное, было бы лучше, если бы их убили на месте, — впереди их ждали страшные пытки: «испанский сапог», в котором дробили кости, дыба, бессонные ночи, дни, полные мучений и страданий...

Смерть Арбуэса всколыхнула всю жизнь в Арагоне. Причем реакция была не совсем такой, какой ждали борцы с инквизицией, — народ, который, казалось бы, ненавидел инквизицию и ее воинов, возмутился циничным убийством священника в стенах храма. И как-то все быстро забыли, что этот священник совсем недавно отправлял невинных людей на костер, отбирал имущество, преследовал «ведьм», еретиков, всех, кто имел смелость думать не так, как дозволяла Церковь...

Тем временем инквизиция вела свое следствие. Дабы выяснить истину, всех задержанных участников покушения на Арбуэса безжалостно пытали. Первым «сломался» Видальд'Урансо. Ему пообещали прекратить пытки и помиловать, и он поведал своим мучителям все, что знал о заговоре и заговорщиках. Не скрыл и имя руководителя — Хуана де Педро Санчеса, которому, к счастью, удалось накануне ареста со всей семьей бежать во Францию. 30 июня 1486 года инквизиторы предали символическому сожжению его набитое соломой чучело. Остальных участников заговора, не успевших скрыться от испанского «правосудия», ждали страшные испытания.

К публичной епитимье и пожизненному заключению были приговорены сотни представителей испанской знати городов Сарагоса, Калатаюд, Барбастро, Уэска и Тарасона, среди них — и дон Бласко де Алагон, непосредственно стоявший за убийством Педро де Арбуэса, и главный казначей короля Фердинанда Габриель Санчес, и королевский секретарь дон Луис Гонсалес, и вице-канцлер Арагона дон Альфонсо де ла Кавальерия, и протонотарий Арагона (главный секретарь высшей судебной инстанции) дон Фелипе де Клементе. Многие из осужденных на пожизненное заключение умерли от увечий, полученных во время пыток...

Хуана де Эсперандео и других главных участников убийства Педро де Арбуэса перед казнью привязали к лошадям и протащили по улицам Сарагосы. Перед смертью приговоренным отрубили руки, а потом повесили. Многие умерли еще до того, как их головы просунули в петлю. Затем тела казненных четвертовали и, насадив на кол, выставили на основных дорогах, ведущих в город...

Репрессии в Арагоне продолжались до 1492 года. Они коснулись всех членов семей марранов, «новых христиан», обвиненных в причастности к организации убийства Арбуэса. Вот так жестоко и безжалостно был подавлен заговор в Сарагосе, вот так Великий инквизитор и короли отомстили за смерть Педро де Арбуэса. При этом королю Фердинанду Арагонскому удалось избавиться от всех своих врагов и

укрепить свою власть. Укрепила свою власть и инквизиция во главе с Торквемадой. Правда, он тоже стал появляться на людях, окруженный хорошо вооруженными телохранителями...

Король Фердинанд щедро пожертвовал деньги на похороны сарагосского инквизитора: отпевали его целую неделю, похоронная процессия была торжественной, похороны — пышными.

Спустя почти два века, в 1664 году, Педро де Арбуэс, как «истинный мученик за Веру», был причислен папой Александром VII к лику блаженных, а в 1867 году канонизирован. По случаю его беатификации (причислению к лику блаженных) монахи монастыря Сан-Пабло в Севилье заказали в 1664 году одному из лучших художников Испании Бартоломе Эстебану Мурильо (1617-1682) картину, которая должна была увековечить память о мученической смерти арагонского инквизитора.

Мурильо, последний мастер Золотого века испанской живописи, почти всю свою жизнь провел в Севилье — он тут родился, учился. Его живопись была мягкой и воздушной. Он часто писал на религиозные сюжеты, но любил изображать и жанровые сценки. Его уважали в этом городе, а потому не удивительно, что именно к этому художнику обратились монахи Сан-Пабло с просьбой изобразить на картине трагедию, случившуюся в Сарагосе 6 декабря 1487 года. Художник блестяще справился с этой задачей, несмотря на некоторую театральность композиции. Ночь, монах, возносящий свою молитву Богу, и убийцы, нападающие сзади, из-за спины,

на священника... Мы словно становимся свидетелями той страшной минуты, навсегда оставшейся в истории Испании.

Спустя много лет картина попала в коллекцию Мануэля Годоя. Годой, маркиз Альварес де Фариа, — испанский государственный деятель, фаворит королевы Марии Луизы и ее мужа Карла IV, князь де ла Пас, Князь мира, генералиссимус, в 1792–1798 годах был первым министром Испании и фактически управлял страной до 1808 года. История жизни этого известного авантюриста — настоящий плутовской роман, но это отдельная история.

После всех своих злоключений Годой переехал из Рима в Париж. Несмотря ни на что, ему всегда удавалось окружать себя произведениями искусства, вот и в Париже его дом украшали полотна известных мастеров. Эта коллекция была второй — первую бывший могущественный министр собрал в Мадриде, но потерял в 1808 году, когда бежал из испанской столицы вместе с королевским семейством. В эмиграции ему, ценителю искусства и, несмотря на все его приключения, очень богатому человеку, удалось собрать новую коллекцию. Но когда денег ему, привыкшему жить на широкую ногу, стало не хватать, он решил продать какие-то свои картины и предпринял попытку найти покупателя. Все делалось тайно, через знакомых. Переговоры шли медленно. Предложение через графа Поццо ди Борго, посла России в Испании, было сделано и Российскому императору. Николай I просмотрел предложенный

каталог, выбрал из него 273 произведения и дал приказ министерству финансов об оплате. Но переговоры продолжались, и, в конце концов, представителями русского царя были отобраны только 33 работы, которые прибыли в Петербург осенью 1831 года. Испанских там было четыре, и среди них — картина Мурильо «Убийство инквизитора Педро де Арбуэса». Интересно, что привлекло именно в этой картине российского императора, не так давно, в 1825 году, пережившего восстание декабристов, какие мысли породило это полотно? Может, он думал о том, что лучше для правителя — быть жестоким или милосердным? Как не пробудить в народе ненависть к себе, как оставить после себя хорошую память? И что бывает с теми, кто борется со свободой мысли, кто не признает право человека на свободу вероисповедания, на право думать так, как он считает нужным, — рано или поздно, но возмездие неизбежно ...

Эту картину Мурильо можно и сегодня увидеть в Эрмитаже — к счастью, ее не продали в зарубежные собрания ни в первые годы советской власти, ни в 1930-е, когда лучший музей страны лишился по воле властей многих своих шедевров.

Она по-прежнему — украшение коллекции испанской живописи лучшего музея страны, и по-прежнему напоминает нам о страшной эпохе инквизиции, когда за инакомыслие и веру в то, что не считалось религиозной догмой, можно было легко попасть на костер и сгореть дотла в его пламени... □

Ольга Мигунова

«Мессинг научил меня
всему, что я умею»

Фото из личного архива

Фейерверк эмоций, заряд бодрости и оптимизма — все это про нее, заслуженную артистку России, «ученицу Мессинга» Ольгу Мигунову. Единственная на российской эстраде женщина-гипнотизер, психотерапевт, а еще поэт, художник и предсказательница будущего. Первый канал экранизовал ее автобиографическую книгу «Белый шаман» (так артистку и врача называли жители Чукотки). После общения с ней кажется, что мир вокруг становится чуточку светлее...

— Что в фильме «Ученица Мессинга» от правды, а что от художественного вымысла?

— В целом больше правды. Книгу «Белый шаман» я писала во времена моей 12-летней работы в магаданской филармонии. А когда стали снимать многосерийный фильм, то меняли название на «Ученица Мессинга», но все равно с преобладанием сюжета из «Белого шамана».

— Ольга Петровна, вы стали легендарной личностью во многом благодаря Вольфу Мессин-

гу. А каким он вам запомнился человеком?

— Ну, во-первых, добрым, в чем-то жестким, но справедливым и очень пунктуальным, по нему можно было отслеживать время, он был точен, как часы. А еще любил красиво одеваться для своих выступлений на сцене. И это в те времена, когда трудно было все достать, только из-за рубежа! Когда он выходил на сцену в начищенных лакированных туфлях,

они так блестяли, что притягивали к себе все взгляды. Во-вторых, он меня научил всему, что я умею. В первую очередь, честно работать, будь это площадка колхоза в Сибири или сцена в Кремле, — всегда нужно делать одну и ту же авторскую программу, и сам никогда не сокращал ее. Если даже в раздевалке не могли ему создать условия, чтобы переодеться от одного концерта до другого, он говорил, что это зрителю неважно знать, я должен всегда начинать вовремя, и при этом моя сценическая одежда должна быть «с иголочки».

— Мессинг говорил, что у вас тоже есть дар, но немного другой, не как у него. А в чем это выразилось?

— Когда я задавала вопрос Вольфу, почему он выбрал меня, он мне отвечал: «А разве ты не догадываешься? У тебя бабушка была травница, лечила молитвами, травами, была костоправом». И это действительно так. Любовь к врачеванию, чувство интуиции и предвидения мне привила бабушка. А потом уже развить мои способности помог Мессинг. Когда он скончался, я сделала свою концертную программу, и там уже была немного другая концепция.

— В чем она выражается и чем отличается от работы Мессинга?

— Я сделала более эстрадное представление. У меня зрители — его непосредственные участники. И, ко-

нечно, помог опыт — ведь я у Мессинга участвовала в статическом внушении, в предсказывании каких-то событий. Когда Вольф Мессинг предсказал, что в 56 лет умрет моя сестра... Вы представляете?! Не болела, не выпивала, просто «заснула» в 56 лет. Мама моя ушла из жизни в 86 лет, и я на ее могиле поклялась, что больше никогда не буду предсказывать. Но один раз клятву пришлось нарушить: Татьяне Чердынцевой, которая играет меня в сериале «Ученица Мессинга», я предсказала, что она попадет в аварию, так и случилось.

А еще при жизни Вольф Мессинг предсказал мне, что мы с мужем проживем вместе почти 50 лет. Так и случилось, полгода муж не дожил до нашей «золотой свадьбы». Скончался он полгода назад, 26 числа, в 6 часов вечера. И вот что удивительно: 26-го в половине шестого у меня стали останавливаться часы — вот такая «пророческая» шестерка.

— Вы награждены орденом Дружбы народов за концерты в горячих точках. Было страшно выступать в Афганистане, Чечне?..

— Это награда не только за горячие точки, а в принципе, за все заслуги. Вот сегодня как раз меня снова приглашали поехать с группой актеров в горячие точки, но у меня не очень хорошее состояние, я готовлюсь к операции. После смерти мужа начались проблемы со здоровьем. Да, конечно, в горячих точках тяжело приходится людям. И это такие благодарные зрители, наверное,

самая благодарная зрительская любовь. Конечно, бывает страшно, когда видишь самые настоящие БТРы, всякие разные «машины смерти», но когда видишь, как усталые бойцы отдыхают, смеются, заряжаются энергией — это такое счастье! Приходилось и в госпиталях проводить диагностику, взбодрить раненых. Например, говоришь человеку — «присядь рядом со мной», а он отвечает: «Не могу, потому что во мне железные штыри». Я видела многих таких молодых ребят — кто без руки, кто без ног... Врачи их, можно сказать, по частям собирали. Это, конечно, ужасно!

— Ольга Петровна, вы получили образование в художественном училище и медицинском институте. Знания, полученные в учебе, пригодились в жизни?

— Я очень хотела быть художником, даже проучилась два курса. И уже выступая на эстраде, тоже продолжала учиться. Во всех поездках возила с собой мольберт и рисовала, рисовала...

А когда я работала в магаданской филармонии, пришел приказ Фурцевой, который гласил, что, не имея медицинского образования, я не имею права работать на эстраде. Директор филармонии мне тогда сказал: «Тебя наградить надо за то, что ты столько прибыли принесла, а мы должны вот тебя уволить. Ну, езжай, поступай в медицинский». И меня послали учиться в Москву, где я поступила на вечернее отделение, а вдобавок окончила ВТМИ — это институт

эстрадного искусства. Там я познакомилась с Любовью Полищук, с Евгением Петросяном. Так что днем у меня была эстрада, новая иллюзионная программа с гипнозом, а вечером я шла в мединститут. Вскоре вечернее отделение упразднили, и я перешла на очное обучение. Потом окончила ординатуру, защитила кандидатскую, затем докторскую диссертацию.

— А какая была тема вашей диссертации?

— Гипнотическое внушение, трансовая психотерапия. Я там раскрывала тему, доказывала на конкретных примерах и подкрепляла это своими медицинскими исследованиями, как происходящее научно объясняется.

— Правда ли, что Валентина Толкунова подтолкнула вас вернуться на сцену?

— Да, Валя приехала в гарнизон, в котором я тогда работала, и, когда мы с ней сидели за столом, вдруг говорит: «Ты — лауреат конкурсов, почему ты ушла с эстрады? У тебя должно быть свое шоу!» На следующий день я поехала с дочкой в филармонию и сказала, что снова выхожу на эстраду. Если бы не Валюшка, я бы не решилась, но она была моей близкой подругой и имела влияние на меня. Если бы не она, может быть, я так бы и не вышла больше на эстраду.

— Ольга Петровна, вот вы говорите, что обычная жизнь для

вас — это гастроли, концерты. А как и где вы обычно отдыхаете?

— Я люблю готовить, хотя не провою, как говорится, на кухне полжизни. А еще я воспитала трех приемных детей. У меня взрослые мальчики и дочка, два внука и две внучки. Внучка от дочки, остальные детки — от ребят. Я также пишу стихи, на которые записывают песни, многие Валя Толкунова пела. Пишу книги, рисую.

Люблю проводить время в кругу друзей за кружечкой чая. Люблю плавать, по пять километров до сих пор проплываю. Вообще люблю море, особенно по утрам, когда восходит солнце: я плаваю, подпитываюсь его лучами и пою песни, а потом по шесть часов пишу, и мне кажется, что вся энергия моря мне помогает.

— Вы бываете в родном Благовещенске?

— Давно там не была. В этом году я делаю новую эстрадную программу и хочу проехать по местам Дальнего Востока. А вообще я езжу на родину. Люблю бродить по улицам, потому что у меня папа был начальник управления строительства, заслуженный строитель. И пединститут, и мединститут, и троллейбусный парк — все это построено под руководством моего отца. И, конечно, очень люблю этот город, ведь здесь прошла моя молодость, и меня очень многое связывает с ним.

— А что для вас является главным в вашей работе?

— Это результат лечения. Когда, например, иду в церковь, и мне навстречу бежит ребенок, который долго страдал энурезом. Он был закомплексован, плохо спал, а сегодня проснулся сухим, и его родители счастливы. У меня комок к горлу подходит. Или когда меня в клубе встречают мужчины и женщины, которые с моей помощью скинули лишние килограммы веса. А как родители, мужажены счастливы, когда я «отправляю в жизнь» близкого им человека, который бросил пить. Засыпая за полночь, я вижу лица людей, ожидающих чуда. На моих представлениях они расслабляются от стрессов, они смеются, и ты уходишь со сцены удовлетворенной. Я люблю сцену, люблю пациентов, конечно, для меня важен результат во всем. Этому меня учил мой великий учитель Вольф Мессинг.

— Ольга Петровна, в двух словах, наверное, не получится, но все-таки расскажете кратко, в чем суть кодирования от алкоголя, курения и прочего?

— Прежде всего скажу, что я никого не кодирую без лечения. От курения я просто лечу. Закодировать человека можно, но он будет оставаться таким же. Во-первых, на алкогольное кодирование и вообще на любое лечение должен приходиться человек с верой и с уверенностью в том, что, хотя он пока не справлялся, но сможет избавиться от зависимости. Во-вторых, на такое лечение человек должен идти сознательно. Я не сама это придумала, мой лю-

бимый профессор, читая нам лекции, говорил: алкоголика, если он не созреет, если не захочет лечиться, нужно подготовить. Я алкоголика сразу не кодирую, я его лечу. И жду, чтобы он сознательно сказал: «Я хочу кодироваться только на 3 года, на 5 или 10 лет, или на всю оставшуюся жизнь». Вот тогда будет эффект, будет нужный результат.

— Как вы считаете, можно ли изменить судьбу, в силах ли это сделать человеку?

— Не знаю... Даже когда я говорила Мессингу: «Вольфочка, ты ведь знал, что у меня будет так, почему ты мне не изменил это?» — он отвечал: «Нет, Оля, ты много от меня хочешь. Пойми, я не Бог! Я могу только предсказать, а изменить судьбу — нет». Я считаю, что на все воля Божья.

— Что касается даты смерти или рождения, это тоже все предопределено, как вы считаете?

— Мое мнение такое: когда человек рождается, все уже запланировано. Один падает с восьмого этажа и остается жив, а другой лампочку вкручивал, упал с табуретки и умер. Лично со мной был один случай — я побывала в аварии и пострадала. Водитель такси велел мне не садиться на переднее сиденье, но я его не послушалась и села, даже не пристегнулась. А при обгоне машина столкнулась со встречной лоб в лоб. У меня был разрыв мышцы, связок. Садясь в такси, я просто не подумала о последствиях. Все мы прекрас-

но знаем о том, что нельзя делать, но иногда наши мысли заняты другим, и мы просто перестаем думать о безопасности. А может быть, это и есть те моменты, которые неизбежны.

Сейчас трудное время для нашей страны, но я знаю, что все будет хорошо, и верю в победу. Я бывала во многих странах, куда мне предлагали переехать, но я никогда не уеду из своей страны, как не уехала и раньше. Я очень люблю Россию и наших людей!

— Заканчивая наш разговор, хочется снова вспомнить Мессинга...

— Я делаю новую программу и хочу, чтобы зал встал и аплодировал моему учителю. Потому что учитель мой жив, пока люди о нем помнят.

— Ваши другие желания?

— Самое главное — чтобы все были здоровы, и чтобы везде был мир. Мы ведь связаны со многими и разными странами на Земле, где живут наши друзья и родственники. Например, моя внучка снялась в фильме «Корона» пятого сезона, где она сыграла Анастасию Романову, и ее пригласили в британскую школу искусств. А моя дочка — продюсер в фильме «Легенда 17», который уже получил государственную премию, а также продюсер сериала «Ученица Мессинга». Я хочу, чтобы и мои близкие, и все наши родные соотечественники жили долго и были счастливы. □

Беседовал **Дмитрий Соколов**

«Мой дядя самых честных правил»

С этих самых строк начинается первая глава «Евгения Онегина», замечательного романа в стихах, который все мы читали еще в школе. А ведь у Александра Сергеевича Пушкина, как и у главного героя его романа, тоже был дядя — Василий Львович Пушкин. Между прочим, весьма себе недурственный поэт. В Москве даже есть посвященный ему музей.

Музей дяди Пушкина только что отметил свое десятилетие. А вот старинному деревянному особняку, в котором он расположен, уже больше двухсот лет. Василий Львович Пушкин снимал его у Пелагеи Васильевны Кетчер с 1824 по 1830 годы. Жена владельца завода хирургических инструментов Христофора Кетчера была вполне себе той еще дамочкой на уме: специально выстроила в 1819 году целый особняк в модном тогда стиле классицизма для сдачи внаем.

После страшного разорения французами и пожара первопрестольной в 1812 году Москва активно отстраивалась заново, так что дядя Пушкина снимал вполне себе новехонький, очень симпатичный и уютный домик.

Для придачи ему более солидного вида деревянный сруб обшили досками и покрасили масляной краской, что сделало дом внешне похожим на каменный — маленькая хитрость, к которой тогда прибегали весьма многие.

Во дворе дома госпожи Кетчер, который занимал Василий Львович, разбили сад, в котором, разумеется, нашлось место и столь необходимым для быта хозяйственным постройкам. Парадным входом в деревянный, но изысканно рядившийся под каменный особняк служил тамбур в его юго-западном углу, задняя половина которого отделялась перегородкой и использовалась как чулан. Из тамбура уже можно было

перейти в прихожую с двумя окнами, а из нее гости попадали в залу, занимавшую северо-западную часть дома. В торцевой части комнаты располагались две одинаковые двери, одна из которых вела в буфет. Вторая дверь вела в гостиную с тремя окнами и двумя угловыми печами, из которой также можно было попасть в малую гостиную с камином. Рядом с кухней, естественно, располагалась лакейская, выходившая во внутренний двор.

...я, нижеподписавшийся коллежский асессор — Василий Львов Пушкин — дал сие условие госпоже титулярной советнице Пелагее Васильевне Кетчеровой в том, что нанял у нея для жительства Пушкина деревянной на каменном фундаменте дом со всеми принадлежностями,

бывали министр юстиции и поэт Иван Дмитриев, князя Вяземские, издатель «Московских ведомостей» Петр Шаликов, библиофил Сергей Соболевский, барон Антон Дельвиг, Адам Мицкевич, Николай Карамзин, Константин Батюшков и многие другие. Считается, что Александр Пушкин

как то — большой с антресолями корпус, людской флигель с конюшнею, каретным сараем и погребом, состоящей в Москве Басманной части Змъ квартале по № 238мъ ...

При жизни Василия Львовича Пушкина особняк госпожи Кетчер превратился в популярный литературный салон, один из центров притяжения творческой интеллигенции первой трети позапрошлого столетия: здесь

заглянул в гости к дяде в 1826 году, сразу после окончания своей вынужденной ссылки в Михайловском. Сам же Василий Львович, оставив службу еще на исходе XVIII столетия, полностью посвятил себя с той поры литературному творчеству.

В доме на Старой Басманной улице «парнасский отец» (как называл Александр Сергеевич Пушкин своего дядю) и провел последние и при

этом, надо сказать, в значительной степени счастливые годы своей жизни. Именно Василий Львович ввел своего гениального племянника в мир русской литературы и поэзии, приобщив его к отечественной словесности и культуре, которая стала для Александра Пушкина и призванием, и судьбой. Именно дядя отвез в 1811 году своего подающего большие надежды племянника в столицу, в блистательный Санкт-Петербург, и устроил талантливого смуглого мальчугана в Царскосельский лицей. Так что емкое прозвище «парнасский отец» по отношению к дяде попало просто в «десятку», ну, или в «яблочко» — кому как нравится.

Как это часто и бывает, гениальный ученик намного превзошел своего талантливого учителя, и самым ходом истории было суждено, чтобы Василий Льво-

вич Пушкин, весьма недурственный как поэт и прозаик, навсегда остался в тени своего именитого и прославленного племянника. Позднее творчество Василия Львовича вообще отмечено сильным влиянием его племянника: так, стихотворная повесть «Капитан Храбров» (1829–1830) написана под впечатлением от «Евгения Онегина» и «Графа Нулина». Но, между прочим, именно дядя Пушкина благодаря своим организаторским и литературным способностям был старостой литературного общества «Арзамас», дав путевку в мир прозы и поэзии многим

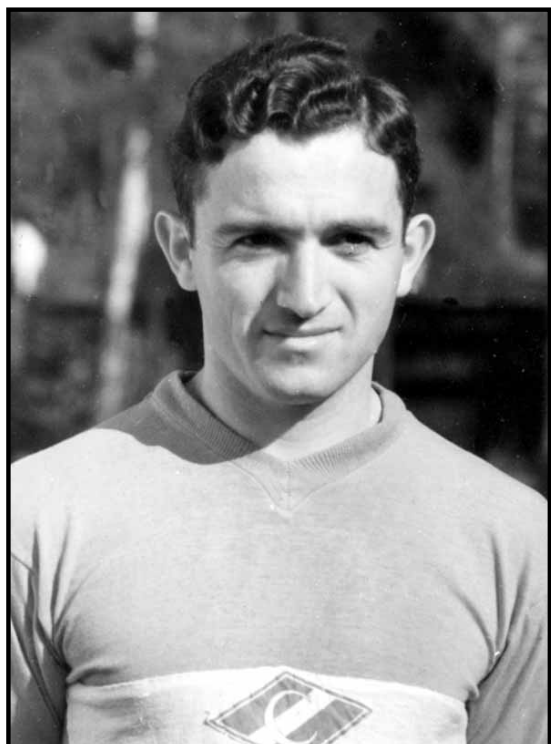

именитым деятелям отечественной культуры, включая самого Пушкина, который, как хорошо известно, не только «солнце русской поэзии», но и наше все и вся.

Естественно, что за более чем два века своего существования дом на Старой Басманной, который когда-то занимал дядя поэта, перестраивался, причем не столько внешне, сколько изнутри. В советское время многие десятилетия в нем так и во все были коммунальные квартиры. Поэтому открытию музея Василия Львовича Пушкина в 2013 году (торжество приурочили ко дню рождения его прославленного племянника — 6 июня) предшествовали годы кропотливой и напряженной работы, тем более что ввиду отсутствия архивных документов восстановить подлинное расположение интерьеров, су-

ществовавших при Василии Львовиче, попросту не представляется возможным. Зато научным и музейным сотрудникам удалось воссоздать в доме дяди поэта типичную обстановку дворянского дома начала XIX века. Причем, сделано это было, прямо скажем, блестяще.

P.S. Кстати, у госпожи Кетчер был сын Николай, который стал не только врачом, но и писателем-переводчиком, сотрудничавшим с журналом «Отечественные записки» и участником кружка Виссариона Белинского. Именно в его честь уже в советское время, в столичном районе Вешняки была образована Кетчерская улица: название было перенесено с ранее существовавших, но подвергшихся застройке в ходе реконструкции окраинного района 1-го и 2-го Кетчерских проездов. □

Денис Логинов

Самый эффективный тренер советского «Спартак»

*Никита Симонян — нападающий
«Спартак» в середине века XX-го*

Фото из архива ФК «Спартак»

Это как раз тот случай, когда, представляя его, не нужно перечислять звания или должности. Достаточно произнести — Никита Симонян, и любой человек, имеющий отношение к спорту, встанет и «снимет шляпу».

Никита Павлович Симонян родился 12 октября 1926 года в городе Армавир Краснодарского края.

Успешнейший нападающий «Спартак» — с 1949-го по 1959 годы — участвовал в 213 матчах, в которых забил 133 гола. В 1962 и в 1969 годах стал чемпионом СССР и в 1963, 1965 и 1971 годах — обладателем Кубка СССР.

Футболист, который в первом же сезоне (1949 г.) вколотил 31 мяч в во-

рота соперников, а в 1950 году — 39, что и ныне является рекордом клуба «Спартак».

С 1954 по 1958 годы провел в составе сборной СССР двадцать матчей и забил в них 10 голов.

Единственный футболист «Спартак», а может быть, и сборной СССР, который в своем первом матче за сборную страны забил два гола. 8 сентября 1954 года в Москве на

стадионе «Динамо» в присутствии 54 тысяч болельщиков состоялась товарищеская встреча сборных СССР и Швеции, на которой спартаковцы вовсю «порезвились». Сначала на шестой минуте с подачи Анатолия Ильина Никита Симонян забил первый гол, двумя минутами позже последовала «ответная любезность» — уже с подачи Симоняна Ильин забил второй. На 63-й минуте Сергей Сальников забивает пятый мяч, на 70-й Симонян после прорыва Бориса Татушина забивает 6-й, а на 83-й Сальников, опять же с помощью Татушина, ставит победную точку (7:0). И пять мячей — спартаковские.

Всего же Симонян 285 раз выходил на поле и забил 160 голов. Рекордсмен по количеству забитых мячей, и пока никто близко к этому рекорду подползти не может.

Восемь раз он входил в число 33 лучших футболистов года: под №1 (1949, 1953), под №2 (1950, 1956, 1957, 1958) и под №3 (1951, 1952). Член Клуба Григория Федотова (183 гола).

И ... самый эффективный тренер советского «Спартака». Да, именно он самый эффективный.

За годы работы Никиты Павловича Симоняна тренером (январь 1960 — декабрь 1965, август 1967 — декабрь 1972 гг.) команда провела 434 матча, из них выиграла 209, провела 123 ничьи и уступила 102 матча. За эти же годы она стала два-

жды чемпионом СССР (в 1962 и в 1969 годах), победителем Кубка Советского Союза (в 1963, 1965 и 1971 годах), в 1963-м и в 1968-м завоевывала серебряные медали, в 1970-м стала бронзовым призером.

Никита Симонян — заслуженный мастер спорта (1954), заслуженный тренер РСФСР, заслуженный тренер СССР. Является кавалером орденов: Трудового Красного Знамени, «Знак Почета», Дружбы народов, «За заслуги перед Отечеством» III и IV степени. Трижды получал благодарности президентов России. Награжден Олимпийским орденом МОК, орденом ФИФА; заслуженный работник физической культуры Российской Федерации, а также кавалер двух орденов «За заслуги перед Отечеством» I степени Армении.

И это далеко не все. Никита Павлович — один из самых ярких выразителей спартаковского духа, эталон высочайшей нравственности и культуры.

В подтверждение этому несколько конкретных примеров. Чем еще как не «товариществом» и высокой нравственностью можно объяснить ситуацию, в которой оказался Леонид Трахтенберг — нынешний мэтр отечественной спортивной журналистики, подтвердив мне еще раз справедливость написанного много лет назад.

«Я застал времена, когда «Спартак» действительно был «народной

командой». Скромный заборчик вокруг базы в Тарасовке, калитка не запиралась. Люди на работу шли через базу, из уважения огибая футбольное поле.

Вот вам история, которая могла произойти только в «Спартаке». Юнкором (юным корреспондентом) приезжаю в Тарасовку на интервью. Задержался, стемнело... Попадаю на глаза Симоняну, главному тренеру. Тот нахмурился: «Ты где живешь?» «В Люберцах». «Поздно! Как добираться-то собираешься? Дома есть телефон?» «Нет, — отвечаю, — есть у соседей». «Звони соседям, мы тебя оставляем!»

Жили футболисты по четыре человека в комнате, а Рейнгольд, Логофет и Рожков — втроем. К ним и принесли раскладушку. Утром накормили завтраком и отправили на электричку»...

И еще один пример в подтверждение ранее сказанного.

Привожу полностью, чем поделился со мной Никита Павлович во время нашей первой встречи в ноябре 2019 года.

«В 1956 году сборная СССР по футболу стала олимпийским чемпионом. Золотые медали были вручены только 11 футболистам — участникам финального матча. Таковы были правила. И даже если один футболист сыграл во всех матчах Олимпийских игр, кроме финального, он не получал этой награды. С другой стороны, если игрок уча-

ствовал в единственном матче, но в финальном, он получал медаль Олимпиады. Конечно, это было несправедливо. Поэтому я чувствовал себя очень неудобно, поскольку Эдуард Стрельцов, сыгравший 4 матча на этой Олимпиаде, то есть больше, чем я, остался без награды.

В тот же день после вручения медалей я подошел к нему в раздевалке и сказал: «Эдик, ты на Олимпиаде сыграл больше матчей, чем я, поэтому это твоя медаль, и я прошу ее принять». Эдуард ответил: «Не говори ерунды, ты заслуживаешь ее не меньше, чем я. Не хочу ни о чем слушать».

Через два дня, когда мы уже плыли домой, поскольку мне все равно было очень неловко, я снова к нему подошел и снова предложил ему взять медаль. Эдик рассердился и сказал: «Палыч, если еще раз подойдешь с этим, я перестану с тобой разговаривать. Тебе тридцать лет, а мне девятнадцать, у меня еще будут впереди Олимпиады, мне еще играть и играть...» Но я, тем не менее, многие годы не мог избавиться от этого чувства несправедливости».

И Никита Павлович нашел выход, будучи уже первым вице-президентом Российского футбольного союза (РФС).

«В 2005 году мы заказали на Монетном дворе копии золотых медалей Олимпиады в Мельбурне (1956 г). ФИФА был не против. И на стадионе «Динамо» во время большого

детского турнира пригласили всех участников этого матча, их родственников, детей, внуков, пригласили и привезли из Ростова-на-Дону бывшего полузащитника сборной Йозефа Йозефовича Бецу (ЦСК МО). Ветеранам и их семьям оказали материальную помощь. Доставили туда большой подиум с базы «ЦСКА» в Ватутинках, и президент Российского футбольного союза Виталий Леонтьевич Мутко вручил медали всем участникам команды, не получившим их в Мельбурне. В том числе — сыну Эдуарда Анатольевича Стрельцова. Получился большой праздник.

Когда все награжденные встали на подиум, кто-то пошутил: «Не упадем ли», имея в виду свой возраст, на что Александр Багратович Мирзоян, президент Союза ветеранов футбола, ответил: «Нет, успеем сфотографироваться».

Причем, когда Никита Павлович заговорил об оплате с Генеральным директором Монетного двора Алексеем Борисовичем Богородским, тот категорически ответил: «Никита Павлович, никакой оплаты, это подарок Монетного двора».

В 2010 году аналогичным образом вручили золотые медали первого чемпионата Европы по футболу в 1960 году во Франции.

А во время ветеранского турнира и турнира команд детских домов в 2018 году вручили бронзовые медали участникам чемпионата мира

в 1966 году в Англии, которые по этой же причине не получили награды».

И это все — идея и заслуга Никиты Павловича.

Отвечая на мой вопрос: «Никита Павлович, у вас успешная и, на первый взгляд, безоблачная судьба, но можете рассказать про неприятные моменты или причиненные обиды на футбольном поприще?» — он немного подумал и вспомнил эпизод, как через шестьдесят лет после Олимпиады в Мельбурне один ветеран «Спартак», игравший в те годы в составе сборной, вдруг поведал миру о том, что Никита Симонян попал в основной состав финального матча на Олимпиаде в 1956 году по приказу из Москвы, то бишь по блату. Дескать, накануне финальной игры член Политбюро ЦК КПСС, первый заместитель председателя Правительства СССР Анастас Иванович Микоян, который в 1935 году помогал в утверждении общества «Спартак», вдруг позвонил Алексею Николаевичу Косыгину — заместителю председателя Правительства СССР с поручением-просьбой: в финальной игре обязательно должен сыграть армянин, Никита Симонян. И якобы А.Н. Косыгин позвонил Н.Н. Романову, председателю Комитета по физической культуре и спорту СССР, а тот, в свою очередь, старшему тренеру Гавриилу Дмитриевичу Качалину, чтобы Симонян вышел на поле в финале.

(Рассказывая мне об этом, Никита Павлович не мог скрыть обиды, но не стал называть фамилию своего многолетнего, как он считал, «товарища». И я тоже не буду это делать.)

Сложно предположить, что двигало ветераном — неудовлетворенное тщеславие или зависть, или ему просто так показалось, и он в это и поверил. С памятью в зрелом возрасте бывает такое...

Нелепица полная, хотя бы потому, что в 1956 году высшим руководителям страны было не до этого. Напомню, что 25 февраля на XX съезде КПСС Н.С. Хрущев «поставил на уши» всех партийных и государственных чиновников разоблачением культа личности В.И. Сталина. Естественно, не всем членам Политбюро это понравилось, и больше года шла борьба, останется ли Хрущев во главе страны. И только в июне 1957 года заступничество министра обороны СССР маршала Победы Г.К. Жукова спасло Хрущева от снятия с работы. Поэтому в высших эшелонах власти было не до футбола и Никиты Симоняна. Это во-первых. Во-вторых, никогда бы Алексей Николаевич Косыгин, талантливейший и умнейший организатор, интеллект которого превышал интеллектуальные способности всех высших руководителей страны вместе взятых, ввязался бы в эту историю. Он за все годы работы не вступил ни в одну «подковерную грязь». Об этом мне

рассказывали люди, много лет с ним работавшие. И зачем было Анастасу Ивановичу Микояну, в полном смысле легендарному партийному и государственному руководителю с более чем пятидесятилетним стажем, про которого шутили: «от Ильича до Ильича — без инфаркта и паралича» (имея в виду годы работы со времен Владимира Ильича Ленина и до времен Леонида Ильича Брежнева), «подставляться» своему подчиненному? Да и как это можно было сделать быстро накануне финала? Советская делегация в Австралии, а Австралия очень далеко. Звонить по столь щепетильному поводу можно было только по закрытой системе связи в посольство. Посему помощнику Косыгина надо бы было согласовывать с посольством время, когда Романов или Качалин должны оказаться у телефонной трубки в ожидании «высокого» звонка. Не включать же в эту цепь лишние «посольские уши».

Я уж не говорю о том, что не нашелся бы ни один человек, который накануне финального матча смог бы потребовать от Гавриила Дмитриевича Качалина кого-то заменить, исходя из прихоти требовавшего.

И, наконец, последнее. Откуда это стало известно? Шестьдесят лет все молчали, а тут вдруг вспомнили накануне 90-летия Никиты Павловича. Неужто кто-то из участников этих диалогов проговорился через шестьдесят лет с того света? Нелепица, ничем не подтвержденная. Одна-

ко прокатило, Интернет откликнулся, и вполне объяснимо, что создатели художественного фильма об Эдуарде Стрельцове не могли не воспользоваться этим «подарком судьбы», и эпизод со звонком подали мастерски. Еще бы, такая отличная заманка для возбуждения зрительского интереса. В художественном фильме авторы имеют право на вымысел и вовсе не обязаны следовать букве истории. У них другая задача — заработать денежку, рассказывая о гениальном футболисте XX века. И они сделали добротную картину, которую увидели многие, а молодые зрители узнали о судьбе гениального футболиста Эдуарда Анатольевича Стрельцова, немного счастливой и в полной мере трагической и короткой. Он ушел из жизни в возрасте 53-х лет.

Ну а по поводу чувств конкретного человека, про которого сказали неправду, исходили, вероятно, из поговорки про лес, дрова и щепки, которые летят, когда тот самый лес рубят, то бишь, когда делают кино. Тому в нашей истории примеров множество. Но, скорее всего, они просто не знали правду.

А ведь в жизни все было гораздо проще. Эдуард Стрельцов играл в связке с Валентином Ивановым, его одноклубником-торпедовцем. Но Иванов получил травму, поэтому в финале на поле вышли спартаковцы Никита Симонян и Анатолий Исаев (еще раз напомню, что, по офици-

альной статистике, с подачи Анатолия Исаева победный гол забил Анатолий Ильин, который головой достал мяч уже в воротах югославам).

Немного о другом, не только о спартаковском, но все равно о спартаковском.

В 1972 году «Спартак» со старшим тренером Никитой Симоняном в финале Кубка СССР уступил московскому «Торпедо» со счетом 1:5 по пенальти, а в чемпионате еще хуже — занял 11-е место.

Явный неуспех, хотя и объяснимый — большая смена составов, в команду пришло очень много молодых игроков, которые не успели «опериться».

Но этот неуспех, наверное, был нужен, чтобы Никита Павлович Симонян ушел из «Спартака» и получил приглашение от ереванского «Арарата» возглавить команду. И «порулить».

Казалось бы — спорное решение, ведь «Арарат» в 1972 году занял 4-е место, а «Спартак» оказался на 11-м. Видимо, в Армении вовремя вспомнили поговорку: «не место красит человека, а человек место», и, видимо, в судьбе Никиты Симоняна так было заложено. Просто он должен был подарить... национальный праздник армянскому народу, сам того не ведая. Или ведая?

Возглавил и «порулил». И сотворил. Сотворил «золотой дубль»: в 1973 году ереванский «Арарат»

выиграл Кубок СССР и стал чемпионом страны. До него это удалось лишь четырем московским командам: «Спартак», «Динамо», «Торпедо», «ЦСКА» и киевскому «Динамо». В играх чемпионата и Кубка «Арарат» провел 39 матчей (30 — в первенстве СССР, 9 — в Кубке). Итог тоже был впечатляющим: 26 побед, 7 ничьих, 6 поражений, при общей разнице забитых и пропущенных мячей 64–29.

10 октября 1973 года в Москве на Центральном стадионе имени В.И. Ленина в присутствии 60 тысяч зрителей «Арарат» со счетом 2:1 выиграл у киевского «Динамо» в дополнительное время. До предпоследней минуты основного времени динамовцы вели в счете (1:0), но за 80 секунд до конца игры Левон Иштоян сравнял счет.

Когда команды пошли на перерыв, Никита Павлович произнес свою фразу, вошедшую в анналы истории: «Вы, по сути, уже выиграли игру. Вы чувствуете, вы ее уже выиграли!»

И команда поверила — в дополнительное время тот же Левон Иштоян забил решающий гол (2:1).

А 28 октября в Ереване на переполненном 50 тысячном стадионе «Раздан» состоялась игра «Арарата» с ленинградским «Зенитом». Но лучше всего об этом поведал сам Никита Павлович в своей книге:

«И вот последняя встреча с «Зенитом». Ведем игру с переменным

успехом. Забитые голы зенитовцы сквитывают. Правда, судьбу чемпионата решал не один этот матч. Главный наш соперник, московское «Динамо», в это же время играет в Ростове. Волнуюсь, как там? Минут за двадцать до конца игры ко мне подбегает один из работников стадиона сообщить, что динамовцы проиграли ростовскому «СКА». Теперь, независимо от результата борьбы с зенитовцами, мы — чемпионы. Я попросил никому об этом не говорить, не хотел, чтобы весть долетела до игроков прежде, чем кончится матч. Кто-то ведь мог крикнуть команде: «Все, вы чемпионы!» — и эйфория помешает ребятам довести игру до конца достойно. Хорошо, если и сейчас они покажут, что их успех отнюдь не случаен. И «Арарат» выиграл со счетом 3:2. Стадион буквально взорвался. Я, признаться, не видел прежде такого проявления чувств. Высыпали на поле болельщики, народные ансамбли, загремела музыка, пошли танцы. Улицы запружены народом. Гуляли, пели, наверное, до четырех утра. Футболистов, не преувеличиваю, готовы были принять в каждом доме, все двери для них распахнулись. На тротуарах появились мангалы, поплыл запах шашлыков. Люди выносили из домов кувшины с вином, не жалея ради такого случая запасов. Выражали свои восторги самым разнообразным способом — ездили, сигналив, на машинах, пели песни...

Я все время попадал в чьи-то объятия. Болели плечи от похлопываний, кому-то достался рукав моего плаща. Другим удалось увести меня к себе. Долго сидели в тесном кругу. От пережитой радости и оттого, что делили ее с тобой тысячи и тысячи людей, нельзя было не расчувствоваться. Вспомнил отца, взгрустнулось. Много бы отдал за то, чтобы он дожил до этого дня. Он всегда мечтал, чтобы я что-то сделал для своего народа...»

В феврале 1974 года в журнале «Смена» был опубликован большой материал «Второй дубль Никиты Симоняна».

Материал несколько необычный для тех «материалистических» времен, поскольку Георгий Кружков, корреспондент журнала, в беседе с Никитой Симоняном затронул очень не популярную тогда тему — «родство душ». И, как говорится, «попал в десятку». В «десятку», потому что Никита Симонян дал честные и очень важные для читателей и болельщиков «Спартака» ответы. Но лучше привести фрагмент из этой публикации.

«Симонян мягок, терпелив, интеллигентен. Никогда не повысит голоса. С ребятами говорит спокойно, попросту, не свысока, а как друг, как старший товарищ. Ровен со всеми — противник всяческих «группировок». А футболисты «Арарата» удивительно чутко, очень тон-

ко чувствуют такое душевное отношение...

Минувшим летом у Симоняна произошло в семье несчастье, и на матч в Ростов с местным «СКА» команда поехала без него. В раздевалке перед выходом на поле капитан команды Оганес Заназанян сказал:

— Ребята, мы просто обязаны сегодня выиграть. Понимаете, обязаны. Иначе как мы сможем посмотреть в глаза Никите Павловичу?!

«Арарат» победил в том матче 2:0, и один из мячей забил Оганез Заназанян.

Но когда я попытался заговорить с Симоняном о «родстве душ», о том, что он нашел в Ереване команду «души своей», он возразил:

— Душа моя, наверное, так и останется в «Спартаке», которому я отдал четверть века...»

Это было сказано в 1974 году...

А 1 апреля 2021 года в музее «Спартака» состоялся праздник. Никита Павлович Симонян лично открыл экспозицию своих наград, переданных музеем, словами: «Жизнь — она ведь не вечная. Осенью мне исполнится 95 лет. Но «Спартак» был, есть и останется в моем сердце до конца моей жизни».

Когда же коллеги и болельщики пожелали Никите Павловичу отметить свое 100-летие в таком же здравии, как и сейчас, Никита Павлович с присущим ему юмором ответил: «Вы знаете, я советский чело-

Никита Павлович Симонян на открытии своей витрины в музее «Спартака». Слева — директор музея Алексей Матвеев

век, а Советский Союз жил пятилетками (пятилетние планы развития страны). Поэтому давайте я сначала закончу пятилетку в 2021 году, когда мне исполнится 95 лет, а потом уже будем говорить о следующей пятилетке».

На столе у Никиты Павловича лежат свежие письма, на которые он обязательно отвечает.

«Уважаемый Никита Павлович, меня зовут Матвей. Мне семь лет. Я бы хотел сделать своему дедушке Вове подарок к Новому году. Он очень любит футбол, но из-за того, что мы живем в деревне, смотрит он его только по телевизору. И не пропускает ни одного матча. И я смотрю вместе с ним. Если вам не затруднительно, то

подпишите, пожалуйста, эти фотографии для моего дедушки Дмитриева Владимира Петровича. Ему будет очень приятно. Спасибо вам за то, что вы делаете. Желаю хорошего здоровья, счастья и много радости».

В конверте лежали две фотографии Никиты Симоняна, которые он, конечно, подписал и отослал Матвею. А рядом — письма от 14-летнего подростка из Омска, от мальчишки из Брянска...

Под конец нашей встречи я спросил:

— Никита Павлович, вы и нынче, в мае 2023 года, являетесь Первым вице-президентом Российского футбольного союза. И каждый день ходите на работу?

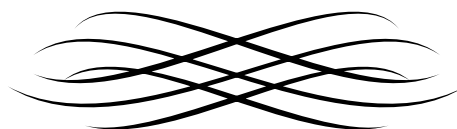
— Конечно, работа есть работа. □

Виктор Елисеев

Русская Сафо

Лауреат Нобелевской премии, известный русский писатель И.А. Бунин писал: «Я происхожу из старого дворянского рода, давшего России немало видных деятелей как на поприще государственном, так и в области искусства, где особенно известны два поэта начала прошлого века: Анна Бунина и Василий Жуковский». Это именно та Бунина, которой современники посвящали стихи и которую называли «Русской Сафо — в память о прославленной греческой поэтессе

Анна Петровна происходила из старинного дворянского рода и родилась 18 января (по новому стилю — авт.) 1774 года в селе Урусово Рязского уезда Рязанской губернии. Девочке шел второй год, когда умерла мать. Воспитанием ее занялись родственники. Уже в тринадцать лет она начала писать стихи. А первое прозаическое произведение «Любовь» появилось в журнале «Иппокрена, или Утехи любословия» только в 1799 году. До двадцати семи лет она почти безвыездно жила в деревне. В 1801 году умер отец, и Анна Пе-

тровна получила солидное наследство, что давало ей независимое положение и позволило переехать в Москву, к сестре Марии Петровне, которая была замужем за П.Н. Семеновым — отцом известного русского географа, путешественника, академика Семенова-Тян-Шанского. Петр Николаевич, по словам Анны Петровны, стал для нее «нежным» отцом, действующей пружиной ее «спасения». По просьбе Анны он отвез ее в 1802 году в Санкт-Петербург, и, там, против воли родственников, она осталась одна, что

по тем временам было весьма необычно. Но девушка не теряла даром время. С настойчивостью и упорством она занялась изучением с помощью учителей иностранных языков: немецкого, французского и английского, а также отечественной словесности, которой ее обучал П.И. Соколов, будущий секретарь академии.

Когда был потрачен весь капитал на учителей, Анна оказалась в безвыходном положении. И здесь ей помог брат Иван Петрович Бунин, моряк, вернувшийся из плавания. Он познакомил ее с некоторыми петербургскими литераторами, и вскоре Анна Петровна завоевала себе видное положение в литературном мире столицы. Позднее она на своей книге «Неопытная муза» напишет: «Лири спасла меня от потопления».

В эти годы она занималась и теорией стиха. В 1808 году из-под ее пера вышел перевод с французского «Правил поэзии» аббата Ш. Батте «с присовокуплением российского стопосложения», а следом перевод четырех песен (русский текст вместе с подлинником). Позднее «Дамский журнал» оценит этот перевод как «точный и исполненный красот». Критика отмечала, что перевод Буниной значительно выше, чем аналогичные переводы графа Д.И. Хвостова.

В 1809 году в Петербурге был нарасхват сборник стихов «Неопытная муза» в двух частях. Это был звездный час Анны Петровны. Критика и поэты, словно сговорившись, высо-

ко оценили сборник. Критика писала, что поэтесса имеет «необыкновенный дар изображать состояние души своей», а в ее баснях можно проследить «непринужденную и благородную шутливость».

К тому времени она была уже близко знакома с известными российскими литераторами — с Г.Р. Державиным, И.И. Дмитриевым, А.С. Шишковым, И.А. Крыловым, начали издаваться книги с ее стихами и сочинениями в прозе. Книги Буниной быстро раскупались, что позволяло ей вести подобающий дворянке образ жизни. Высоко была оценена повесть в трех песнях «Падение Фаэтона», написанная на сюжет «Метаморфоз» Овидия. Жена императора Александра I Елизавета Алексеевна, ознакомившись с ней, пожаловала поэтессу Золотой лирой, осыпанной бриллиантами. И собратья по перу с теплотой отнеслись к этому произведению, Крылов даже читал его на торжественном собрании, а критика сравнивала эти песни со стихами древнегреческой поэтессы Сапфо и писала, что поэзия у Буниной «страстная, пламенная, величественная», и у обеих поэтесс прослеживается «необыкновенный дар изображать состояние души своей».

Императорская Российская Академия наградила ее денежным призом. Хотя она и не принадлежала к числу академических почетных членов, но благодаря удивительному дарованию ее портрет повесили в зале собраний академии, украшен-

ной портретами Гнедича, Карамзина, Дмитриева и других российских литераторов.

В 1812 году в пределы России вторгся со своей армией Наполеон. Анна Петровна жалела, что родилась не мужчиной. Но у нее было другое оружие — поэзия. И она написала стихотворение «На истребление французов, нагло в сердце России вторгнувшихся»:

*О, росс! ликуй, — твоя победа!
Ликуй и пой: попрали врагов!
Нет буйству их отныне следа!
Из их поверженных рядов
Твоя изникла прочна слава!
Ты змия сокрушил стоглава,
Стоока Аргуса сразил;
Очистил землю от разбоев,
И свету указав героев,
В нем мир погибший водворил.*

Произведение было послано М.И. Кутузову, и Михаил Илларионович хлопотал перед императором Александром I о назначении ей пенсии. Просьбу полководца тот уважил. А сама Анна Петровна в письме Кутузову от 17 февраля 1813 года благодарил его за пенсию, благодаря которой он устроил ее судьбу на «целый век». К несчастью, это была ее последняя радость. У поэтессы неожиданно обнаружили рак груди и, по словам Ивана Бунина, «...вся ее остальная жизнь превратилась в непрерывную цепь страданий...»

29 июля 1815 года Анна Петровна отплыла из Кронштадта в Англию для лечения. За границей она завя-

зала знакомства с лучшими умами того времени. Ее письма родным и друзьям читались с большим интересом и, можно сказать, «ходили по рукам». А.С. Шишков 6 мая 1816 года писал ей: «С удовольствием читаю ваши письма, не только к себе, но и к другим». Эти письма современники сравнивали со знаменитыми «Письмами русского путешественника» Н.М. Карамзина.

Только в 1817 году Анна Петровна возвратилась в Россию, болезнь, увы, оказалась неизлечимой. Стихов она больше почти не писала.

В 1819–1821 годах Императорская Российская Академия издала три тома «Собрания стихотворений Анны Буниной». Этим изданием Анна Петровна как бы подводила итог своему поэтическому творчеству.

Материально она жила трудно, но жалости к себе не выносила. Не прельщали Анну Петровну и похвалы ее таланту и учености. Она писала: «Мадригалы нравятся женщинам легкомысленным. Та, которая привыкла рассуждать, желает только, чтобы с нею достойно обходились». Все свои записи она делала в специальный альбом, который потом оказался в семье Натальи Петровны Грот, урожденной Семеновой (родная сестра П.П. Семенова-Тян-Шанского). Она отдала его П.И. Бартеневу, и Петр Иванович в 1902 году в своем журнале «Русский архив» опубликовал этот альбом поэтессы.

В 1823 году Анна Петровна поселилась у двоюродного племянника,

бывшего моряка-офицера Дмитрия Максимовича Бунина в селе Денисовке. Последние шесть лет жизни она провела в больших страданиях. Не помогали ни лучшие врачи, ни кавказские минеральные воды. Стоит только удивляться мужеству этой женщины. Страдая от невыносимой боли, Анна Петровна находила в себе силы работать — трудилась над переводом «Нравственных и философских бесед» шотландского писателя и проповедника Г. Блера (по другим данным — Блэр). Этот труд она начала переводить еще в кавказском Горячеводске и посвятила его российскому юношеству. Один экземпляр перевода направила в Российскую академию наук, а второй подарила внуку сестры, «любезному внуку и крестнику Петрушеньке Семенову, в чаянии его достославной возмужалости». Будущему ученому с мировым именем П.П. Семенову было тогда чуть больше двух лет. Анна Петровна словно чувствовала, что у ее любимого крестника великое будущее, и он прославит Россию.

4 декабря 1827 года Бунина напишет Дмитрию Максимовичу, что передает ему свое завещание, отрывки из которого были им опубликованы чуть позже, в 1831 году во втором номере «Дамского журнала». В письме Анна Петровна отмечала, что ее отличали «чрезмерная нежность сердца, пылкие страсти, мечтательное воображение и постоянство в избранных путях», и она всегда старалась чтить «благое семя

правоты и чести», которое было «насаждено в ее сердце...» В письме также говорилось, что ею оставлены «тайные записки», но судьба этих записок до сих пор неизвестна. Зато сохранился портрет Анны Петровны работы А.Г. Варнека, который находится в Эрмитаже.

Умерла А.П. Бунина 4 декабря 1829 года в Денисовке. Памятник на ее могиле в Урусово чуть позже будет установлен П.П. Семеновым-Тянь-Шанским и ее племянницей Надеждой Ивановной Буниной.

К сожалению, не столько время, сколько люди не сохранили память об одной из первых русских поэтесс. А ведь как только ее не называли современники: Десятая Муза, Сапфо (Сафо), Северная Коринна — в честь романтической героини романа мадам де Сталь «Коринна, или Италия». Известный поэт Константин Батюшков писал, что стихи ее «прекрасны, а описание сельского жителя вообще прелестно...» Да и стихи, по его мнению, «...текут сами собой, картина в целом выдержана, и краски живы и нежны». И друг А.С. Пушкина В.К. Кюхельбекер тоже тепло отзывался о стихах Анны Петровны, говоря, что они «...стесняют душу, исполняют ее жалости и содрогания и противу воли извлекают слезы». При этом он восклицал: «...какая сильная, живая поэзия!» А известный писатель и историк Н.М. Карамзин в «Дамском журнале» за 1831 год метко заметил, что «Ни одна женщина не писала у нас так сильно, как А.П. Бунина»... □

Елена Мозжухина

ЛЕТНЯЯ НОЧЬ

Уронила косы в клевера!
Рассмеялась волнами речными!
Усыпила шумные ветра
И пошла тропинками лесными.

Укачала тихую звезду,
Родники накрыла лопухами
И теперь, как будто бы по льду,
Заскользила светлыми лучами.

Распустила запахи тайги,
Принакрылась тонким покрывалом,
Паутины, шорохи и мхи
Не спеша росую вышивала...

Сильным даются сильные
Испытания, боль.
Сильные как посыльные,
Вечного мира соль.

Выдюжат одиночество
Горькое, как полынь.
Памяти цепи прочные,
Только попробуй, скинь.

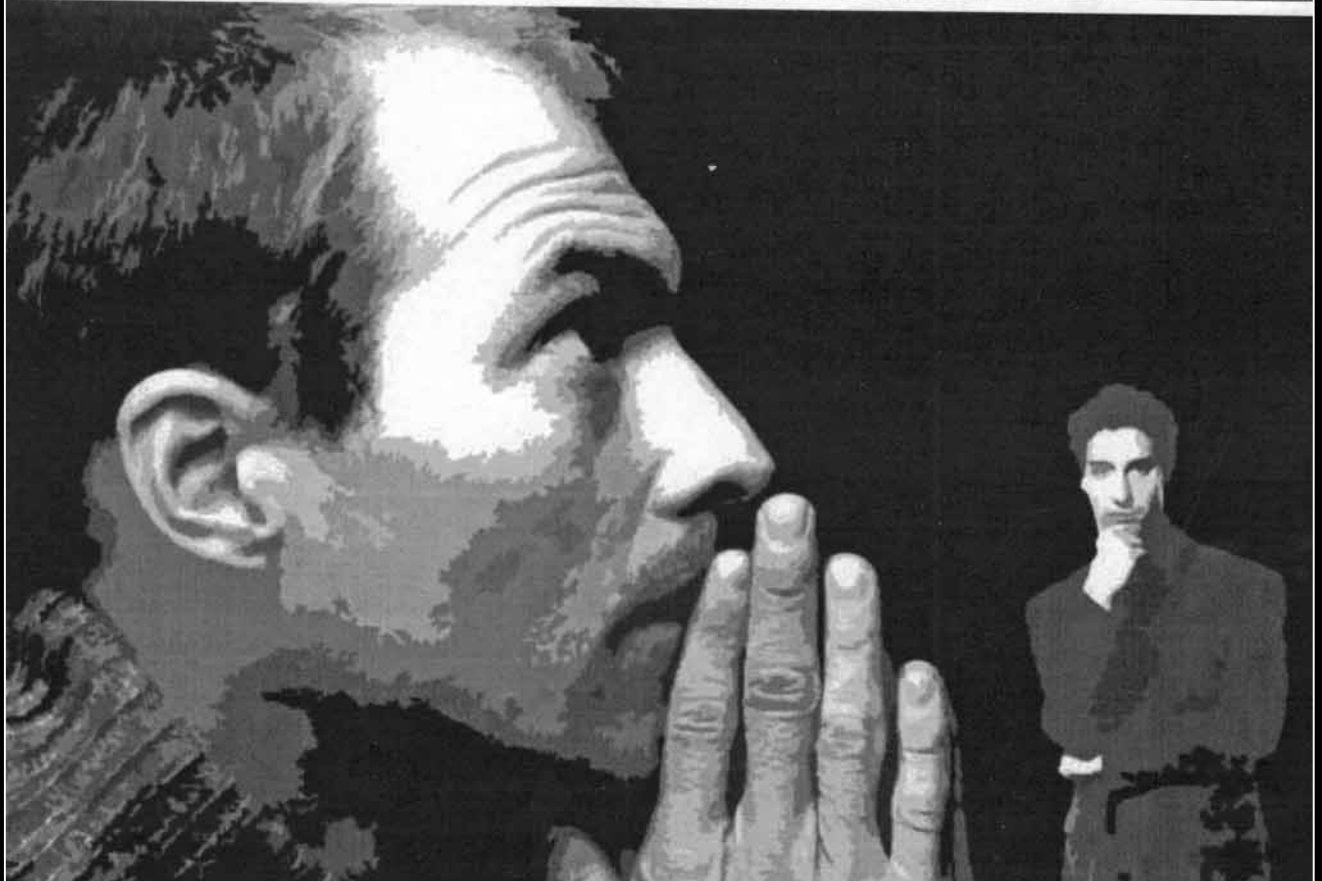
Сильным даются длинные
Ночи, где нету сна.
Зори единой линией,
Стерпится все сполна.

Стану и я двужильною,
Плечи расправлю вновь.
Сильным даются сильные
Вера, надежда, любовь.

Соленый пот мне жжет глаза.
Но нет, не смей про отдых думать.
Ползет гремучая гроза,
Тайга становится угрюмой.
А мы зароды ставим в ряд,
А нам — чуть-чуть совсем осталось.
Крестьянский труд — заградотряд,
За ним унынье и усталость.
Дружней навалимся, смелей,
Грозу опередим. Ни звука.
Перед дождем пот — солоней.
Преодолеть себя — наука...

ПИРОГИ ИЗ КАЛИНЫ

Пироги из калины в пору вьюги и стужи
Мама в праздник пекла нам, от счастья светясь.
И у печки — тепло, а за окнами кружит
Леденящий буран, вдоль реки веселясь.
Пироги из калины... мы лучше не знали
Лакомств этих простых незатейливый вкус.
Как же быстро и радостно их уплетали.
Почему? Я сегодня сказать не берусь.
У калины не косточки вовсе — сердечки,
И коралловый цвет, и горчинки чуток.
А на стенах огромные тени от свечки
И от сказов бежит по спине холодок.
Пироги из калины мне достались в наследство,
Их пеку сыновьям, не жалея любви.
Из военного, мама, сиротского детства
Пироги из калины, как песни твои...

БЕДНЫЙ БОГАТЫЙ МАЛЬЧИК

ГЛАВА 1

Я шла по коридору нужного мне офиса и вдруг увидела медленно выходящего из дверей молодого человека. Он не торопился — вероятно, дослушивал, что ему говорят, и его белокурые курчавые волосы сияли вокруг головы солнечным ореолом. Я невольно сбавила шаг, так как просто не могла не столкнуться нос к носу с ним. А когда это случилось, то есть когда он закрыл за собой дверь и сделал по направлению ко мне несколько шагов, я сумела разглядеть его лицо, и... У меня не было слов, чтобы передать свое состояние...

Маленький Витя не плакал — притихший и бледный, он сидел на стуле и смотрел, как одевают его маму, чтобы проводить в последний путь. Конечно, он не знал, что этот путь самого родного в мире человека действительно последний. И если бы ему сказали, что он больше никогда не увидит свою маму, он бы этого не понял. Хотя у него уже должен быть опыт — год назад погиб его отец, приехавший на Первомайские праздники в родной поселок и бросившийся там разнимать пьяных, отчаянно дерущихся своих однокашников — бывших, разумеется. У одного из них в руке оказался нож...

И вот теперь мальчик стал круглым сиротой. Правда, была бабушка — мамина мама. И была тетя — мамина сестра. Мы, коллеги его матери, не знали, кто из них возьмет Витю к себе. Так случилось, что не узнали этого и потом, так как они вскоре покинули наш город. Но мы часто думали о Вите, гадая, как сложилась его жизнь. При этом я так часто мысленно видела его, пятилетнего, смиренно сидящим на фанерном стуле, что сейчас никак не мог-

ла объединить тот образ с этим крепким, румяным юношей, который, видя, что я не спускаю с него глаз, приостановился возле меня и улыбнулся. Но ошибиться я не могла, это было совершенно исключено, потому что на щеке мальчика, за аккуратной нежной ямочкой, появлявшейся вместе с улыбкой, располагались три небольшие родинки, образуя правильный треугольник. К тому же весь его облик был мне страшно знаком. И я рискнула.

— Вы — Витя?

— Да...

— Разин?

— Да. Но...

— Вашу маму звали — Людмила?

— Да...

— А папу — Юрием?

— Юрием...

— Понимаете, я уже много лет живу с виной, что ничего о вас не знаю... — схватила я его за руку. — Последний раз я видела вас на похоронах вашей мамы... Мы работали вместе... И были дружны... Но я не знала, кто взял вас потом к себе — вы все быстро уехали...

— А меня передавали из рук в руки, знаете ли... Сначала я жил у бабушки, а когда она умерла — у тети... Затем меня забрала ее дочь — она к тому времени вышла замуж и родила уже свою дочь... Я помогал нянчить...

— Хотите, встретимся как-нибудь, и я все-все расскажу вам о маме...

— Да... да, конечно... Извините, я очень волнуюсь... Я и о папе бы хотел знать побольше...

— И о папе. Он был красавец, умница, ас журналистики... Мы очень поддерживали вашу маму, когда его убили... Она захотела уехать... Мы нашли ей замечательную работу в другом городе... Договорились... Кто же знал, что вашу маму тоже убьют...

Его рука, которую я так и не отпустила, дрогнула, он совершенно изменился в лице — побледнел, губы стали сине-серыми, как на улице в тридцатиградусный мороз, и я услышала хриплое:

— Что вы... сказали?

— Она хотела уехать в другой город!

— Нет, что вы сказали... после этого?

— Ну... никто и предположить не мог, что ее тоже убьют! Так бывает только в криминальных романах! Согласитесь?

— А разве ее... убили?

Я похолодела... Во-первых, потому, что он, оказывается, ничего не знал, и я добровольно взвалила на себя страшную миссию — донести до челове-

ка правдивую информацию о случившейся трагедии. Во-вторых, потому, что убийца так и не был найден, и, поскольку родственники ничего об этом Вите не сказали, можно предположить, что они просто побоялись это сделать, чтобы не увеличивать количество жертв — погибшую-то все равно не вернуть... И что теперь? Видя мое замешательство, Витя предложил мне сесть и поговорить — правда, ему надо было отпроситься у своего шефа и найти свободный кабинет. Он ушел, а я стояла у стены и думала — мне-то это зачем? Виновники данной истории, вероятнее всего, живы-здоровы, хитрых и наглых, как известно, ничего не берет, даже когда они пытаются перехитрить самих себя, и если уж побоялись открыть рты самые близкие Людмилы, то мне это делать тем более не стоит. И я позорно сбежала.

Когда добралась до московской квартиры, в которую меня временно пустила уехавшая за рубеж знакомая, и закрылась там, как улитка в ракушке, мне стало по-настоящему страшно. Причин было несколько. Многие подозревали, что Людмилу убили. Но я и еще два человека были в этом уверены. Ее отравили. Патологоанатом, друг моего отца-хирурга, под упорным моим натиском вынужден был признаться — некоторые данные в протоколе вскрытия были изменены, кое-что смягчено, но предупредил, что он не будет давать никаких официальных показаний... Вот почему результаты вскрытия довольно путано говорили о сильно действующем веществе, способном вызвать мгновенные изменения в работе сердца. Однако так же на человека якобы могли действовать и некоторые лекарства. Но никаких лекарств она не принимала! Мы обсуждали это между собой даже во время похорон. Ее мать подозревала, что дочь убили, но не знала этого точно. Догадывалась об этом и сестра и, когда мы, собравшись на сороковины, тихонько спросили у нее, как продвигается следствие, она, боязливо оглядевшись, не стала делать вид, что ничего не понимает, но тоже тихо ответила, что оно, по всей видимости, будет прекращено ввиду отсутствия состава преступления. Людмила была сердечница, и об этом многие знали. Вот и все...

Из нас троих, знавших больше положенного, одного уже не было в живых — его нашли на чердаке в петле. Незадолго до этого именно он настаивал на возобновлении следствия. Была предсмертная записка — он ревновал свою жену... Но мы-то, двое оставшиеся, знали, что о любовных закидонах своей жены он знал еще сто лет назад и ни по этой, ни по другой причине не собирался расставаться с жизнью...

Второй посвященный женился на польке и переехал в Варшаву. Так что этой страшной тайной обладала сейчас я одна — разумеется, если не считать патологоанатома и виновников трагедии. Но ведь Людмиле уже не по-

мочь. И сын, слава богу, вырос. Зачем будоражить его душу? Кстати, никаких сведений, кроме того, что Людмилу убили, у нас не было. Кто? За что? Главное — кому это было выгодно? И почему нельзя было обойтись без этой страшной жертвы? Главный ответ — кто? — лежит где-то близко, на поверхности. Стоит лишь руку протянуть...

Но руку мне пришлось протягивать к телефону, который звонил со страшной силой, а я, блуждая в прошлом, не обращала на него внимания. В трубке было молчание.

— Молчание... ягнят, — произнесла я, вспомнив известный фильм.

— Ягнят, увы, едят, — в рифму ответила мне трубка мужским голосом. — Но я не хочу, чтобы нас... съели.

— Нас?

— Да. Извините. Это — Витя. Мы встретились в издательстве, а я там многих знаю. Описал вас и получил ваш временный московский номер. Я звоню, чтобы попросить вас — согласитесь стать для меня мисс Марпл... Как у Агаты Кристи... Конечно, она — старушка, а вы еще молоды, но я имею в виду талант... Разрешите мне к вам придти... Я все буду делать сам: ездить, искать, встречаться, с кем надо... А вы только помогите мне советами, консультацией — многих, с кем мне придется встретиться, я думаю, вы хорошо знаете... Не молчите! Разве я смогу теперь жить спокойно, когда маму... когда с мамой... Мне необходимо узнать, кто это сделал! И зачем.

— Витя, я согласна с вами встретиться. Только предупреждаю: поговорка «будешь много знать — рано состаришься» в данном случае звучит иначе — рано уйдешь в мир иной... Уверена, что один из знавших уже был туда отправлен...

— Когда и где мы встретимся? Может быть, сегодня же вечером?

— Хорошо. Вечером я буду на радио, это рядом с метро «Третьяковская». Давайте там и встретимся часов в восемь.

— Спасибо! Только не бросайте меня!

— Да уж теперь не брошу. За всех нас... — произнесла я и с тяжелым сердцем положила трубку...

ГЛАВА 2

Нам не пришлось ждать друг друга — Витя уже стоял на Пятницкой и озираясь по сторонам, выискивая меня. В легкой, добротной и красивой куртке он выглядел старше, чем там, в коридоре. Мы медленно побрели в сторону Третьяковской галереи. Честно говоря, я не знала, с чего начать свой рассказ, что больше всего его интересовало. Витя пришел мне на помощь.

— Расскажите, пожалуйста, как они встретились — мама и папа... Как поженились...

Как они встретились... Боже мой, это был целый фейерверк! Брызги шампанского! Но сначала я рассказала о Людмиле. Блестяще окончила университет — факультет журналистики. Разумеется, ее сразу взяли в нашу газету. Писала она не просто хорошо — интересно, мудро, несмотря на то, что было ей немногим за двадцать, и — красиво! Но тут оказалось, что Людмила совершенно не могла никому подчиняться — кроме редактора, но это уж, как говорится, сам бог велел. Однако над ней был еще заведующий отделом — честно говоря, не самый умный человек на свете, и даже наоборот, но его почему-то упорно держали в этой должности. Людмила обязана была сдавать ему все свои статьи, а он мог еще и не сразу их прочесть, так как всегда был страшно занят — играл в шахматы, либо часами разговаривал по телефону с молодыми девушками. Он же должен был давать своей подчиненной задания, указывать, что и о чем писать, но по причине лени и недостатка мозгов этого не делал. Такое положение вещей Людмила терпела недолго — как только освободилось место редактора в маленькой заводской газете, она туда нырнула и стала сама себе хозяйка. Я ее понимала и одобряла, но в то же время досадовала, что лишилась единомышленницы, готовой помочь мне в борьбе с редакционной рутинной.

Сначала Людмила была тихой и скромной девушкой. Замужество ей как-то вроде и не светило. Шли годы, и кое-кто стал называть ее уже старой девой. Но недаром мудрецы утверждали, что каждой женщине предназначен свой мужчина. Лично я думала, что в ее душе давным-давно уже поселился определенный мужчина. Мужчина ее мечты. Не конкретный человек, а образ. Белокурый, голубоглазый, высокий и сильный. Конечно же, добрый. И талантливый. Так получилось, что мы видели Юрия не раз — он работал в газете соседней области и приезжал в нашу редакцию делать так называемые обменные полосы, то есть когда соседи везут нам для публикации свою газетную страницу, а мы взамен отправляем им свою. Но он приезжал не только в роли курьера — Юрий с ходу мог написать великолепный материал, особенно хороши были его интервью, и в творчестве, и в жизни он был раскован, ироничен, остроумен и без особых усилий покорял женские сердца. Однако Людмила, работая в своей многотиражке, заходила к нам от случая к случаю, а потому ни разу с ним не столкнулась. До определенного дня, часа и момента. А момент был шикарный — Юрий, закончив все рабочие дела, пришел ко мне в кабинет вместе со шлейфом своих поклонниц и не без рисовки стал читать свои стихи. Надо сказать, что отдыхать он всегда приходил ко мне в кабинет, потому что

был человеком некурящим, не терпел дыма, как и я. По этой же причине ко мне всегда в первую очередь заходила и Людмила, когда оказывалась у нас. Зашла она и во время полета поэтической мысли Юрия. Я даже помню, на каких его словах она открыла дверь:

Я увидел такую сказку,
О которой мечтал всю жизнь...

Вообще-то Людмила была мало похожа на сказку. И я никогда не думала, что за несколько мгновений человек может так преобразиться: глаза ее сияли, лицо порозовело, взгляд был глубок, чист и спокоен, она была центром энергии, которая волнами неслась к нему, чтобы поглотить, приблизить к себе... Мы застыли в немом изумлении. Он же закрыл рот и стоял как вкопанный, глядя в ее лицо, ставшее вдруг необыкновенно красивым и одухотворенным. А потом подошел к ней и тихо спросил:

— Мы незнакомы?

Людмила подалась вперед, протянула ему руку для пожатия и представилась:

— Людмила.

— Жаль, не Руслан. Юрий. Разин, — тихо проговорил он.

Они вышли из моего кабинета вдвоем, не видя и не слыша ничего вокруг. Вышли и пошли, я думаю, к ней домой или к нему в гостиницу. Я об этом никогда ее потом не спрашивала, а сама она не рассказала. Но поздно вечером, когда мои уже спали, я не выдержала, позвонила ей и сказала, что не могу не поведать о том, что сейчас у него третья жена, что все они были у него красивые, но полные дуры. А самое главное — ни одна из них не могла родить ему ребенка.

— Не могла или не хотела? — деловито осведомилась Людмила.

— Уверена, что не могла. Ведь каждой хотелось его заарканить на веки вечные. А так он бросал их, одну за другой. Хотя там были и другие причины, я знаю. И все-таки главная — та, что я тебе сказала.

Подруга молчала, и я забеспокоилась:

— Людмила, у тебя все в порядке?

— Хм... А что такое порядок? У меня всегда был порядок. А сегодня — беспорядок... Бардак...

— Людка, ты... молодец! — прошептала я в трубку и, пожелав ей приятных снов, отключилась.

А через два месяца мы гуляли на их свадьбе — могли бы сделать это и раньше, но последняя жена Юрия, то есть теперь уже предпоследняя, оказала сопротивление при разводе, и ему не сразу удалось утрясти это тонкое дело.

К тому времени Людмила была уже беременна. Юрий сиял от счастья. Он в прямом смысле носил ее на руках. До того замечательного дня, когда на свет появился Витя. Тогда он стал носить на руках двоих. Витя был удивительно похож на отца, только родинки на щеке у него были свои. Мало того, что отец и сын были схожи лицом, у них еще и привычки оказались одинаковые. Юрий постоянно сгибал руки в запястьях. Так же делал и сын. Отец любил, занимаясь каким-либо делом стоя, отставлять правую ногу до уровня плеча. Так же поступал и ребенок. И подобных моментов было множество!

Я знала много счастливых семей, но эта была самая счастливая! До того страшного дня, когда на Первомайские праздники Юрий приехал в поселок, где прошло его детство. И был убит. Людмила с ребенком была в тот день в нашем городе, у матери. Она приняла страшную весть молча и внешне спокойно — лишь на миг мне показалось, что она вот-вот задохнется от боли, но все обошлось.

Родня настояла, чтобы Юрия похоронили в том самом поселке, рядом с его родителями. Людмила согласилась. Я думаю, что если бы не маленький Витя, то и она легла бы рядом с мужем в сырую землю. Почти год она жила как во сне, ко всему безучастная, выполняя свои обязанности словно по инерции. А потом захотела уехать, чтобы начать новую жизнь. Мы нашли ей работу в хорошем городе, договорились с жильем, и Людмила поехала на могилу мужа — попрощаться. Обратного она уже не вернулась.

Все это я рассказала Вите. Он не прерывал меня ни разу, просто молча шел рядом, какой-то вытянувшийся в струнку, и вбирал в себя мои воспоминания. А потом вдруг спросил:

— У вас были какие-то догадки? Подозрения? Насчет мамы и... папы.

— Папы? Нет, тут подозрений не было. Все по традиции: в праздник из горла, и стенка на стенку! Кто с колом, а кто и с ножом.

— А тот убийца... Его тогда посадили?

— Посадили. Я и на суде была.

— Могли маме за него отомстить?

— Да за что же! Убил-то при всем честном народе. Это мама ваша могла мстить... А вот насчет нее мы не один месяц головы ломали и пришли к выводу — что-то она случайно узнала или увидела, чего не должна была знать и видеть. Но только что — до сих пор ума не приложу. В поселке все на виду, ничего такого не происходило, чтоб зацепиться... Правда, был один факт... Но он всплыл позже... Не так давно...

— Какой факт?

— Да вы, верно, знаете — маньяка одного ищут в Подмосковье где-то, про него много писали... Фоторобот составили по описанию пострадав-

шей... Так вот, подобные маньячества происходили когда-то в городе, где мы с Людмилой работали... Возможно, он и в том поселке действовал, где папа ваш погиб и похоронен...

— Что-то я не помню ничего про подмосковного маньяка. А его поймали?

— Нет. Где-то бродит. Но вроде притих сейчас. Или переместился в другую область. Вообще-то я сама в том поселке многих знала, часто там бывала. Но как того маньяка представляли — не помню. Или же всплывает что-то отдаленное... Но это уже я сама, видимо, напридумывала из-за последних слов твоей мамы... Вашей...

— Так были ее последние слова? Их кто-то слышал? Вы их знаете? Пожалуйста, зовите меня на «ты», так проще.

— Хорошо. Она умерла там же, в поселковом здравпункте. Дежурная медсестра вызвала из города врача, но он твоей маме уже не понадобился. В течение нескольких минут перед смертью она говорила... про бабочек...

— Про каких бабочек?

— Медсестра утверждала, что Людмила показывала на стену и говорила, что там много бабочек... И что кто-то похож на бабочку... И про летящие ноги... А одну фразу — вроде бы последнюю — она даже записала... Я помню ее до сих пор...

— Скажите...

— Он — бабочка. Красивая бабочка... Ноги летят... Над землей...

Но мы не обозначили как следует эту версию, начали с другого боку подходить к этой трагедии: перебрали всех Людмилиных знакомых, родных, узнавали, что у кого в жизни изменилось после ее смерти. Но и тут ничего определенного не нашли. Один превратился в бомжа, другой утонул как-то нелепо, третий уехал в Германию, потому что немец... Четвертый — в Испанию...

— Потому что испанец?

— Да нет. Предки ему что-то там оставили. Завещали.

— А пятый?

— А пятый якобы повесился. Журналист наш. Очень хорошо знал твою маму. Она ему доверяла...

— А почему — якобы?

— Потому что я в это не верю. И никто из нас не верит. Его убили...

Витя вздрогнул. Думаю, он только сейчас осознал, по краю какой пропасти мы с ним ходим. Я предложила ему встретиться через два дня в моем московском убежище, и мы с ним постараемся изобразить на бумаге все наши сомнения и подозрения. И сделаем еще одно важное и нужное де-

ло — призовем в союзники и руководители нашей криминально-следственной операции мою замечательную подругу, демонстрирующую в родном моем городе чудеса сыска — частного детектива Валентину. Честно говоря, я давно об этом думала. Но когда появился Витя, мое стремление вновь ожило и превратилось в навязчивую идею, к которой примешивался и определенный страх — кто-то ведь убил Людмилу, убил нашего товарища, который знал то же, что и я, и, вполне возможно, готовится убить меня...

ГЛАВА 3

Мне надо было сделать кое-какие покупки, и я поехала на рынок, где не была уже месяца три. Шла мимо женщин, сидящих в своих закутках с одеждой, обувью, кремами, помадами, занавесками, одеялами и прочим добром, и ловила их приветливые взгляды. Сделав несколько шагов к очередному ряду прилавков, я вдруг споткнулась о чей-то взгляд. Инстинктивно я не показала вида, что чем-то обеспокоена, просто остановилась, сняла с плеча свою сумку и стала в ней что-то усиленно искать, незаметно бросая осторожные взгляды на всех, кого можно. Но в поле зрения попали лишь знакомые продавцы да несколько женщин-покупателей. И только выпрямившись и обернувшись на сто восемьдесят градусов, я увидела мужчину в синем джинсовом костюме, готового взмыть в небеса — он не шел, а летел вдоль прилавков, а его длинные ноги словно не касались земли. Честно говоря, это было очень красивое зрелище. И тревожное. В прозрачном пакете он нес какие-то консервы, хлеб и нечто желтое — наверное, бананы. Он удалялся очень быстро, но неожиданно слегка оглянулся, и его цепкий взгляд пронзил меня синим огнем. Мои ноги застыли от страха. Человек улетел, а я, обругав себя за трусость, побрела дальше, думая только о нем. Но почему? Я что, когда-то с ним встречалась? Я его видела, знала? Нет, нет и нет! Так чего же я так насторожилась? Летящая походка? Когда Людмила умирала, то, возможно, сравнивала с бабочкой именно своего убийцу... Этого мужчину, конечно же, нельзя сравнить с бабочкой по внешнему виду, но легкие ноги, воздушная стремительность вписываются в образ как нельзя лучше...

От этих тревожных дум мне стало дурно, и я, убедив себя, что ничего существенного не произошло, просто фантазия разыгралась, отправилась домой. Выйдя с рынка, решила не спускаться в метро, а ехать на автобусе, благо он стоял прямо передо мной, двери его были раскрыты, а водитель терпеливо ждал пассажиров. Я уселась на самое удобное место, откуда мне были хорошо видны обе стороны улицы, но уже через одну остановку

какая-то неведомая сила подняла меня с сиденья, бросила в дверь и шлепнула рядом с газетным киоском, возле которого стояла очередь. Я так понимаю, что это сработало мое подсознание, потому что в самой середине очереди за свежей прессой стоял «мой подозреваемый»... Я дотронулась до его руки и, словно идя на муку мученическую, произнесла:

— Разрешите...

Мое прикосновение не было для него неожиданностью — он прекрасно видел, как я вылетела из автобуса, и почему-то был уверен, что я к нему подойду. Однако все же мне показалось, что губы его побелели.

— Разрешите задать вам несколько вопросов...

— Пожалуйста. Что вас интересует? Хотя, предупреждаю, времени у меня мало. — Он спокойно вышел из очереди, и мы шагнули под тень ясеня.

— Я понимаю. Но не знаю, с чего начать...

— С главного!

— Вы когда-нибудь бывали в поселке... — И я назвала ему тот злощастный гибельный населенный пункт у черта на куличках, будучи уверенной, что он скажет — слыхом не слыхивал о географической точке с таким названием. А он вдруг просто ответил:

— Да.

— Как?!

— Что — как? Я там родился. Там жила вся моя семья. И сейчас кое-кто из родственников живет. А я вот в город перебрался. Извините, но ваше лицо там на рынке показалось мне знакомым. Вы тоже оттуда?

— Нет. Но там убили мою подругу... Людмилу Разину... Вы ее знали?

Он вздрогнул и через силу ответил:

— Нет. Ее я не знал.

— Может, вы знали ее мужа, Юрия Разина?

— Разумеется. Как же я мог его не знать! Дядя Юра жил неподалеку от нас...

— Дядя Юра?

— Ну да. Мы же не одногодки, я все-таки помладше. А ему было бы уж за пятьдесят сейчас... Если бы...

— Если бы его не убили. Вы это хотели сказать?

— Нет. Это само собой. Я имел в виду другое.

— Что?

— Да не допрашивайте вы меня! В конце концов я вообще могу ничего не говорить. Не обязан. А говорю потому, что не каждый день в Москве встретишь человека, который слышал хотя бы название нашего поселка, не говоря уж о большем. А если уж был там хоть раз — вроде как земляк,

почти родственник. Так вот — дядя Юра был бы жив, если бы в тот праздник мой отец не надрался до полного беспредела... И не пошел бы на площадь...

— Так это он...

— Да.

— А где он... сейчас?

— Там и живет. Он уж давно освободился. Столярничает. Корзины плетет. А жену дяди Юрину, подругу вашу, я и не видел никогда. Слышал только, что умерла...

Все. Теперь мне надо взять его координаты — на всякий случай, и идти дальше, заниматься своими делами. Но я была весьма упертая дама, к тому же необыкновенно дотошная, а потому выпалила:

— А вы знаете о том, что маньяк, которого сейчас ищут — на женщин нападал, тоже бывал там неподалеку... может, и в этом поселке?

Он вновь стрельнул в меня холодным, пронизывающим взглядом, потом оценивающе оглядел с головы до ног, нехорошо оглядел, нагло вато, и усмехнулся:

— Я знаю все, дорогая. Потому что это я и есть.

Мои ноги и руки, ставшие ватными, словно повисли в каком-то мягком пространстве, где я никак не могла найти опоры. А когда нашла, рядом со мной уже никого не было. У газетного киоска — тоже. Надо скорее уносить отсюда ноги! Заметать следы! Не исключено, что он за мной следит, чтобы выяснить, где я тут обитаю. Надо петлять, как заяц. Как лиса. Рыжая. Почему рыжая? По ассоциации с его волосами... рыжеватыми... Бог мой, да ведь они у него крашенные! Точно крашенные! Я сразу заметила несоответствие цвета глаз и волос... С такими голубыми глазами волосы должны быть белыми, как у альбиноса. А у него — ярко выраженный рыжий оттенок.

После очередной манипуляции с разными номерами автобусов я, протискиваясь между двух киосков, за которыми виднелся вход в метро, сняла и вывернула свою двухстороннюю куртку, и она, превратившись из серой в красную, вновь оказалась на моих плечах. Одновременно на голову водрузила бежевую шапку и в таком подростковом виде бодро сбежала по ступенькам вниз, не заметив за собой никакого «хвоста». До дома я добралась довольно спокойно, однако, войдя в прихожую, закрылась на все замки, заперла балкон и только после этого смогла вздохнуть спокойно. Все!

То есть как это — все? Надо же что-то предпринимать! Звонить в полицию! Идти туда, все рассказывать... Ага, а потом этот тип прихлопнет меня — после очередного посещения стражей порядка... Да еще и вопрос — как меня будут слушать в родной полиции... И кто... ПопадетсЯ какой-нибудь дурак — пока до такого дойдет, меня сто раз прикончат...

Как всегда в экстремальных ситуациях, я увидела только один выход. И позвонила-таки Валентине, подруге детства, умнице и красавице, сыщичку и психологу, моей вечной палочке-выручалочке. Да разве только моей! Самые запутанные, хитроумные преступления открывали ей свои тайны. И будут открывать.

Подруга ответила мне коротко:

— Слушаю вас!

— Это я... Звоню из столицы...

— Прекрасно!

— Нет. Мне плохо. Я запуталась в опасностях и подозрениях... Шучу, конечно...

— Шути дальше!

— Это невозможно. Никаких аналогий не получается... Приезжай!

— Вот как...

— Да. Иначе меня тут ждет то же, что и...

И я назвала ей имя нашей общей знакомой, бывшей свидетельницы по одному уголовному делу, которая незадолго до суда исчезла — раз и навсегда...

— Ну, мне надо знать... Хотя бы в общих чертах... Я тебе помогу... Ты, наверное, ревнуешь своего мужа... И к кому? Как ее зовут?

— Людмила Разина...

— Но ведь это... было давно...

— И всплыло вновь... Тогда ведь действующие лица драмы так и не сделали никаких определенных выводов... А сейчас вмешался ее сын... Мы случайно встретились... Но если бы только это! Знаешь, портрет моей снохи висит на Доске почета в ее округе... А невдалеке — тоже фотографии на стенде «Их разыскивает полиция»... Почти рядом... Так смешно! Это я вместо анекдота тебе рассказываю... И что мне делать, ума не приложу!

— Так... Встретила?

— Да...

— Он об этом знает?

— Да.

— Сейчас он далеко?

— Надеюсь. О, хотела тебя спросить — Чикатило расстреляли или нет? А то ведь у нас мораторий на смертную казнь...

— Ни фиги себе! Надо нашей службе в Москве позвонить. Немедленно!

— Дураков боюсь.

— Сейчас я соображу... Так... Сиди у телефона, жди звонка, я сама сообщу что надо и кому надо. А вот увидеться с тобой смогу только на следующей неделе. Не люблю оставлять незаконченных дел. Потерпишь?

— Да.

— И мужа не ревнуй!

— Постараюсь. Не звони ему, чтоб не расстраивался... Адрес мой московский не потеряла?

— Как можно!

Я повесила трубку. Да, не получилось у меня говорить шифром. Но все-таки непосвященному так вот, с ходу, понять ничего невозможно.

Не успела я навести порядок в комнате, чтобы хоть этим как-то сгладить тревогу и страх, как телефон зазвонил снова, но как-то особенно пронзительно. Я не сразу сообразила, что одновременно подает голос и мой дверной звонок, а когда сообразила, то вновь здорово испугалась — я никого не ждала. Сначала сняла телефонную трубку. Это была родная полиция, которая сообщила, что ко мне выехал оперуполномоченный, старший лейтенант такой-то. Я попросила звонившего не класть трубку, объяснив, что ко мне в дверь кто-то рвется — то ли их сослуживец, сумевший прибыть быстрее звука, то ли маньяк. Дверь моей квартиры находилась в нише, а потому в «глазок» мне была видна лишь небольшая часть коридорчика, в который выходило еще несколько дверей. Коридорчик же, в свою очередь, отделялся от огромной общей площадки крепкой стальной дверью, в которой тоже был «глазок». К нему я и направилась, рискуя пасть жертвой маньяка, если он уже справился с общей дверью. В «глазке» маячил человек в форме, переминавшийся с ноги на ногу. На голубоглазого маньяка он был совершенно не похож. Хотя бы потому, что у него темные волосы и брови. Несмотря на форму, я попросила его через дверь показать мне свое удостоверение. Он раскрыл его прямо перед «глазком». Да, по телефону мне назвали именно его — все сходилось. И я открыла дверь Эдуарду Михайловичу Гололобову. А потом поблагодарила телефонную трубку и сообщила, что все в порядке.

Я рассказала гостю о своих наблюдениях, сомнениях, страхах, коснувшись и убийства Юрия Разина, и смерти Людмилы, и, разумеется, самого поселка, где все это происходило, подробно передала разговор с маньяком, довольно беззаботно поведала о том, как старалась, чтобы он не узнал, где я живу, и, по всей видимости, добилась желаемого. Эдуард попросил меня нарисовать преступника. Я удивилась — такое изображение есть, его же разыскивает полиция! Но страж порядка пояснил мне, что маньяк появляется не в своем обличье, и в подтверждение этих слов вытащил рисунок — такой же, что висел на стенде. Разница действительно была огромной. Тогда я взяла фломастеры и сделала набросок. Оперу понравилось. Он аккуратно свернул мой рисунок, сунул его в специальную

папку, с которой пришел, и, пожелав мне спокойной ночи, удалился. А я, заперевшись на все замки, сразу же легла спать, и ночь моя прошла спокойно... Я только отметила для себя маленький штришок: когда сказала маньяку, что в его родном поселке убили мою подругу, он не выразил никакого удивления. А ведь должен был удивиться! Потому что, по официальной версии, она умерла, что-то съев или выпив неподобающее...

ГЛАВА 4

Проснувшись утром, я накинула халат, побрела на кухню и вдруг услышала звук тихо льющейся воды... Господи, не закрыла как следует краны! Затопила соседей! Я бросилась в ванную, но дверь туда оказалась запертой изнутри. Что за наваждение! Может, приехала хозяйка квартиры? Развелась со своим иностранцем и прикатила на родину, а теперь смывает с себя пыль долгих странствий?

— Лиза, это ты?

Молчание. Странно, но особой тревоги я не чувствовала. Неприятно, конечно, но, скорее всего, меня кто-то разыгрывает. Кто именно? Про то, что я здесь, знает моя престарелая, но вечно молодая тетя, но ей и в голову не придет сюда приезжать и скрываться в ванной. Знает Валентина, но следующая неделя еще не наступила. И знает мой дорогой, мой любимый и единственный муж, которого я всегда любила, люблю и буду любить, и который, разумеется, плюхается сейчас в моей ванне. Конечно же, больше некому. И я, подойдя к запертой двери, нежно проворковала:

— Ты приехал, милый? Какой же ты умница! Молодец! Я так по тебе соскучилась! Ау! Ты меня слышишь?

— Слышу, слышу! — ответил до ужаса знакомый голос, дверь распахнулась, облако пара окутало женщину с вытаращенными от изумления и страха глазами, то есть меня, а потом я полетела вниз, в пропасть, на дне которой блестела маленькая соломинка, за которую я успела ухватиться, прошептав:

— Извините... Я ошиблась...

— Да нет, это вы извините, — как ни в чем не бывало, произнес голубоглазый маньяк, стоя передо мной в одних шортах и шлепанцах. На его плечах висело мое полотенце, которым он успел тщательно вытереться. — Вам помочь?

— Нет, нет, я сама!

Но мне никак не удавалось подняться, мои онемевшие конечности не хотели мне подчиняться. Он это заметил, подхватил меня под мышки, как

пушинку, и усадил в кресло, стоящее посреди комнаты. Я медленно приходила в себя и вновь удивилась, что мне не страшно, что упала-то я от неожиданности. Я давно заметила, что в минуты нервного напряжения с языка, независимо от твоей воли, слетает то, о чем думаешь.

— Мне не страшно...

— Вам действительно нечего бояться, — спокойно произнес он. — Хоть вы и расписали меня легавому с ног до головы... Ведь расписали? Не надо отнекиваться, я видел, как он к вам приходил. Кстати, не найдется ли у вас, голубушка, что-нибудь поесть? Я все-таки думаю, что вы обо мне рассказали ментам — не этому, так другому, времени у вас было достаточно, я не всегда дежурил у ваших дверей, отлучался, да и провод ваш телефонный оставил в целости и сохранности. Так что вы меня сорвали с насиженного места. И куда же мне деваться, если не к вам? Уж здесь-то меня никакая собака искать не будет... Правда, есть и другая причина, о которой вы могли бы и догадаться...

На его последнее замечание я легкомысленно не обратила никакого внимания, продолжая гнуть свое.

— Вы говорите не как блатной. У вас правильная речь... — Но вы... я слышала... вы сами сказали...

— Убийца? Но ведь кто-то должен спасти самое святое на земле — женскую честь. Радость материнства. Разве вы не знаете, что все мои жертвы были шлюхами? Я — русский человек, и мне больно за русскую девушку... На других я внимания не обращал... Кого она родит после десятка своих партнеров? Уродца с молекулами всех ее кобелей — каждый оставил в ней свою частицу. Это издевательство над человеческой природой! Над чувствами патриота... И если не остановить таких, как мои... жертвы, лет через триста-пятьсот, а может, и раньше на земле останутся одни уроды... Они должны меня благодарить... Я спас их от позора...

— Какой вы... философ...

— Хм... Я, правда, учился на физика и математика... Но мне пришлось уйти... Меня ждало главное дело моей жизни... И я не стал откладывать его на потом...

— Наверное, в чем-то вы правы... Но можно ли вот так осуждать людей на казнь? Имеете ли вы на это право?

— Можно! И нужно! И ответьте на мой вопрос, наконец, — есть ли в этом доме что-нибудь поесть?

— Есть! Сейчас накрою на стол. Если не буду вас бояться, — осторожно добавила я.

— Повторю — вам нечего меня бояться. Я, кстати, за вами почему пошел? Мне интересно, как вы догадались... Поняли, кто я... Как?

— Это случайно. Просто совпадение. У вас — летящая походка...

— Предположим.

— А когда моя подруга много лет назад умирала в вашем поселке, жена того журналиста, которого убил ваш отец, то ей мерещились бабочки и она говорила о мужчине, который так же порхает... С такой же легкостью... И когда я увидела ваши ноги, летящие над землей...

— Но неужели вы за пятнадцать или сколько там лет ни разу не видели такой походки?

— Может быть, видела, просто не обращала внимания.

— А почему теперь обратили?

— А потому что именно в эти дни меня посетило горячее желание узнать, отчего умерла моя подруга... Именно в эти дни появились люди, которые ужасно хотят открыть эту тайну, и я к ним присоединилась... И теперь я задам вам очень серьезный вопрос... Садитесь, завтрак готов...

— Что это?

— Макароны по-флотски, разве не видите? Хотите, добавлю вам туда тертый сыр?

— Хочу. Добавляйте. А то это какая-то несерьезная еда.

— Извините. Разносолов не заготовила. И вообще я здесь — в чужой квартире...

— Я понял. А вообще где вы живете?

— Не хочу говорить. Хочу задать вопрос. Ответьте на него хотя бы в знак благодарности за завтрак. Дайте слово, что честно ответите.

— Угу.

— А почему вы не удивились, когда я вчера сказала вам, что Людмилу мою убили? Ведь официально считалось, что она сама отравилась... Было бы естественно, если бы вы спросили: «А разве ее убили? Вот уж не думал»... А вы приняли версию убийства как единственно правильную...

— Да? Вы знаете, это было так давно... Я просто решил, что, наверное, ее убили, а я и забыл... Так что вы не подумайте чего такого... Как будто я что-нибудь скрываю... Нет, нет, уверяю вас!

— Да? Кстати, у вас — интеллигентная речь, вы ни разу не назвали меня на «ты». Лишь слово «легавый» из другого лексикона... Вы и правда маньяк, или... зачем-то специально со мной познакомились? Что вам от меня надо?

— Тишины. Покоя. Возможности выспаться. Мне кажется, что у вас меня не ждет никакая опасность...

— А чем вы их... убивали?

— Я их душил!

— А я думала, вы мне поможете... Ведь кто-то мою Людмилу убил, тогда как ее просто не за что было убивать... Она никому не мешала, не делала зла, ни во что не вмешивалась, была совершенно неконфликтной... И мужа своего очень любила...

— Ангел небесный!

— Ангел был ее маленький сын, который остался сиротой... Может, она что-то увидела, узнала в тот день что-то такое, за что ее и убрали? Помогите, если можете!

— Пока не могу... Но я думаю... Когда это было-то, говорите?

Я ответила.

— А ведь меня в тот день не было в поселке. Мы с матерью к отцу в колонию ездили, ему свидание разрешили.

Мне показалось, что он вспомнил это с облегчением. А еще я была уверена, что ему не нравится разговор на эту тему, что он хочет от него побыстрее уйти. Почему?

Мои раздумья прервал телефонный звонок.

— Мне может звонить только муж или подруга из моего родного города, она хочет приехать сюда на несколько дней, — объяснила я, идя к телефону. — Не волнуйтесь, ничего лишнего я не скажу.

Голос Валентины звучал еле слышно, словно она разговаривала со мной с другой планеты.

— Ну, был гость? Все ему поведала? Легче стало?

— Конечно. У меня все хорошо. Я плохо тебя слышу. Повтори, что сделала твоя соседка? Подожгла собственный балкон? Сумасшедшая! Ты-то хоть не пострадала?

Это было на нашем шифре «из того, что под рукой», потому что однажды к ее соседке забрался вор, он прямо при ней нагло складывал в свою сумку ее ценные вещи, и она, чтобы привлечь внимание окружающих, бросила через форточку на свой балкон горящую бумагу. Огонь попал на кипу газет, которые через несколько минут уже пылали огнем. Правда, в суматохе вор выбежал, все-таки прихватив с собой собранные ценности.

— Так... Стало быть, он тебя все-таки выследил? — догадалась Валентина.

— Да. Конечно.

— И... он сейчас рядом с тобой?

— Разумеется. Приезжай, я тебя встречу.

— Ни фиги себе! И ты не падаешь в обморок... А что ты сейчас делаешь?

— С тобой говорю. А вообще пью чай.

— Пей. А я сейчас с Комовым свяжусь из нашего угрозыска. Вам там ОМОНа не хватает!

— Не гони волну. Приезжай на следующей неделе, как планировала, и все! Завтра я, кстати, буду в редакции и позвоню тебе. А сейчас — пока! Да нет у меня никого, я одна! Голос? У меня нормальный голос! Оставь свои подозрения! Я не влипла ни в какую историю! И мне никого не надо звать на помощь!

— Ты чего орешь? Хочешь, чтобы он почувствовал опасность и ушел из квартиры?

— Ну, наконец-то! Целую! Нет, нет, никого мне не вызывай! Я знаю, ты готова взвод солдат прислать для моей охраны... Спасибо! Пока!

Я бросила трубку и повернулась к незваному гостю:

— Подруга чувствует, что со мной что-то не то... Надо же!

— А кто она?

— Да в воинской части работает. Инструктором каким-то числится. А сама бумажки перебирает... Но человек чудесный... Чуткая очень... Добрая... И такая ушлая — все заметит! Может, у меня в голосе слышались какие-то тревожные нотки?

— Так... От вашего родного города, уважаемая сыщица, сюда ехать часов пять...

Я не удивилась, что он это знает, хотя города своего не называла.

— Да. Пять. Если на машине...

— А у нее есть машина?

— Есть.

— Ловко вы с подругой меня... Ловко! Ценю. А напрасно. Опасности вам от меня никакой, а вот насчет Людмилы...

— Что? Да говорите же!

— Дело-то там было нечисто... Со всех сторон...

— Как это понимать? Что значит — со всех сторон?

— А то и значит, что и с той, и с другой стороны! — произнес он и, прежде чем хлопнуть моей входной дверью, вдруг неожиданно добавил: — А память-то у вас коротковатая... Жаль...

И ушел. Одеться он успел, еще когда я разговаривала с Валентиной.

Я заперла дверь на задвижку, потому что он спокойно открыл все мои замки, тут же позвонила Валентине и коротко рассказала ей главное, упомянув и его последние слова. По правде говоря, обе мы пока ничего не понимали... А волосы у него при ближайшем рассмотрении оказались не крашеными...

ГЛАВА 5

— Мне кажется, вы относитесь ко мне, как к маленькому, — вдруг сказал Витя после того, как мы часа два провели с ним в бесплодных разго-

ворах, не продвинувших нас в поисках истины ни на шаг. — Вы не говорите со мной серьезно, а мне ведь не пять лет! Я должен знать все! Вот почему, например, моя мама долго не выходила замуж? Она ведь была такой милой, интересной... такой нежной... А отец... Я посчитал — он женился на маме почти в сорок лет... А кто у него был до нее? Может, смерть моих родителей — месть какой-нибудь отвергнутой дамы...

Действительно, чего это я скрываю? Кого и от чего оберегаю? Он прав — мы приблизимся к истине, только если все разложим по полочкам. И я начала это трудное и деликатное дело.

Людмила газета считалась лучшей из всех многотиражек области. Заводчане свою редакторшу очень любили, причем все — и начальство, и простые работяги. Особенно один из них — Павел. Но все знали об одной его слабости — любил выпить. Я не думаю, что Людмила была в него влюблена. Просто у нее не было никого другого. Она поставила ему условие — бросить пить. Мы с любопытством следили за этой эпопеей — в больнице Павлу вшили какую-то ампулу, и ровно год он не должен был принимать ни грамма спиртного, иначе — смерть. Этот год стал для него испытательным сроком. Ампулу Павлу вшивали тридцатого декабря в двенадцать часов, соответственно, год истекал именно в это время. Надо сказать, что наша редакция была для Павла родным прибежищем, он часто нам писал, причем не только заметки о заводских делах, но и рассказы, а мы их публиковали, поэтому в час окончания рокового срока он пришел именно к нам, а дипломат его был набит бутылками с водкой. Журналистская братия ходила по коридору, потирая руки. Все были в предвкушении. Все ждали двенадцати часов. Минут за пять до полудня все чинно сидели за накрытым столом. Павел сидеть не мог — стоял, глядя на часы, и очень волновался. Он хотел напиться, но не хотел умирать. Наконец стрелки достигли желаемой отметки, и, сдержанно прокричав: «Ура!», наши умельцы во главе с гостем мигом опустошили все содержимое его дипломата. Вскоре Павла можно было выносить из кабинета как пустые бутылки. Он не выдержал испытания...

— А где сейчас этот Павел? — спросил Витя, с интересом слушавший мой рассказ.

— Умер. Его нашли мертвым в канаве, но следствие так и не смогло установить, что же случилось. Правда, к тому времени он уже не имел никакого отношения к твоей маме. Даже на заводе не работал — выгнали его оттуда.

Людмила тяжело все это пережила и одно время была похожа на замороженную курицу. Она и писать стала как-то стандартно, неинтересно. По-

том мы взяли ее в оборот, обратили ее внимание на только что открывшееся в городе телевидение, справедливо полагая, что новое окружение, интересная работа спасут ее от серости и уныния. И это действительно произошло, хотя завод свой она так и не оставила — не захотела. Но телевидение стало ее второй работой, она быстро поняла, что и как нужно делать для появления зрительского интереса, и стала вести передачи на производственные темы. Они были у нее настолько интересны, что в городе их ждали, смотрели, обсуждали, а ей писали письма, ее узнавали на улицах, с ней спорили, соглашались, либо оставались при своем мнении. Людмила окончательно ожила, расцвела, стала похожа на ласточку, летающую в чистом небе. Однако то чувство, которого ждет каждая женщина, не приходило. И она вновь незаметно стала гаснуть. Пока у меня в кабинете не увидела блистательного Юрия Разина. Он ее и сразил...

— Я так понял, что у мамы до папы много лет никого не было? — осторожно спросил Витя.

— Несколько лет, я думаю... Мы тогда редко с ней встречались.

Это я сказала скорее для очистки совести, ведь я точно не знаю, как Людмила распорядилась судьбой того художника... Об их отношениях вообще мало кто знал. И слава богу.

— Мама... была с ним счастлива? — неожиданно спросил Витя.

— Мама была очень счастлива. Она вся просто светилась от счастья. Такое редко бывает с людьми... И она его не ревновала. У нее не было для этого причин. Хотя твой папа всегда был окружен женским вниманием.

— Да? Теперь давайте про него. Только всю правду-матку! Всю! А то я подозреваю, что вы несколько сглаживаете углы...

Так уж получилось, что все его любовницы и жены были из моего близкого и не очень близкого окружения. Сначала он увез в свой город нашу бухгалтершу Лиду — маленькую пышечку, похожую на пузатый самоварчик. Она оказалась очень ревнивой и быстро вернулась обратно, заняв в бухгалтерии свое прежнее место. Это был его первый брак. Второй его женой тоже была Лида, только уже из комитета народного контроля. Народная контролерша была хороша собой, тоже пышна и румяна, но характер имела чересчур властный, он узнал об этом, к сожалению, уже после свадьбы, и это ему не понравилось. Впрочем, расстались они по обоюдному согласию. Третья была врачом-невропатологом, мы сами познакомили его с ней на какой-то вечеринке. Клава вцепилась в него как клещ. Иногда мне казалось — еще немного, и с ней он перестанет дышать! Разумеется, это не могло длиться вечно...

— Четвертая, значит, была моя мама... А что стало потом с этими... Лидами и с Клавой? Они устроили свою жизнь?

— Как сказать... Первая Лида вскоре вышла замуж за главного редактора нашего телевидения, пожилого человека, и он вскоре умер. Ей осталась огромная квартира и все прочее. Думаю, она была довольна, так как любила не только считать деньги, к чему обязывала ее профессия, но и тратить их. Вторая Лида тоже вышла замуж — за немца, и сейчас живет где-то под Мюнхеном. Фотографии присылала — все у нее хорошо. А Клава долго была одна, недавно только сошлась с врачом из своей же поликлиники...

— А дети у них есть? Я готов к тому, что где-то существует братишка мой или сестренка.

— Детей не было.

— Может, он и расстался с ними потому, что у них не было детей?

— Может быть. Хотя та Лида, что в Германии, вроде бы родила ребенка.

— И что нам с вами все это дало? Пока ничего. А жаль...

— А уж когда родился ты... Ты сразу был похож на отца...

— А ведь я его помню... Представляете? Помню, как он смеялся! И маму помню...

Я говорила ему что-то еще и понимала, что в моей информации нет никакой зацепки, указывающей на причину гибели Людмилы. В том, что я скрыла ненароком — тоже нет. И надо мной вновь нависла эта тайна — черным облаком, грозовой тучей. Теперь, после разговора с маньяком, я уже точно знала, что ее убили не случайно...

Витя попросил меня как можно подробнее рассказать, где, как и кто нашел его умирающую маму. Это было несложно — в воскресный день на кладбище было полно народу, люди поминали усопших, ели, пили, разговаривали и даже пели. А потому, увидев, что Людмила упала возле могилы, ей тут же вызвали из райцентра «Скорую помощь». Но какой-то парень, поняв, что медиков она может не дожидаться, отвез ее на своей машине в поселковый медпункт, где она и скончалась. Человек двадцать видели лежащую на земле, потерявшую сознание Людмилу, но никто не заметил, что с ней было до этого, с кем она общалась.

— А свидетелей про это спрашивали?

— Думаю, да. Как же иначе? Кто-то ведь поминал с ней Юрия, дал ей выпить спиртное с ядом...

— Но ведь на это нужны не секунды, а хотя бы минуты. Убийц могли запомнить... А они этого не боялись... Почему? Странно все это, очень странно... Вот что. Мне надо туда поехать!

Я так и знала, что этим кончится! Как знала и то, что удерживать его бесполезно, что сама я на его месте тоже бы отправилась на место происше-

ствия. Даже не столько для того, чтобы обнаружить убийцу, сколько побывать в той обстановке, прочувствовать, что же случилось тогда с самым родным для тебя человеком... Может, и могила Юрия совсем заросла — он ведь еще перед женитьбой на Людмиле похоронил своих родителей. Была у него, правда, где-то двоюродная или троюродная сестра, да он, кажется, и сам не знал, куда ее забросила судьба — она, по профессии актриса, все путешествовала по городам и весям... По аналогии с этим словом я вспомнила, что ее звали Леся, и спросила о ней Витю. Нет, он ничего о ней не знает. Раз не объявилась, когда он был маленький, то теперь, верно, нет смысла и знакомиться. В его голосе на мгновение послышалась обида, но он тут же забыл об этом и вновь вернулся к своей идее — ехать, ехать! Но что он себе думает — ведь это опасно! Маньяк не зря намекнул, что дело там нечисто... что ли? А если тогда дело было нечисто, то почему сейчас оно окажется чистым? Да ничуть не бывало! Они устранили Людмилу, потому что делали что-то запретное, противозаконное, чего она коснулась каким-то боком — может, и не зная об этом. И где гарантии, что точно так же они не поступят с ее сыном, который попытается узнать правду. Времени, конечно, прошло много, тогдашние черные дела могли уйти в историю, и все же...

Так я и сказала Вите. А он, вместо того чтобы испугаться, пожалел, что не увиделся с моим маньяком... Хм... Может, мне устроить им свидание?

Но я не успела этого сделать...

ГЛАВА 6

Шли дни, а Витя все не появлялся. Неужели он уехал без моего благословения? Визит Валентины тоже затягивался. Маньяк не подавал признаков жизни, да я о нем и не думала. Фоторобот его все еще красовался на полицейском стенде, только там он был с другими волосами и без усиков, которые я имела счастье лицезреть. Я постоянно думала о Вите, о Валентине и, наконец, не выдержав, набрала ее номер. Но мне никто не ответил. Тогда я набрала телефон ее агентства, который, естественно, тоже знала наизусть. Автоответчик вежливо сообщил мне, что моя подруга находится в командировке. О том, где именно — ни слова. Ну и Валентина! Ведь обещала же приехать! Главное, без нее я не знаю, как звонить в поселок. Хотя... у меня же есть координаты полицейского чина, возглавляющего угрозыск родного города — Владимира Ивановича Комова! Найдя в телефонной книжке его номер и тут же набрала его. У полковника Комова была странная привычка — в любое время находиться на работе. Не изменил он ей и теперь. Конеч-

но, он меня узнал и сразу спросил, не показывался ли больше незванный гость. Это он про маньяка. Но я даже не помню, ответила ли ему, потому что сразу принялась рассказывать о Вите. Поселок, оказывается, был сейчас их, а раньше, когда убили Людмилу — наш, поэтому о ее смерти Володе ничего не было известно. Во-первых, он меня обрадовал, сказав, что Валентина поехала именно в Москву и вечером должна быть у меня. Во-вторых, призвал на время забыть про телефон и заверил, что они сами займутся поисками Вити Разина. Затем взял мой московский номер и велел терпеливо ждать.

И я вновь осталась в одиночестве, в сомнениях и терзаниях. Бедный Витя! Мало ему выпало испытаний в детстве, так еще та трагедия, словно злая ведьма, схватила его сейчас за шкуру, боясь упустить... Это я, я во всем виновата! Мне надо было убедить Витю не предпринимать никаких решительных действий до приезда Валентины! Вот где теперь ребенок? Что с ним? Одна надежда на Комова и на его помощника Осокина, Валя много про него рассказывала. Возможно, этот Осокин уже мчится в поселок. На кладбище, где Людмила нашла свою смерть...

Тут снова зазвонил телефон. Я рванула трубку и сразу же услышала взволнованный голос Владимира Ивановича:

— Сережа Осокин только что приехал из поселка. Передаю ему трубку.

— Слушаю вас, Сергей Ильич!

— Ну, так вот — был в поселке, заходил и на кладбище, попросил служителей провести к могиле Юрия Разина... Честно говоря, она здорово запущена... Но там — свежие цветы. Думаю, от вашего Вити... Однако его самого и след простыл. Ни в одной гостинице не появлялся. В поселке родня его дальняя осталась, седьмая вода на киселе, но у них он тоже не был. Кстати, если помните. Я — человек дотошный, поэтому обошел многих жителей, встретился с пожилыми людьми, живущими возле того дома, где этот Юрий родился. Вите, кстати, был известен этот адрес?

— Не знаю...

— Видимо, да. Так вот, недавно с ними разговаривал молодой человек, представившийся Витей Разиным. Сказал им, что не знает, как погибли его родители, и хотел бы об этом услышать... Ну, про отца они ему хором все рассказали — это же случилось на глазах у целого поселка! А вот про мать якобы никто ничего сказать не мог... Тогда ваш Витя попросил одного старичка, который признался, что помнит его отца еще маленьким, сходить с ним на кладбище. Пошли втроем — еще один сосед увязался. По пути взяли бутылку, там, на могиле, ее распили, и через некоторое время у одного из них, Николая Егоровича Волкова, язык-то и развязался. Он вдруг показал на дорожку возле могилы и сказал: «А мать-то твоя прямо тут вот

и лежала... Головой на север, как покойница... А ведь жива еще была» ... Это мне второй Витин провожатый передал, Степан. Парнишку аж затрясло, схватил он за руки этого Егорыча, и ну его трясти — говори, кто и почему его мать убил! Тут Волков-то сразу и протрезвел. И замолк. Потом незаметно ушел с кладбища. И сколько после этого Витя к нему потом домой ни приходил — глухо, дверь ни разу не открыл. Вот ведь как! Но я его все-таки достал...

— Кого? Витю?

— Нет. Витин след теряется на кладбище. Знаете, он ведь там и жил все эти дни. В сторожке. Но последний раз его видели там в воскресенье. Вроде бы уезжать собирался. Пошел снова на отцову могилу, а обратно в сторожку не зашел. Сторож очень удивлялся — такой, говорит, вежливый да обходительный, а не попрощался! Каждый вечер, говорит, с ним часами беседовали, Витя его даже в гости к себе в Москву звал...

— Неужели и адрес оставил?

— Нет. Не оставил. И этому старик тоже удивился.

— А достали вы, значит, того, Егорыча, который раскололся, было, по пьянке, да прикусил язык?

— Так точно! Но сразу честно скажу — старик он уже дряхлый и ни фига не помнит. Смутно что-то вспоминает и боится... И тоже говорит про какую-то бабочку, как и ваша Людмила перед смертью... А что там в прошлом было — сказать не может. Одно дал понять: из-за больших денег Людмила смерть свою приняла! И еще у него проскользнуло выражение — богатый человек...

— Но у Людмилы никогда не было больших денег!

— Может, она ждала какое-то наследство?

— Ерунда! Я бы об этом знала. И потом — наследство досталось бы Вите...

— Следовательно, она могла стать свидетельницей какой-то аферы... Кражи... Ограбления...

— Да, да, да! Вот это похоже на правду! Отсюда и надо плясать!

— Витю мы продолжим искать. Но он, скорее всего, объявится у вас. Позвоните тогда, сообщите!

— Обязательно!

И Сергей Ильич Осокин положил трубку.

Да... Не берись за дело, которое тебе не по силам! — сказала я себе. За смертью Людмилы скрывается что-то странное и, наверное, страшное, чего мне не разгадать, я переоценила свои силы.

Мои пораженческие настроения неожиданно прервал звонок в дверь. Я выскочила в коридор как ошпаренная — от страха, что это может быть маньяк, от радости, если это моя несравненная Валентина, и с трепетом посмотрела в «глазок» массивной железной двери... Возле обшарпанных дверей лифта стояла белокурая женщина с короткой стрижкой и с улыбкой киноактрисы — Валентина Васильевна Орлова. Я распахнула дверь и бросилась в ее объятия...

ГЛАВА 7

— Расскажи-ка мне поподробнее об этой Людмиле... — попросила Валентина, когда я рассказала ей обо всем, что произошло за последние дни. — Я для себя на двух вещах остановилась. Подпольный спирт — это не тайна для поселка, где каждый всегда знает, что у соседа варится на кухне. А вот если там замешаны наркотики... И если твоя Людмила каким-то боком коснулась этого бизнеса, и его представители почувствовали угрозу со стороны женщины — все, конец! Могли пойти на крайние меры...

— А вторая твоя остановка где?

— А вторая — в прошлом. Возможно, что-то тянется из ее прошлого... Могло быть такое?

— Да нет...

— Э-э-э, дорогая, и у самых добропорядочных женщин в прошлом бывают такие истории, что только диву даешься!

— Да ты что, Валя! Юрий — первый ее муж, а Витя — первый и единственный ребенок.

— Ладно, — вздохнула Валентина, — не с того бока заходим...

— Может быть, нам самим побывать в том поселке, а? Окунуться в тамошнюю жизнь, почувствовать людей, их проблемы, порасспросить, как и что было раньше... — предложила я.

— Да, конечно, это всегда помогает, если...

— Если — что?

— Если твоя Людмила действительно могла там чему-то помешать... На что-то такое наткнуться, к чему даже прикасаться было нельзя... А вот если ее смерть никак не связана с поселком... Ну, если ее готовились убить, следили за ее передвижениями и сочли, что на кладбище сделать это удобнее всего, тогда дело посложнее будет... Не могла ей таким образом отомстить какая-то женщина, любившая ее Юрия? Вспомни-ка...

— Да чего вспоминать! Его многие любили, были от него без ума. Но безумно влюблена в него была лишь одна девушка, она работала у нас

в библиотеке. Имя у нее очень необычное — Стелла... Она любила Юрия много лет. И когда он неожиданно женился на моей подруге, даже записала, ее чуть с работы не выгнали... Она надеялась, что он на ней женится... И очень злилась на Людмилу. Очень... Напивалась и говорила о ней всякие гадости...

— А где сейчас эта Стелла?

— Да где-то бродит. По родным просторам. Новый редактор пришел и уволил ее. Она куда-то исчезла, а потом мы узнали, что устроилась проводницей на московский поезд. Но, говорят, и там пила. Так что, может, уже и не трясется в вагонах.

— Как ее фамилия?

— Артеменко. Стелла Артеменко.

— С ней полезно встретиться еще и потому, что ревнивая женщина многое знает о мужчине, которого любит. Следовательно, она больше вас всех может рассказать о красавце Юрии, да и о твоей Людмиле тоже.

Валентина взяла лист бумаги и стала чертить на нем какие-то схемы, состоящие из имен, кружочков, стрелочек, квадратов и других геометрических фигур. Я знала, что таким образом она обозначает всех действующих лиц очередной драмы, их связи друг с другом, принадлежность к той или другой группе лиц и какому-то определенному делу. Такие геометрические изображения были весьма полезны — случалось, что они все расставляли по своим местам, и к причине преступления, и к самому преступнику оставалось лишь протянуть стрелочки... Валентина считалась лучшим частным детективом, и, конечно, она найдет эту Стеллу!

— Понимаешь, — подняла голову Валентина, — надо хоть за что-то реально зацепиться! А эта Стелла, думаю, даст нам не один факт. А там, глядишь, и Витя объявится со своей «добычей» — наш юный сыщик обязательно что-нибудь раздобудет... Или уже раздобыл... А потом мы, возможно, все-таки съездим в поселок... И еще у нас в запасе есть маньяк, который не только душит проституток, но и намекает, что ему известны некоторые штрихи, связанные с кончиной Людмилы. Причем намек тоже какой-то двусмысленный... Так ведь?

— Так...

— И потому я завтра иду на наш Ярославский вокзал — искать Стеллу. У тебя, как я поняла, завтра — день журналистики. Ты будешь сильно занята, не сможешь пройти со мной?

— Смогу...

— Стоп! Подожди, а почему бы нам не сделать это прямо сейчас? Еще семи нет...

— Я готова!

Но нашим вечерним планам не суждено было осуществиться, потому что мне неожиданно позвонил гость из московской полиции Эдуард, беседовавший со мной по поводу маньяка, и сообщил, что они только что «засекли» его возле нашего дома, и мне надо быть начеку. Как это понимать, я не знала, ведь у меня не было оружия, а потому передала трубку Валентине. Она говорила с Эдуардом недолго, а, закончив разговор, посетовала, что вечно попадает со мной в какие-то непредвиденные, незапланированные истории.

И в этот момент в моей лоджии что-то упало. Кажется, доска, приготовленная для того, чтобы застеклить это замечательное сооружение. Мы обе вздрогнули, а я перекрестилась — доска не могла упасть сама собой, ее уронил кто-то, кого мы к себе не звали.

Он появился за балконной дверью в своем голубом джинсовом костюме и, криво усмехаясь, спросил — я открою дверь, или ему придется ее разбить? Я вопросительно посмотрела на Валентину и, получив ее одобрение, открыла балкон. Этот страшный тип, этот убийца ввалился в комнату как-то боком, и, не удержавшись, стал падать, но, упершись рукой в пол, застопорил свое падение. Однако когда он сделал попытку подняться с пола, то у его носа оказался пистолет, и резкий Валентинин голос заставил-таки его лечь на пол и заложить руки за спину. Я же в это время благополучно выбежала из квартиры и позвонила от соседей в родную полицию по тому номеру, который дал мне Эдуард, и сообщила, что на горизонте появился маньяк. Мне спокойно ответили, что в нашем доме работает группа захвата... Я опять вышла в коридор. Кругом было тихо. Интересно, где же скрывается эта группа? И дождемся ли мы ее? На эти вопросы я не знала ответов...

Мне было совестно, что я так надолго оставила свою подругу один на один с убийцей, а потому быстро открыла дверь своей квартиры. Мизансцена там не претерпела изменений — маньяк по-прежнему лежал на полу, а Валентина торчала над ним немым укором с пистолетом в руках.

— Ну, где там эти козлы? — спросила она меня, имея в виду ментов.

— Да здесь, говорят. Но я не слышу и не вижу...

Тут маньяк поднял голову, посмотрел на меня во все глаза и вдруг тихо-тихо произнес:

— Наташ! Думаешь, я случайно к тебе пришел? Или ты, такая умная, меня вычислила? Да я же просто увидел родную физиономию... Я запутался... Мне надо было скрыться на время... На кого-то опереться...

Поговорить по-человечески... Но ты меня не узнала... А ведь когда-то... Руку свою покажи-ка...

Все это он говорил, не поднимая головы, лежа ухом на блестящем после недавнего ремонта паркете, а я думала о том, что маньяки — такие же люди, и, как все, могут сходить с ума... Но имя-то мое он откуда знает? И где эта чертова группа захвата? Спят они в нашем подъезде, что ли?

А между тем в комнате что-то изменилось. В нее проник какой-то лучик света. Это была Валентинина улыбка...

— А покажи-ка ручку-то... Правую.

— Сумасшествие — болезнь заразная, — напомнила я подруге, но, тем не менее, протянула ей обе руки.

— Да правую же, тебе сказали! — с досадой заметила она. — Какая же ты непонятливая! — И обратилась уже к маньяку: — Ну, борец за чистоту... телесную и душевную — под мизинцем, что ли?

— Угу. Как сейчас вижу.

— Жорка, мы квиты. Она тебя не узнала, но ведь и ты меня не узнал... Да Валя же я. Орлова. Из соседнего класса. Ты фехтовать меня учил...

Он кивнул, если это трение по паркету можно было назвать кивком.

А я тем временем нашла на своей руке шрам от перочинного ножика, которым Жорка случайно угодил в меня прямо в классе...

— Ты тогда даже не сказала матери, что это я, — тихо и как-то торжественно сказал маньяк. Жора. Георгий. — А теперь...

— А теперь времена изменились, и ты доживаешь здесь свои последние минуты, — безжалостно подытожила Валентина. — Ты ведь у нас теперь душегуб...

— Я — душеспаситель...

Наконец-то до меня дошло, я готова была закричать, но от неожиданности и страха голос практически исчез, и я прохрипела:

— Валя! Ты даже не представляешь, как тесен мир! Жор, вы жили в малюсенькой комнатке, и, когда умерла ваша родня в поселке и дом освободился, вы туда сразу и уехали... А потом твой отец убил мужа моей подруги... Круг какой-то замкнутый получается... А это правда ты? Тебя вообще трудно узнать... У Жорки татуировка была... По глупости... Самолет на груди... Летчиком хотел быть...

— А ну, летчик-налетчик, повернись-ка немного на бок, мы рассмотрим, — скомандовала Валентина.

Он качнулся, приподнял футболку, и мы увидели самолет с пятиконечной звездой на хвосте, готовый взмыть в небо...

— Господи, Жорка, и что же с тобой стало? — закричала я. — Что его ждет, Валь?

— Пожизненное. Смертную казнь у нас сейчас практически не применяют...

— Но как ты мог?! Как вообще это возможно?!

— В этих женщинах — все зло. Все зло мира. Разврат делает жизнь дешевой, а людей — несчастными. Мужчина, познавший проститутку, уже не сможет быть хорошим отцом и мужем... У него не хватит для этого нравственных сил... А женщина перечеркивает свое материнство... Или же рождает воспитанников детских домов для умственно отсталых...

— Но ты ведь знал, Жорка, что я все полиции рассказала... Так чего же пришел-то?

— Надоело одному... Дома у меня нет. По общагам скитался. Квартиру не мог купить — я ведь не грабил... В последнем общежитии что-то заподозрили, я — вещички в руки, и был таков. Нашел себе дачку без хозяина и жил там почти год... Так и говорил местным — хозяин, мол, попросил присмотреть... А потом там какая-то родственница объявилась...

В нашу дверь наконец-то позвонили...

— Валя, это они! Что делать?

— Как что? — медленно спросила Валентина, и я поняла, что ей вовсе не хочется так вот расставаться со своим бывшим учителем фехтования.

Я оказалась права.

— Сейчас тебя схватят, и это будет несправедливо, — обратилась она к Жоре. — Ведь ты сюда сам пришел... Чтобы потом явиться с повинной...

— Именно, — прохрипел Жора от волнения, что развязка близка.

— Ты, Наталья, открывай, а ты, Жора, вставай и иди сдаваться... Я оружие уберу — не увидят, что был под прицелом...

— Но он нам еще ничего не сказал про Людмилу, — пролепетала я.

— Открывай! А то дверь выломают!

Я пошла отпирать замок, а когда вернулась с оравой «захватчиков», среди которых, кстати, не было нашего Эдуарда, то застала в комнате лишь бледную как смерть Валентину. Маньяка Жоры след простыл...

— Господи, что это вы нас так напугали? — спросила пришедшая в себя подруга, стараясь скрыть свое волнение.

— Ну, и где же наш гость? — вопросом на вопрос ответил самый старший из ментов — наверное, руководитель группы.

— Да у меня не гость, а гостья. Женского пола. Вот, — зачем-то показала я рукой на Валентину.

— Извините, дамы, но мы шуток не понимаем, у нас с юмором плохо, — ответил он и приказал своим подчиненным: — Обыскать!

— А ордер у вас есть?

Это спросила Валентина, я бы не решилась.

— У нас все есть. И даже подозрение, что вы...

— Вот мои документы. А то вы сейчас наговорите лишнего, и нам всем будет неловко...

Старший внимательно изучил Валентинины документы, занес ее координаты в свою записную книжку и, попросив передать привет Владимиру Ивановичу Комову, с которым когда-то вместе учился в академии, спросил:

— А где он все-таки? Маньяк, я имею в виду. Вы подвергали себя такой опасности...

— Мы видели его... Он был в лоджии, заметил нас и куда-то скрылся... Думаю, ушел через соседние, они тут все не застекленные...

Старшему сообщили, что в квартире не найдено ничего подозрительного, и он со своей группой покинул нашу обитель, объяснив, что внизу оставил людей, они там встретят «дорогого гостя»...

— Валь, а куда он делся-то?

— Сама не знаю. Я только — пистолет в сторону, а он как сиганет в лоджию! Уверена была, что он пойдет сдаваться, ведь для этого здесь и оказался-то! Только, может, отчет себе в этом не отдавал... А сейчас либо затаится где-нибудь, либо им попадетсЯ, они уж на нем все зло свое выместят... Других жизни лишил, и у самого жизнь сломана... Черт, как все перевернуто в этом мире! Самолет-то у него на груди в облака летит... Вверх... А он — вниз...

Что и говорить, Жора прибавил нам проблем. А, главное, не помог продвинуться в нашем расследовании...

ГЛАВА 8

Владлен стоял за дирижерским пультом, и волны музыки несли его по течению — симфония звучала именно так, как ему хотелось. Он всегда был своеволен и самонадеян, и ноты, написанные даже великими композиторами, являлись для него лишь основой, перилами, на которые можно опереться, идя по лестнице так, как ему хочется. Он всегда видел и чувствовал себя соавтором, причем в этом соавторстве главенствующим. И вот сейчас скрипки передавали его тревожное ожидание чуда — сначала пассивное, без надежд и вдохновения, затем — все более и более уверенное, бескомпромиссное, эгоистичное, но какое сильное и прекрасное! Волшебства просто не могло не произойти... Как и в его жизни... Виолончель еще

печалится, контрабас еще сетует на судьбу, но ударные уже готовы торжественно возвестить победу! А потом тонкая флейта будет раскачивать его на волнах спокойствия и счастливого обретения... Ох, как он все это любит! И как ему повезло! Теперь он — корабль, плывущий к самым замечательным берегам... И ничто не может нарушить это плавание.

Был ли у него любимый инструмент? Был. Но он никогда и никому не признавался, какой именно. Мир всегда разделялся на благородных господ и дворню. Его любимица была из последних. Балалайка. И в его оркестре она присутствовала всегда! То есть он просто не работал над вещью, где не нужен был ее голос. И балалайка отвечала ему тем же. Господи, как он играл на ней «Выхожу один я на дорогу»!.. Его собственное сердце заходило от волнения и счастья...

Как же ему все-таки повезло! Им с Владой. Да, да, его жену зовут именно так. Может, это и подтолкнуло его к решительным действиям, в результате которых они уже давно вместе. Так что — не только Валентин и Валентина, Александр и Александра, Антон и Антонина и так далее, есть еще и они, Влад и Влада. Потрясающе! Он и она — прекрасная пара. Оба — высокие, ладные, модно одетые, едущие в собственном лимузине, устраивающие по утрам пробежки вокруг собственного дома, красиво играющие в теннис... Поженившись, они не представляли, чтобы часть своих чувств, внимания, заботы передать совместному творению — ребенку. Потому, наверное, он и не появился. Но теперь они оба этого страстно хотят... И где-то там, в недрах Вселенной, в какой-то заветной кладовой детских душ это должны понять и дать им возможность растить малыша... Он так на это надеется... Даже молится об этом по ночам... И знает наверняка, что она — тоже... Доходят ли их молитвы? А, может, это возмездие за его грехи? Но ведь их много у каждого человека... И он еще не перестал строить планы, как они будут жить втроем... Каждый новый год непременно станут встречать под Парижем, в собственном особняке, как и сейчас. Часть его он специально оставил пустым, не сдал внаем. Он бы вообще никого туда не пустил, но содержание дома обходится в огромную сумму, а где ее взять? Вообще-то прадед, о котором никто и не помнил, служивший когда-то вместе с генералом Корниловым — они происходили из одних мест, из казачьих поселений в казахских степях, вовсе не хотел, чтобы его гордый особняк достался Владлену. Отец Влада, видите ли, был ему не по душе. Своим наследником он пожелал видеть брата Гордея или его детей в равных долях. Так и написал в завещании. Старик был помешан на чистоте души и высокой нравственности и почему-то решил, что брат более отвечает его требованиям. Хотя толком не знал ни того, ни другого. Ни единого письма

братьям не написал. Видимо, имя Гордей ему нравилось. Гордое, старинное, русское. А главное — его собственное, ведь он тоже Гордей.

А Владлен как-то больше тяготеет к иностранному... Это матушка постаралась, в ней был тоненький ручеек французской крови. Потому что прадед — ее родной дед — был женат на француженке... Ее звали Ани — Анна, значит. Своего сына они называли Пьером — Петром, значит. Мать, Елена Петровна, рассказала ему с братом о своей родословной еще перед своей болезнью. Но ни о каких особняках и счетах в банке она не упоминала — видимо, просто не знала об этом, потому что во времена «железного занавеса», если кому-то грозило зарубежное наследство, то некие службы предлагали от него отказаться — нечего, мол, позориться перед Западом, мы живем хорошо, здоровье наше хорошее...

Брат не дожид до счастливого дня. То есть он узнал о готовящихся переменах, о предстоящей радости, но дождаться ее не сумел — погиб нелепо и странно... Он, Владлен, дожид... Он как сейчас помнит тот замечательный миг... И тяжелый... Он был на отдыхе, когда узнал об этом, и быстро вернулся в Москву. Ему позвонили из Инюрколлегии, представились, расспросили о брате и попросили прибыть с документами в это учреждение, которое иногда делает людей совершенно счастливыми. Документы перечислили, это оказался довольно внушительный список, и, поскольку брат жил не в Москве, Владлен отправился в его город собирать и заверять необходимые справки, свидетельства и так далее. Гордей, которого в кругу семьи звали Гордиан, слава богу, был одинок, детей не имел, и потому Владлен управился с его документами довольно быстро. Правда, в творческих кругах, где его тогда уже принимали как восходящее музыкальное светило и журналисты брали у него интервью, до него долетела одна неприятная новость... Никто ничего не сказал прямо, а так, шепотком, полунамекками... Ох, уж эти сплетни о Гордее! Он никогда не придавал значения подобным вещам. Однако — насторожился... И понял, что не сможет отказаться от счастья...

Наследство оказалось делом не дешевым. А очень даже дорогим. Чтобы стать владельцем французской недвижимости, надо было заплатить огромные деньги. Либо тут же продать особняк и жить на оставшиеся после необходимых выплат. Это тоже получилось бы целое состояние. Но он решил стать собственником, хотя денег у него не было. Зато у Влады они имелись. Вернее, у ее родителей. Они все поняли, и наличие больших денег у тестя и тещи никак не помешало семейному счастью молодых — эти деньги прекрасно соединились с французским домом, где и они, и родители Влады очень любили отдыхать. Ну, разве можно было все это потерять?

Репетиция подходит к концу... Еще несколько дней — и симфония прозвучит для зрителей... И в концертный зал придут Влада с тещей — тесть немного приболел. Они будут смотреть ему в спину и ощущать его полет... Ну, разве мог он лишиться этого себя и их?

А та дурочка так и не узнала, с кем была знакома... Потом-то услышала бы, непременно! И не осталась бы этакой голубкой невинной... А, может, и рукой бы не пошевелила, и головы бы не повернула в его сторону? Ага, жди. Набросилась бы как ворон... Ведь все дело в количестве. В сумме. Большая — сводит с ума, и человек плохо владеет собой, становится непредсказуем... Нет, он все тогда правильно решил... Главное — так все замечательно совпало... Только вот инструмент пришлось сменить — балалайка явно не подходила для этой опрометчиво поступившей дамочки...

Труба заголосила так звонко, словно засмеялся ребенок... У него мурашки пробежали по коже... Возмездие... Ничто на этой земле не остается незамеченным...

ГЛАВА 9

На вокзал мы с Валентиной пришли рано утром, к приходу нужного нам поезда. То есть это мы планировали попасть к приходу, но в столь раннее время с транспортом в Москве напряженка, и, пока мы от троллейбусной остановки пробирались на платформу, большинство пассажиров уже покинуло вагоны и растеклось по еще тихим и пока чистым улицам. Начальник же поезда, приятный мужчина лет сорока, был еще на месте. Вначале мы с Валентиной решили обойтись без всякой официальщины — ищем, мол, заблудшую овечку, родную подругу, хотим помочь ей, наконец, вылечиться от алкогольной зависимости и найти правильный жизненный путь... Он слушал нас вежливо и даже с улыбкой, только было непонятно, почему эта улыбка появилась на его лице — то ли от недоверия к нам, то ли от нашей решимости вылечить пьющую даму. А когда мы закончили свою речь, он все с той же улыбкой заметил, что озаботиться судьбой Стеллы нам бы следовало несколько раньше, и, поскольку он долго терпел ее выходки, терпению этому все-таки пришел конец, и теперь ему совершенно неизвестно, где она может находиться. Видя наши унылые физиономии, начальник поезда прибавил, что, возможно, местонахождение нашей знакомой известно ее напарнице, и указал нам номер нужного вагона.

Напарницу мы застали за укладыванием грязного белья — она прессовала его в мешки. Но эта женщина, в отличие от начальника поезда, проигнорировала все наши объяснения и наотрез отказалась что-либо сооб-

щать о Стелле. Пришлось Валентине показывать ей свои документы. Но это только ухудшило положение.

— Ишь! Может, там какие-то разборки криминальные... Может, ее кто подставил... Нет уж, не дождетесь от меня ничего, пусть поживет спокойно... У нее и так вся жизнь загублена...

Тогда я, сделав Валентине знак замолчать, приступила с другого бока.

— Понимаете, дело не в разборках. Поверьте нам. Тут вот какая история... Много лет назад Стелла была влюблена... Нет, я не так говорю, простите! Стелла много-много лет любила одного журналиста...

— Да? И кого же? — оставив белье и сев напротив меня, спросила проводница.

— Юрия Разина.

Конечно же, она это знала! И улыбнулась. И прошептала:

— Да, да... Его...

— Она вам, наверное, рассказывала, что его убили...

— Да...

— А через год убили его жену... Людмилу Разину...

— Как — убили? И ее тоже? Но Стелла этого не говорила...

— Она не знала. И вот теперь вырос их сын Витя...

— Да... Витя... Знаю... Стелла часто про него вспоминала. Мечтала, что когда-нибудь сможет его усыновить... Но это были пустые разговоры, вы же понимаете... Она сильно пила...

— Мы знаем. И вот теперь Витя очень хочет с ней встретиться, поговорить.

— А зачем?

— Познакомиться. Вспомнить об отце. Валентина Васильевна Орлова, частный детектив, хочет докопаться, кто и за что убил Людмилу... Витя ее очень об этом просил... Он тоже участвует в расследовании. И хочет знать как можно больше о жизни отца, о его друзьях, его привычках, увлечениях. А кто это и может знать, как не Стелла! Возможно, что-то и прольет свет на преступление...

— Возможно... Надо же, Витя вырос! Она, конечно, будет рада... А... он не бандит какой? Парень-то хороший?

— Парень — замечательный! Умница. В Москве живет. В конструкторском бюро работает. Пожалуйста, дайте нам Стеллин адрес, мы сразу же туда поедем...

Проводница тяжело вздохнула, как перед прыжком в воду, и ответила:

— Я ведь Стеллу люблю и не хочу, чтобы у нее были неприятности. Она здесь сейчас, в Москве. Да, да, не удивляйтесь. У нас в городе для нее

работы нет, там все обо всех знают. А тут устроиться проще простого. Она тут торгует. Только еще не знаю, где. А живет у женщины, с которой случайно в нашем вагоне познакомилась. Одинокaя баба-то. Ночь у нас ехала, да с сердцем все маялась, бедная, так Стелла от нее почти и не отходила... Москвичкой больная оказалась, вашу подругу к себе пригласила, а потом и уговорила ее пожить в столице. Так что напарнице моей бывшей повезло...

— Так у вас и... адрес есть? — с волнением спросила я, потому что просто не ожидала такой удачи.

— Конечно. Записывайте. Она живет на улице Судакова, это в Люблино...

Проводница продиктовала адрес и даже посоветовала, до какой станции метро лучше ехать. Чувствовалось, что сама она была там не один раз... Мы поблагодарили ее и попросили никому не рассказывать о цели нашего прихода — для Стеллиной и ее, проводницы, безопасности. Но она и без нашей просьбы прекрасно все понимала. Когда мы уже выходили из вагона, она неожиданно спросила, куда мы сейчас направляемся, и, узнав, что в редакцию газеты, где я время от времени публикуюсь, попросила номер телефона кабинета, в котором мы будем находиться. Я удивилась, но она загадочно сказала, что вдруг вспомнит еще что-нибудь нас интересующее, и тогда непременно позвонит. Я оставила ей телефон компьютерной, так как в редакции должна была набрать очередную статью — дома-то у меня компьютера не было, я старалась держаться подальше от всякой техники, и от мобильных тоже. А поскольку я точно знала, что Стелла без меня не будет разговаривать с Валентиной, то подруге пришлось отправиться вместе со мной. И не напрасно. Как только я включила комп, который здесь всегда предоставляли в мое распоряжение, а Валентина уселась за свои загадочные схемы, разложив их чуть ли не по всему столу, раздался телефонный звонок. Валя взяла трубку, так как в комнате кроме нас никого не было, и почти тут же передала ее мне:

— Это тебя...

Я удивилась, потому что никому не докладывала, куда иду, и не давала этот номер. Никому, кроме проводницы. Но оказалось, что это была именно ее работа, потому что я вдруг услышала голос Стеллы:

— Натэлла! Мне сейчас позвонила Лина... Ну, напарница моя бывшая, вы недавно с ней разговаривали, где-то час назад, и все рассказала... Я очень хочу с тобой встретиться. И с твоей спутницей... Вы можете прийти ко мне прямо сейчас? Или я к вам подъеду... Дело в том, что мне через три часа на работу надо отправляться. Я торгую на другом конце Москвы.

— Где?

— В Лианозово...

Надо же, я сто раз была на этом рынке, но Стеллы никогда не видела.

— А что ты там продаешь?

— Да тряпки всякие! Ну, так что решили?

— Мне надо договориться с редактором...

— Договаривайся, и звони мне! Запиши номер...

Надо же, у нее и телефон есть.

Я выговорила себе день, то есть перенесла редакционные дела на завтра, и мы с Валентиной убедили Стеллу подъехать к нам, так как находились как раз по пути в Лианозово. Договорились встретиться у метро и расположиться в каком-нибудь сквере. Чувствовалось, что Валентина много ждала от этого разговора — больше, чем я. И сама Стелла наверняка виделась ей кладезем событий и фактов, среди которых обязательно найдется тот, что хранит загадку Людмилиной смерти. Что ж, это вполне возможно...

Стелла всегда одевалась чисто, аккуратно и со вкусом. Но сейчас она превзошла все мои ожидания — в великолепном теплом костюме канаречного цвета выплыла из метро, гордо окинула взглядом окрестность и размеренно направилась в нашу сторону, но, не выдержав, вдруг раскинула руки для объятий, бросилась ко мне бегом и повисла у меня на шее... Мне показалось, что она плачет.

— Теля, милая... Ну, перестань же, не надо, — уговаривала я ее, чувствуя, что мое плечо становится горячим от слез бывшей сослуживицы.

— Все, все!.. Не буду. Мне так хотелось увидеть кого-то из наших... Так хотелось... ..

Мы уселись на скамейке недалеко от волейбольной площадки, и я рассказала Стелле о своей неожиданной встрече с Витей, о его решении узнать всю правду о смерти матери, о Валентине, которая пытается в этом помочь, и о своем скромном вкладе в это расследование.

— А я ведь не знала, что Людку... убили... Отравили, говоришь?

— Предположительно.

— Я вам предлагаю, девочки, — вмешалась в разговор Валентина, — вспомните какие-то эпизоды, причем как можно больше, которые бы характеризовали Людмилу, Юрия, их отношения, их жизнь, их друзей и врагов, если таковые были. Проблемы этой семьи. Что они оба любили, чего нет. И постарайтесь рассказывать так, словно все это происходит сейчас... Словно вы все это видите перед собой...

— Хорошо... Но только я не знаю, с чего начать... — кивнула Стелла.

— Начни хотя бы с того, как ты познакомилась с Юрием...

— Я его увидела в своей библиотеке. Он подшивки газетные пришел посмотреть... Посчитал, сколько у него полос вышло, и пожаловался мне, что мало заплатили... Я ему посочувствовала. Чаю с вареньем предложила... с барбарисовым... Он так меня благодарил... И руку жал... И целовал... Руку, руку целовал! А потом я все про него разузнала... Валентина! Можно вас называть без отчества?

— Можно.

— Я все о нем разузнала... вот у нее! — и Стелла показала на меня. — Наталья наша так много о нем знала, что это даже казалось подозрительным. Мне. Потому что я его уже страстно любила. Сама над собой смеялась. И себя жалела...

— А он... отвечал как-то на ваши чувства? — спросила Валентина.

— Отвечал. Говорил, что мечтает о верной, понимающей жене... И что ему страшно не везет в личной жизни... И потому, когда он разошелся со второй женой, я думала... Даже звонила ему тогда по межгороду, намекала, что жду... Но он так быстро снова женился... И стал мне казаться каким-то несерьезным... Я остыла немного, но все равно ждала... Он когда приезжал к нам, всегда приходил в библиотеку и все-все мне рассказывал. Что пишет, о чем, хвалят его или ругают... И всегда говорил, что отдыхает со мной душой...

— А когда он в третий раз разошелся, вы не делали попыток как-то с ним сблизиться?

— Делала, Валентина. Я к тому времени уже поняла, что мне без него не жить. Делала я попытки. И даже ездила к нему... В соседнюю область...

— Это когда тебя в командировку посылали полосу обменную отвезти, что ли? — удивленно спросила я.

— Да... Я отдала ему материалы, и мы пошли... в ресторан! Он меня пригласил... И там руки целовал...

— А... потом? Что потом? — Кажется, мой голос на этом вопросе задрожал.

— А потом были суббота и воскресенье, которые я провела у него!

— Ты врешь! Не может быть! Ведь к тому времени он уже познакомился с Людмилой!

— Да, познакомился, и я об этом знала! Но вы все не видели того, что видела я! Вы не знали главного! Тогда Юре было не так важно, я это или она... Не исключено, что был кто-то еще кроме нас двоих... И я его понимала... Не ревновала... Потому что ему надоели его пустые жены! Ему нужен был... ребенок! Ре-бе-нок! И я уверена, что он решил для себя — кто от него забеременеет, на той он и женится! Но я не сумела поступить так, как Людка! Она ошалела от любви и пошла на все!

— Теля, ты опять за свое? И тебе не стыдно?

— А почему мне должно быть стыдно? Я вела себя по-честному, никому очки не втирала... Лапшу на уши не вешала... И я хотела открыть ему глаза, хотела! Но он был таким счастливым...

— Хотела... Да ты и пыталась открыть! Помнишь тот вечер? Юбилей газеты? Ты напилась и такое стала молотить... Мы тебя вытащили в коридор, а потом увели домой...

— Я не помню... Ты ведь говоришь — напилась... Значит, не помню... А чего, я прямо и имя назвала, что ли?

— Стелла, вот вы сказали, что Людмила пошла на все, — вмешалась в нашу перепалку Валентина. — Чтобы завоевать Юрия, я так поняла. Следует ли думать, что она, не желая ранее связывать свою жизнь ребенком, решила во имя этой любви все-таки родить малыша?

— Да. Конечно. Думать так следует, — ответила обескураженная Стелла. — Но тогда был маленький такой нюанс... То есть не такой уж он и маленький... И даже очень большой... А заключался он в том, что Юрий по всем признакам... не мог иметь детей! Все его три жены не смогли забеременеть... И не собирайся даже спорить со мной, ты ничего не знаешь!

Это она — мне, разумеется. Да знаю, знаю я про его операцию, которая была сделана еще в детстве. Я спрашивала у врачей, могут ли быть плохие последствия, в частности, бездетность, и мне отвечали — да, могут. Но могут и не быть... Похоже, Стелла знает больше, чем я думала...

— То есть вы, Стелла, хотите сказать, что Людмила забеременела не от мужа, а от другого мужчины? — осторожно спросила Валентина.

— Как в анекдоте про чукчу: все для блага человека, все во имя человека! Мы даже знаем имя этого человека! — с усмешкой ответила Стелла.

— И... какое же у него имя?

— Гера. Не знаю уж, как там полное, а только друзья его звали Герой. И она выбрала его не случайно... Не такая она была простушка, эта ваша Людмила. Пусть земля ей, конечно, будет пухом, но...

Я прекрасно знала, о чем она будет говорить дальше, потому что сама думала об этом сто пятьдесят раз. Дело в том, что наш товарищ, который так подозрительно покончил с собой, однажды написал про самодеятельного художника — он откопал его в каком-то безвестном учреждении, и обозвал его творчество наивным искусством. Вслед за статьей у нас появился и герой публикации — интересный молодой мужчина, но с некоторым тормозом в голове. Расценив статью как признание его необычайных талантов, он стал требовать к себе особого внимания, организации своей выставки, денег, в конце концов! И он был необычайно похож на Юрия Раз-

ина, которого я безмерно ценила. Похож внешне. Впечатление было такое, что их слепили из одного и того же материала. Мне очень хотелось познакомиться мужчин друг с другом, но этого так и не случилось. А вот Людмила видела у меня его не раз и признавалась, что ей нравятся работы этого якобы наивного товарища. Он был не лопух и сразу же положил на нее глаз, тем более что тогда она уже блистала на телевидении. Но куда там! Она и ухом не повела...

Но все могло перемениться, когда Людмила увидела Юрия. Когда разузнала о нем самое главное. Сразу же, не раздумывая — колебаться было некогда, она могла обратить свой взор на этого Геру. Придти к нему, заморочить ему мозги... Дать понять, что она сто лет мечтала об этом моменте... А потом разыграть горькую досаду — ах, как я ошиблась, да я вовсе этого и не хотела, или расстаться с ним с тихой тоской в глазах — дескать, такие обстоятельства, они не дают нам быть вместе... Да мало ли что можно придумать!

Но одно дело — внешнее сходство, и совершенно другое — привычки, повадки, психология, весь мир, который переходит к ребенку от родителей. Людмила прекрасно это понимала и для начала могла учить малыша, как две капли воды похожего на отца, каким-то его привычкам, явно бросающимся в глаза — Юрий, например, по-особому складывал руки на груди, и маленький Витя, я заметила, года в три стал делать так же... Это ей нужно было для надежности. Если я вообще мыслю в правильном направлении...

— А ты, подруга, про это знала? — повернулась ко мне Валентина.

— Знать я не могла... Предполагала... Но я не понимаю, какое это имеет отношение...

— Может, и никакого. Просто надо как следует отработать это предположение... Окружить его людьми и фактами... Этот Гера... Он так и живет у вас в городе?

— Он погиб, — сразу ответила Стелла. — Утонул. Причем давно. Можно сказать — Людмила отправилась вслед за ним...

— Это уже становится интереснее... Конечно, такое обстоятельство может быть простым совпадением, но... А у него были родные, близкие?

— Вот тут я точно ничего не знаю... Жил он один...

— А работал где?

— Сначала — в музее какой-то фабрики, которая принадлежала раньше Савве Морозову, а потом — в городском музее... Экскурсоводом вроде...

— Стелла, а вы действительно верите в то, что говорите?

— Я не верю... Я знаю...

Господи, что-то она сейчас ляпнет! Валентина молчала, ожидая продолжения. Я — тоже.

— Тогда я еще не пила... А тут как раз Новый год был... И я этого Геру встретила на площади. Подошла к нему и говорю — ну, как, младенца-то, мол, навещаете? Он прямо онемел, уставился на меня и спросил, какого младенца, а потом добавил, что я его с кем-то спутала... А у самого, гляжу, колесиики-то в башке крутятся... Ну, я ему расшифровала все про младенца...

— И не стыдно было, а?

— Да стыдно, Натка, стыдно... Теперь-то уж чего говорить...

— И как же он прореагировал? — прервала наш нравственный спор Валентина.

— Понимаете, он удивился, но как-то не очень убедительно... Мне показалось, что он подозревал о младенце... То есть что Витя может быть его сыном... Покраснел даже... А потом Людка меня встретила, она ведь часто домой приезжала... Сама ко мне подошла и посоветовала не встречать в их жизнь со своими идиотскими подозрениями... Так и сказала. Я поняла, что Гера у нее пытался узнать правду-матку... Но это еще не все... Людка ведь в одном районе со мной жила, помнишь? Одна поликлиника, одна женская консультация... Я туда, когда с Юрой встречалась, часто ходила — консультировалась у врачей, как лучше себя вести, чтобы ребеночка заиметь... Попутно со всеми там перезнакомилась, и с девочками из регистратуры — тоже... И вот однажды я туда зашла, когда Людка уже родила... Она ведь домой рожать-то приезжала... В регистратуре Сонечка дежурила, и ей надо было куда-то смыться... Я предложила — дай, говорю, за тебя тут посижу, ты только мне скажи, что и где. Посетителей как раз не было, она меня и оставила. Я тут же карточку Людкину нашла... И там была указана группа крови отца и матери ребенка... У матери — третья, у отца стояла четвертая... А у Юры-то вторая группа, я это точно знаю! А вот у недоноска этого наивного действительно четвертая... Он мне сам сказал, я спрашивала...

— Понимаете, Стелла, что меня поражает — вот и вы, и Наталья догадывались об этом... сложном явлении в жизни Людмилы... Не исключено, что и еще один-два человека, а, может, и больше задумывались о том же самом... И при этом сам Юрий был в полном неведении... Ну, не младенец же он! Прекрасно знал о последствиях своей операции... Как это все сопоставить?

Стелла задумалась, а потом рассудительно заявила:

— Ну, во-первых, во врачебном заключении было «окно», то есть при определенных обстоятельствах дети могут и быть... И он в это свято верил, говорил мне, что чувствует свое продолжение, что оно, это продолжение, должно вот-вот появиться... А потом, не забудьте, он был красив, хорошо сложен и всегда чувствовал себя героем дня! Ему, думаю, и в голову не приходило, что кто-то может его в этом плане обойти!

— Он привык одерживать победы над женщинами, и тут у него выработалась определенная психология, — вставила я. — Психология непобедимого... Думаю, ему и правда не могло даже присниться то, что сделала Людмила... Если она, конечно, это сделала...

Валентина приготовилась задать следующий вопрос — их, наверное, у нее был еще целый мешок, но тут Стелла схватилась за голову и заявила нам, что опаздывает на работу. Нам ничего не оставалось, как проводить ее до входа в подземку и договориться о следующей встрече. Стелла упорхнула от нас все с тем же гордым видом...

ГЛАВА 10

*Эх, уеду — друзья, прощайте!
И простите, если чего!
Сердце бьется, рвется на части —
Не увижу ведь никого!*

*И не вляплюсь в грязь, заплавав,
Не услышу отборнейший мат.
Не увижу, как в мусорных баках
Копошится электорат.*

*Под Парижем есть домик беленький.
Там давно уже ждут меня.
Но под Галичем и под Нерехтой
Вечным сном спит моя родня...*

Влад перевернул страницу, но дальше почти все строчки стихотворения были перечеркнуты. Однако ему удалось разобрать, что там говорилось о желании быть птицей, которая рифмовалась с заграницей. Надо же, он и не подозревал, что Влада пишет стихи... И кто бы мог подумать, что для нее понятие родины имеет такое глубокое значение... Конечно, он полагал, что Влада, химик по профессии, умна, неординарна, но относился к ней как к собственному приложению. Как к своему обрамлению, ибо достиг творческих высот. А она, возможно, и не придавала им особого значения. Жила в собственном мире — науки и поэзии. И, верно, считала своим приложением его, Влада... И особняк под Парижем, который она скромно обозвала домиком. Да... Тут есть о чем подумать, и это ему не очень нравится...

Он решил поскорее убрать этот оказавшийся в его руках листок, аккуратно положил его на прежнее место, но, когда торопливо задвигал ящик

стола, кончик листа высунулся наружу и торчал, как уголок носового платка из кармана, и на обратной стороне этого уголка он увидел четко выведенное имя своего брата — Гордей. И знак вопроса. Он вновь вытащил лист. Имя было написано под первой строфой стихотворения, а не заметил он его сразу потому, что эти буквы с вопросом располагались вверх ногами. Странно... Это почему же она в своих поэтических исканиях вспомнила вдруг его брата, которого никогда и не видела? Во всяком случае, он так думал. Что-то тут есть...

Неожиданно Влад решил позвонить теще, они с самого начала хорошо понимали друг друга. Она была дома и очень обрадовалась возможности пообщаться с зятем. Он наговорил ей массу комплиментов по поводу нового платья, в котором она была на концерте, а потом как бы ненароком заметил:

— Наверное, вам будет приятен и комплимент в адрес вашей дочери... Она пишет замечательные стихи...

— О, да, да, но сейчас, думаю, это бывает с ней редко... А вот в юности... Вашему брату ее стихи очень даже нравились...

— Какому... брату? Гордиану?

— Ну да.

— О, да, я... я забыл, что они были знакомы. Влада как-то никогда не акцентировала на этом внимания...

— Ну конечно. Ей, думаю, как-то и неловко было это делать... Ведь она была им увлечена... Знаете, этакое чисто детское увлечение — мастером... художником...

— Вот как?

— Э, да вы плохо смотрели картины вашего брата! Ведь он ее рисовал...

— А Влада не собиралась замуж за моего брата? Уж раскройте мне, непосвященному, эту тайну, если сия была...

— Сией не было, — в тон ему ответила женщина, уловив его раздражение. — Не собиралась. Они были друзьями и поклонниками одного и того же искусства, то есть им всегда было о чем поговорить. А насчет того, о чем вы спросили... Он был влюблен в другую женщину — замужнюю...

— Хорошо, хорошо... Извините меня и не обижайтесь, ради бога...

Однако ему показалось, что теща закончила этот разговор в некотором недоумении... Ну да бог с ней.

Влада редко употребляла духи, но сегодня утром их тонкий аромат протянулся за ней по всей прихожей, и, верно, по всему подъезду. Вот и сейчас Влад ощутил этот приближающийся к нему запах... Жена вошла — здоровая, розовощекая, сияющая, и он вдруг понял, что выдаст себя с головой, если начнет разговор о стихах. Надо сделать это как-то иначе...

— Владенька, я так тебя ждал, — неопределенно начал он. — Ты знаешь, я всегда хочу тебя видеть, а сегодня как-то особенно...

— Вот почему я так спешу домой... Никогда нигде не задерживаюсь... — с улыбкой ответила жена.

— Да, да, я это знаю. И вообще я всегда думал, что мне известно о тебе все. А оказалось, что нет. Я как-то упустил тот факт, что ты была знакома с моим братом...

— Да... была, — несколько монотонно ответила она, выдавая этим свое волнение.

— Хм... Но ты мне ни разу об этом не говорила...

— Господи, да я как-то думала, что ты знаешь... А почему я должна была об этом говорить?

Все. Она уже взяла себя в руки, и теперь бесполезны любые его вопросы, бьющие по чувствам.

— Брат был личностью... Многие смеялись над ним. Особенно после того, как в газете его творчество обозвали наивным... Но у него были свои взгляды на мир, людей, и он не менял их ни под чьим влиянием... Он был не из стада.

— О, да! Я с тобой согласна. Он был сам по себе. Одиноким, наивным и непонятым... Да, да, не искусство его было наивным, а он сам... Как ребенок...

— А где вы познакомились-то?

— В музее. Я на первом курсе в институте училась, и у нас был коллективный поход в музей. А там висел гобелен — я уж не помню, из какой эпохи. А Гордей как раз стоял возле этого гобелена и рассказывал, что он из себя представляет. Я слушала, разинув рот, и он, заметив это, подошел ко мне. Так вот и познакомились.

— А... где вы с ним потом встречались?

— Ну, он... заходил ко мне в институт... И на улице встречались... И дома он был у нас однажды — его мама пригласила посмотреть наши картины...

— Ты была в него слегка влюблена?

— Влюблена? Да нет, Влад... Думаю, что нет... Но мне было с ним очень интересно.

— А со мной? Со мной тебе бывает так же интересно?

— С тобой? Господи, о чем ты спрашиваешь! Да один взмах твоей руки, когда ты стоишь за дирижерским пультом, делает настоящие чудеса! Ты — волшебник, ты — такой талант, без которого жизнь лишится многих своих красок... Слушай, а что ты так расстроился? Из-за чего? Устроил мне настоящий допрос... Я думала, что заслуживаю твою любовь... Твое доверие...

После этих слов он успокоился окончательно, иначе и быть не могло, но все-таки решил, что отныне ему лучше всегда быть начеку... Потому что

каким-то двадцать пятым или пятидесятым своим чувством улавливал таящую опасность... Какую именно, он не знал, но она, несомненно, была связана с воспоминаниями о брате...

ГЛАВА 11

На следующий день я по своему графику должна была быть на работе и, позвонив Валентине, договорилась, где мы с ней встретимся. Проходя через сквер и наслаждаясь опьяняющим ароматом зелени и цветов, я неожиданно услышала за спиной знакомый голос — Витя! Он, видимо, наклонился надо мной и говорил почти шепотом:

— Пожалуйста, не оборачивайтесь... Я тут делаю вид, что шнурок развязался... Потому что думаю, что за мной следят... Давайте вместе решим, где нам встретиться... Так, чтобы побыстрее...

Моя застывшая поза оставалась прежней, но ставшее вмиг иным состояние позволяло гражданам спокойно проходить мимо, не залезая в свои кошельки.

— Наклонись ниже, — попросила я его, чтобы не надрывать, давая инструкции.

Он выпрямился за моей спиной, сделал шаг и тут же склонился над шнурком на другом ботинке.

— Слава богу, жив! Я так рада! Испереживалась вся, — говорила я себе под нос, чтобы никто не мог заподозрить нас в знакомстве друг с другом.

Бросив на Витю всего один мимолетный взгляд, я поняла, что ему здорово досталось — одежда его была сильно обтрепана, словно он убежал от своры собак, лицо и руки — грязные, причем, не мытые, видимо, не один день. Автостопом, что ли, добирался? Или в товарном поезде на куче угля? Но почему? Уловив возле торговки цветами легкую походку Валентины, я, как могла, объяснила Вите, что ему немедленно надо к ней подойти, но лучше — так же незаметно, как и ко мне, и отправиться в мое московское прибежище. А я постараюсь вернуться как можно быстрее. Витя все понял, как ни в чем не бывало, прошел вперед и свернул за церковь, а Валентина, поймав какую-то машину, попросила водителя ехать туда же... Проезжая мимо меня, она выразительно помахала перед собой ключами от моей квартиры, давая понять, что они будут ждать меня там.

Я постаралась как можно быстрее покончить со всеми делами на работе и поспешила домой.

Валентина хлопотала на кухне, а Витя отмокал в ванной, прихватив туда спортивные штаны и футболку хозяйки Лизы, найденные подругой в шкафу.

— Мы пока ни о чем не говорили, — проинформировала меня Валентина.

Когда Витя вышел из ванной, весь сияющий, причесанный, а, главное, живой и здоровый, я готова была его расцеловать!

— Наконец-то я чувствую себя человеком, — от души воскликнул он. — Ну, и приключения я нашел на свою голову!

Втроем мы уселись за стол, однако еда стояла только перед Витей. Валентина же разложила свои неповторимые схемы, приготовившись изображать на них новые геометрические фигуры. Я тоже положила перед собой бумагу и ручку, чтобы записать свою гениальную мысль или догадку, если таковая меня посетит. Вите, очевидно, было не до еды, и он тут же начал свой отчет:

— Я ничего не понял, поэтому мне трудно рассказывать... Но я четко выделил для себя три момента... Три... Сейчас...

Витя достал из кармана заранее приготовленный и сложенный раз в восемь листок, развернул его, и мы увидели там схемы, подобные Валентининым! Ну и ну! Подруга моя улыбнулась.

— Первый момент. Многие в поселке помнят моего отца, да и маму тоже. И, как я понял, ее смерть не вызвала у людей подозрений... Сердечный приступ... Второй момент — это то, что за мной там следили. Определенно. Даже когда я был на кладбище, на могиле отца. А третий — вы сейчас упадете от смеха! Меня приняли за наркокурьера — видимо, я появился на кладбище в условленное время в условленном месте — и сунули мне в карман пакетик, заявив, чтобы я действовал, как всегда, и что маршрут тот же. Дойдя до ворот, хотел к полицейским подойти, их там двое было, да побоялся, что в спину выстрелят... Ну, те, кто мне пакетик презентовал... В то же время подумал — а вдруг эти менты здесь неспроста, а за наркотой охотятся? Тогда и меня запросто могут обыскать... Я развернулся и пошел обратно к могилам. Вдруг слышу — кто-то мне шипит чуть ли не в спину, что идти надо тем же маршрутом, что я отклонился... Тогда я сделал вид, что мне просто необходимо было отойти, поправить кое-что на брюках, и тут же снова вышел на дорожку. Иду и думаю — вот влип! Трава, и кусты кругом, но все равно эту гадость не выбросишь... А впереди — газетный киоск и церковная лавка. Тут мне пришла в голову мысль... Подошел к киоску, показываю киоскерше на журналы и прошу показать.левой рукой жестикулирую, будто я левша, а правой в это время пакетик прямо в кармане осторожно беру носовым платком, чтоб следов своих не оставлять, и пока киоскерша увлеченно рассказывает мне о какой-то статье, доставая это чтиво с самого верха, благополучно пристраиваю пакетик под кипу газет. Журнал я все-таки купил, чтоб не было подозрений, и тут же

«сделал ноги». Видимо, они должны были проследить за мной какую-то часть пути. Я это просек. Перед воротами цветы продавали, а за цветочницами — машины. Одна как раз тронулась в путь. Я подскочил, сунул водителю деньги, говорю, подвези до города — он вмиг дверцу открыл... Мы так с места сорвались, что тормоза взвизгнули. Это, видимо, вызвало подозрение, я просто перестарался. Короче, оглянулся — а за нами машина мчится. Может, к тому времени они уже поняли, что ошиблись, всучив мне пакетик. Наверное, настоящий курьер пришел... И тут как раз — поворот. Лес с обеих сторон. Я уговорил водителя притормозить, кинулся в кусты, а он дальше помчался. Те, что гнались за нами, мимо меня просвистели... Я пошел не в город, а на станцию, чтобы сесть на электричку, добраться до Данилова или до Ярославля, а оттуда уже на поезде — в Москву. Так и получилось. Вот, пожалуй, и все...

— Отбросим пока эти наркотики, — деловито произнесла Валентина. — Они — сегодняшний день, а нам нужен вчерашний... Позавчерашний... Расскажите-ка, Витя, что вы узнали из бесед с местными жителями?

— Я у сторожа кладбищенского жил, он сам меня пригласил, когда узнал, зачем я приехал. А еще подсказал, кто мог тогда хоть что-то видеть, что-то знать, адреса назвал. Я по ним и ринулся. Про отца — кучу всего узнал, даже — кто кого в какое место ударил, и вообще как это все случилось... А вот про маму как-то меньше говорили, и все о сердечном приступе. А один старичок молчал все. Упомянул только, что папу помнит еще маленьким. Я купил бутылку и пригласил его с собой на кладбище. Он шел со мной и все припевал — «миленок, да миленок»... Я подумал — с головой у него не совсем... А потом вслушался — а поет-то он вовсе не про миленка, а про миллионы! Так и растягивает — «миль-ены, миль-ены!» Я спрашиваю, что, мол, за мильены такие? А он мне — ты, дескать, учил в школе, что люди гибнут за металл? Я его попросил яснее выразиться и спросил, не погибли ли и мама моя за какой-нибудь там металл? Тогда он дал понять, что металл — это он так, вообще сказал. А на самом деле не за металл. А за что — он якобы не знает. Мы бутылку честно распили на троих — там еще его сосед к нам присоединился, дядя Степа... Ну, я не отступаю, все спрашиваю, а кто же знает? И тут он мне что-то стал про телевизор молотить. Дескать, телевизор знает... И про какого-то столичного гостя... Бился я с ним, бился, хотел понять, при чем тут телевизор и гость, но все бесполезно. А потом он отошел вроде бы по надобности и исчез. Дядя Степа меня утешал — дескать, он все равно ничего не помнит... Но ведь пел он про какие-то миллионы... Я подумал — может, мама видела, как грабили банк? Но мне сказали, что никакого ограбления в то время не было — ни в банке, ни в

других местах. Но старик ведь от нас сбежал, значит, он до сих пор чего-то боится... Мне потом посоветовали в поселке к убийце отца сходить, да я не решился. Зачем? Он ведь к моменту маминой гибели уже в тюрьме сидел...

— А зря не сходил. Его сын — кажется, тот маньяк, что орудовал в Подмоскovie. Мы с ним разговаривали, так уж случилось, не удивляйся, и он дал понять, что ему кое-что известно... Однако ничего конкретного не сказал... Но они с отцом могли обсуждать смерть твоей мамы... Витя, а ты все-таки к чему склоняешься — наркотики тебе по ошибке дали или специально, чтобы ты попался и никому не мешал?

— Думаю, по ошибке. Если бы специально, они бы тут же шум подняли, или бы так аккуратно мне пакетик в карман подложили, что я бы и не почувствовал ничего... И ментов бы на меня натравили... Нет, ошиблись они. Ведь половина поселка знала, кто я, зачем приехал, а эти наркодеятели, видно, из другой половины... Либо вообще не местные.

— Так... Картина пока не выстраивается... Пока... Мы получили несколько намеков, что мама твоя погибла из-за больших денег или ценностей. Тут могут быть следующие варианты. Первый. Людмила присутствует при краже. Случайно. Она знает, кто грабитель, и ее устраняют. И тут логично предположить, что между преступлением и местью прошло всего несколько часов, в течение которых Людмила все время была в поле зрения налетчиков и не могла отправиться в полицию. Следовательно, все это должно было происходить в поселке. Но никаких краж там в указанный день не зафиксировано! И чуть раньше — тоже. Не отказываюсь от этого варианта, потому что далеко не обо всех кражах пострадавшие извещают. Второй вариант. Людмила должна была получить или получила большую сумму денег. Откуда — мы не знаем. Если получила, то ее просто банально ограбили и убили, так как она, по всей видимости, знала грабителей. Если еще только готовилась получить, то... Возможно, на эти деньги были и другие претенденты. Они ее и устранили. Знаете, как при дележе наследства — есть наследники первой очереди, есть второй, третьей... Она, возможно, была первой, а кто-то был вторым или же третьим...

— Никто никогда мне не говорил, что у нас были какие-то богатые предки, — покачал головой Витя. — Сколько помню себя, мы всегда жили очень стесненно — и тетина семья, и сестры двоюродной... На меня, правда, они денег не жалели, но я же все видел...

— Ребята, пути господни неисповедимы, — возразила Валентина. — Ведь наследство может быть не в прямом смысле, а — подарок судьбы: выигрыш какой-то, желание постороннего человека вдруг вас за что-то облагодетельствовать... А знаешь что, Витя? Напиши-ка и нарисуй-ка нам

всю свою родословную. Посмотрим. Проанализируем. А ты, дорогая, вместе со своей Стеллой должна вспомнить... другую сторону медали. Понятно? Какие там корни, откуда, кто из родни остался, как живут, чем дышат... Словом, все! Ларчик-то, может, просто открывается...

— А кто эта Стелла? — вдруг спросил Витя.

Я объяснила ему, что эта женщина прекрасно знала и любила его отца, что им, наверное, стоит познакомиться, хотя Людмила не была бы рада такому обороту дела.

— Ничего. Я попрошу у мамы прощения. Но познакомиться надо — для дела. Она и маму знала, да?

— Да.

И даже слишком хорошо, добавила я про себя.

ГЛАВА 12

Сегодня Влада читает на кафедре реферат своей диссертации, выслушивает замечания. Влад думал об этом без всякой радости — лучше бы ребенка родила, чем рассуждала о каких-то несуществующих химических элементах. Их отношения были равными, спокойными, и все-таки что-то его в этом настораживало. Он заметил это не вчера и не сегодня, а давно — по крайней мере, несколько лет назад... Нет, нет, он не ждал от жены никакой агрессии, подвоха, и все же... И все же он стал осторожен. И сегодня, бродя в одиночестве по квартире, решил снять напряжение самым приятным и верным способом — напиться. Под какую музыку это лучше сделать, он не знал, и включил вечно тревожного Рахманинова. Из старинного буфета орехового дерева вытащил бренди, купленное еще во Франции, откупорил бутылку, наполнил обычный граненый стакан и враз опрокинул в себя обжигающую жидкость. Хорошо!

А ведь как хорошо все сложилось тогда... Как удачно... С обретением собственности под Парижем пошел и его профессиональный рост. Частые поездки во Францию породили слухи о его востребованности за рубежом как дирижера и стали толчком в его дирижерской карьере на родине...

После второго стакана бренди Влад уже и вовсе не стал думать о музыке, он даже выключил Рахманинова — слишком уж будоражила его музыка, заполняя все уголки в комнате и в его душе, подталкивая ее к самому краю... Откуда взялась эта тревога? То, о чем он запрещал себе думать, не могло быть причиной — время еще не наступило... Но тревога все-таки вползла в дом, как змея...

И вдруг молнией мелькнула какая-то отдаленная мысль-догадка — совсем недавно, вчера или позавчера, он услышал что-то очень важное, узнал

то, чего не знал раньше, чего, по его мнению, не должно было быть, и ему непременно надо вспомнить, что это такое... С чем это связано... Он стал вспоминать, восстанавливать в памяти разговоры — с женой, тестем и тещей — обычные родственные разговоры. Правда, он удивился, что Влада была знакома с его братом, но разве это повод для тревоги? Нет- нет, дело вовсе не в этом. В какой-то миг ему показалось, что, если бы его брат был жив, Влада могла бы за него выйти... Эта мысль промелькнула подспудно, безотчетно, но его мозг продолжал двигаться со скоростью звука своими извилистыми путями и лабиринтами. И вдруг в одном из таинственных закутков памяти обнаружился очень давний разговор с родителями жены, которому он не придал тогда никакого значения. Но почему же запомнил? Да потому что одна фраза, сказанная Амалией Павловной, оказалась ему тогда весьма неприятна... Дело было в Париже, недалеко от площади де Голля, где они решили перекусить в небольшом кафе. Влада приболела немного, и ее не было с ними, а ему захотелось порадовать Амалию Павловну и ее достойного супруга, и он заказал к блюдам хорошего вина. Теща быстро опьянела, стала рассуждать о том, как хорошо им здесь живется, как она любит Париж и вообще ощущает себя француженкой, на что он заметил, что, если бы не его наследство, то не было бы сейчас никакого Парижа... А теща высокомерно ответила, что никогда бы не отдала свою дочь за бедного, неперспективного человека...

Вспомнив этот давний разговор, Влад задал себе следующий вопрос, подсказанный простой логикой, — а как же она разрешала своей дочери водить знакомство с его братом? Ну, конечно, Амалия Павловна прекрасно знала о наследстве! И, должно быть, радовалась встречам своей дочери с Гордеем. А когда Гордея не стало — переключила свое и Владино внимание на него, посещая музыкальные вечера, концерты, встречи со слушателями. Он ведь и познакомился с Владой на одной из таких встреч... Ну и теща!

Влад стал вспоминать последний разговор с ней, чтобы понять, когда именно Влада познакомилась с Гордеем. Так, они встретились, когда он уже работал в городском музее... Когда там в отдельном закуточке проходила выставка его работ... Ошалевший от счастья Гордей сразу изменился — исчезла медлительность, вялость, глаза сияли, движения стали быстры, душа рвалась наружу в порыве страсти к новой жизни. Эти новые чувства, ожидание чуда и притупили его бдительность, заставили забыть об осторожности — он утонул самым банальным образом, заплыл далеко, потеряв, очевидно, ориентир в пространстве, и добраться до берега у него просто не хватило сил...

А тот голос в телефонной трубке... Тогда, много лет назад, мужчина или женщина, определить по голосу это было невозможно, сказал ему какую-то

нелепость... Или выдал тайну? Он запретил себе думать и об этом. Ведь и тут все разрешилось. Видимо, у него есть не просто ангел-хранитель, а вездеход, который расчищает для него путь... И он построил свое здание... из музыки и света, из любви и славы, из заграничной недвижимости и прекрасной московской квартиры. Но почему ему кажется, что оно вот-вот может рухнуть? Почему решил, что вся эта конструкция спланирована, создана кем-то другим, а он был куклой, которую дергали за ниточки? Глупость! Конечно, теща могла как бы случайно, но специально придти с дочерью на нужную встречу и познакомить их. Но ведь так делают многие матери, особенно когда видят, что девушка чересчур скромна и сама вряд ли сможет найти себе жениха. Но в остальном...

И тут тягуче заголосил телефонный звонок. Аппарат был от него в двух шагах, и он быстро поднял трубку, решив сразу признаться Владе, покаяться, что пьян в стельку, что испортил, угробил свой вечер. Но говорить ему не дали. В его ухо влетел и растворился глухой шепот:

— А Париж тебе может только сниться, дорогой маэстро... Тебе стоит еще раз перечитать завещание... Там есть маленькая такая строчечка... Одиннадцатая сверху... И — коленом под зад. Щенки дворняжки, даже бездомные, тоже могут быть счастливы. Ты ведь, я думаю, ничего не забыл?

Странно, но он все понял. И не знал, о чем спросить, потому что не мог вот так, вмиг решить, что будет делать. На том конце провода тоже молчали. Наконец он спросил то, что при любом раскладе ему надо было знать:

— А где обретается... щенок дворняжки?

— Сие мне пока неизвестно, — так же тихо ответил неизвестный голос, и трубку повесили. «Пока неизвестно»... Значит, когда будет известно, этот тип позвонит снова... Вот оно и пришло... Но чего он, собственно, боится? Ведь не вор, не убийца, а получил свое, законное. А там щенки — не щенки, дворняжки — не дворняжки. Пусть докажут. Теперь уже это совершенно невозможно...

Но зачем ему позвонили? На что его толкают? Убийцу, что ли, из него хотят сделать? Ну, нет. И кто же, интересно, звонил? Теща! Ее голос, глухой и тягучий. Ай, да Амалия Павловна! Стоп! Но ведь звонок был не междугородный, а теща сейчас не в Москве, а у себя на родине — уехала на два дня к подруге детства... Ничего, сейчас мы это проверим, решил Влад. Хмель как рукой сняло. Он набрал московский номер Владиных родителей. Ответил тесть.

— Сергей Петрович, звоню просто так — справиться о вашем здоровье и пожелать вам и Амалии Павловне спокойной ночи...

— Мне можешь пожелать, а вот старухи моей нет. Не приехала еще...

— А когда вернется?

— А черт ее знает! Звонила вот сейчас... Говорю — возвращайся, имей совесть, мне надоело питаться всухомятку! Смеется...

— Дайте мне номер, я ей позвоню, уговорю скорее вернуться! У меня тут есть одна идея, надо всем вместе обсудить...

Влад, конечно, врал, потому что решил проверить все до конца, убедиться, что теща действительно в отъезде, что звонила не она. Однако тесть что-то замолк.

— Алло, вы меня слышите?

Раздались гудки — тесть положил трубку... Ну и ну! А, может, почувствовал, что Влад выпивши? Он не терпел пьяных, и зять вряд ли мог быть исключением.

Влад прошел в кабинет, вытащил папку с самыми важными документами, нашел среди них копию завещания и отсчитал одиннадцатую строку... Да, все верно, он не ошибся... И голос, стало быть, тот же самый, что был тогда, кажется, сто лет назад...

Он упрямо еще раз набрал номер тестя. Сергей Петрович ответил сразу, словно ждал его звонка.

— Ты не обижайся, сынок, я тут на провод наступил и не заметил, что его выдернул. Только сейчас до меня дошло. Позвони-ка ты ей, старой дуре, пусть едет скорее! — И он продиктовал Владу номер и код города, не забыв спросить, что у него появилась за идея, но зять пообещал все рассказать при встрече.

Телефон в другом городе долго молчал, а потом сонный голос произнес:

— Я слушаю...

— Простите, ради бога! Я просто не посмотрел на часы... Я — зять Амалии Павловны, и хотел бы с ней поговорить...

— Какой Амалии Павловны?

— Вашей подруги...

— У меня нет подруги с таким именем!

И вновь — гудки...

Влад не знал, что и думать... С пьяных глаз перепутал номер? Набрал его неправильно?

И тут в дверь позвонили — Влада! Надо же, а он не успел подготовиться к ее приходу, определить, какие вопросы и как ей задать... Что ж, придется импровизировать, действовать с ходу.

Он помог жене раздеться, набрал ей воды в ванну, а когда она, закончив весь ритуал очищения от дневной грязи, в широкой, не стесняющей движений пижаме уселась на кухне ужинать, вдруг неожиданно спросил:

— Жenuшка моя дорогая... Любимая... Посмотри-ка на меня внимательно и скажи правду — когда ты узнала о нашем наследстве? О французском доме? А?

Влада недоуменно уставилась на него и, проглотив кусочек куриной котлеты, прошептала:

— Господи... Ты как следователь... Я шла и думала, что спросишь, как приняли реферат моей диссертации, кто хвалил, кто критиковал и за что, а ты... Тебе это совсем неинтересно, да?

— Скажем так: мне интереснее сначала получить ответ на свой вопрос!

— Но я этого не помню...

— Хорошо. Тогда скажи — когда ты общалась с братом моим, то уже знала о том, что за его спиной маячит Франция?

— Слова-то у тебя какие — за спиной... маячит... Мы о живописи говорили, о поэзии, а не о Франции!

— Ты не ответила, Влада...

— Потому что не знаю, что отвечать... Я не помню, знала или нет тогда... Мне были не интересны какие-то там дома...

— Даже стоимостью в миллион долларов?

— Это сейчас! А тогда... То есть, я предполагаю, что тогда стоимость дома была гораздо ниже...

— Знала...

— Владенька, ты пьян, и тебе невесть что кажется...

— Да! Мне кажется, что не я... Что мной дирижируют! И давно! Что за меня думают и решают... Ты меня любишь?

— Ты же знаешь...

— Нет, не знаю! Я уже ни в чем не уверен... Вот где сейчас твоя мать, например?

— Почему ты спрашиваешь?

— Потому что был какой-то странный звонок... Голос похож на тещин... Меня пытались... шантажировать...

Влада встала, подошла к мужу, наклонилась над ним, обняла голову, прижалась щекой к его волосам и тихо прошептала ему в самое ухо:

— Владленочек ты мой маленький... Старенький ты мой... У тебя немного поехала крыша — это оттого, что я слишком молода, и тебе мерещится всякое... Ну, при чем тут твой брат, которого давно нет и с которым мы и встречались-то, от силы, раз пять-шесть... При чем здесь этот дом, который мне лично вовсе и не нужен! Ну, хочешь, мы не будем туда ездить. Нам и здесь хорошо. А мама... Хочешь, я сейчас же ей позвоню?

Он согласно кивнул, и Влада, взяв у него листочек с номером, быстро закрутила телефонный диск. Не успел Влад опомниться, как она уже ворковала в трубку:

— Мамуля... Ты еще не спишь? У меня все в порядке, сегодня реферат слушали... В целом хорошо, но завкафедрой обвинил меня в излишнем конструктивизме... И в отсутствии творческой мысли... А, ладно, я звоню потому, что твой зять хочет пожелать тебе спокойной ночи.

И она протянула трубку Владу.

— Амалия Павловна, вы уж извините, но мне вдруг стало как-то неспокойно... Захотелось услышать ваш голос... И муж ваш тоже беспокоится, просит, чтобы вы поскорее приехали. Завтра? Хорошо. А как там у вас погода? Прекрасная? Рад за вас... Ну, спокойной ночи, дорогая теща! Ждем!

Он положил трубку, подумал о том, что пить надо меньше, и пошел спать...

Но сон не шел. Провалаяшись где-то с час, Влад вдруг вспомнил, что из-за бессмысленно проведенного вечера не смог посмотреть ноты, которые ему прислал французский композитор, ставший почти что другом. Он осторожно, чтобы не будить Владу, поднялся, прошел в кабинет, уселся в кресло и раскрыл творение француза. Одна страница, вторая, третья... Это была какая-то вземная, мистическая музыка... Он всегда сторонился подобного, потому что хотел постоянно чувствовать свою привязанность к земле, твердо стоять на ней. А музыка француза отрывала от земли и кидала в космос, причем безвозвратно. Было красиво, но страшно. И, чтобы снова вернуться в действительность, Влад отложил в сторону ноты и включил маленький телевизор, который оказался у него в кабинете по чистой случайности — обычно он стоял на кухне. Шла информационная программа. В каком-то городе бушевал ураган. Проливные дожди, шедшие почти сутки, разрушили десятки домов... Поломаны деревья... Снесены крыши... Наверное, опять Дальний Восток, подумал он. И вдруг, всмотревшись в надпись на экране, увидел название города, где родился и где сейчас пребывала теща, «певшая» о хорошей погоде... Его словно ударили по голове... Вранье, кругом вранье... Но что за этим скрывается? Он заглянул в спальню, убедился, что жена спит, взял бумажку с телефонным номером, продиктованным тестем, и, закрывшись в кабинете, вновь набрал эти цифры. Тот же сонный голос, который он уже слышал, повторил ему, что никакой Амалии Павловны там нет...

Влад рухнул в кресло, обхватив голову руками, и думал, думал — почему? Зачем? Что за этим скрывается? И кто, либо что поможет ему най-

ти разгадку? Неужели... Стоп! Об этом он никогда, ни при каких обстоятельствах не должен думать. Ибо этого нет. Это было не с ним. А с тем, другим...

ГЛАВА 13

Стелла приехала к нам почти одновременно с Витей. Но пока они до нас добирались, у Валентины появилась какая-то сногшибательная идея, которая требовала немедленного воплощения за пределами квартиры, и потому она встретила гостей с некоторой досадой. Мы познакомили их друг с другом.

— Вы можете поговорить с глазу на глаз, без нас. У Вити, наверное, есть вопросы. А мы с Натальей пока кое-что обсудим на кухне, — сказала Валентина и увела меня за собой, чтобы тут же выложить мне плоды своих раздумий.

— Понимаешь, сейчас я вижу две главные задачи. Первая — все узнать о том художнике, двойнике Юрия Разина. Остались же у него родные. Как они живут, что делают, не было ли в их жизни каких-либо неожиданностей... Вчера я специально звонила Володе, попросила его разузнать об этом по своим каналам... Может, и у нас появится такая возможность... А вторая задача — ты только не пугайся — найти этого маньяка... Да, да, найти! И нам это не так уж трудно сделать, потому что я уверена — он живет себе преспокойно здесь, в Москве, и, скорее всего, в том самом районе, где ты его видела. Фамилию своего однокашника мы, худо-бедно, помним, имя — тоже... Заявимся к нему домой и будем трясти его как грушу, чтобы узнать, зачем понадобилась ему вся эта комедия с кровавым убийцей...

— Так ты что, думаешь — он никого не убивал?

— Конечно, не убивал. Мы с тобой ошиблись. Иначе бы он шага по Москве спокойно не ступил! Неужели не ясно? Это же бросается в глаза... Хотя я, дура, почему-то вначале поверила в эту сказку, которую он сам рассказал, что уже нелогично. Зачем преступнику рассказывать о своих «подвигах»? Но он рассказал. Хотел отвлечь от главного? От того, зачем он вообще к тебе прицепился? Да, скорее всего, так. И это ему отлично удалось. Но какова его главная цель слежки за тобой и появления в этой квартире? Как ты думаешь?

Господи, ну если уж она этого не знает, то откуда я-то могу знать? Но я уверена, что Валентина и не ждет от меня ответа, что она пустит сейчас в ход логику. Госпожу Логике, которую необычайно уважает. Так и есть!

— Его главная цель, по логике, должна находиться в прямой зависимости от нашей главной цели... А наша — установить убийцу Людмилы Разиной... Маньяк же этот условный — думаю, посланец каких-то сил, которые либо тоже хотят это узнать, либо, наоборот, скрыть. Возьмем для начала вариант номер один — условный противник в лице маньяка тоже хочет узнать, кто убил Людмилу. Но — не получается! Хотел бы узнать — давно бы узнал. Во всяком случае, давно бы поинтересовался у жителей того поселка, что же все-таки случилось тогда с Людмилой, а, судя по отчету Вити, никто этим не интересовался... Так что, скорее всего, цель — скрыть убийцу. А, значит, и скрыть причину преступления. И здесь...

— И здесь ты поняла, что идешь по замкнутому кругу, — с иронией заметила я. — Что обе определенные тобой задачи надо решать одновременно... Потому что причину можно понять, узнать, вычислить только тогда, когда хорошо знаешь всех знакомых Людмилы, ее окружение... Того же художника...

— Или этого маньяка, — не сдавалась моя подруга. — Он ведь намекнул, что дело там было нечисто и с той, и с другой стороны... Конечно, мы не обязаны ему верить, но другого объекта для веры на сегодняшний день у нас нет. Следовательно, обмануть друг друга пытались обе стороны... Людмила и ее противник... Под эту концепцию совершенно не подходит какой-то криминал, который убитая якобы случайно подсмотрела и поплатилась за это жизнью. Нет... Твоя Людмила сотворила такое, что и похоронило ее... Воздвигла здание, которое обрушилось и ее же придавило...

— Валя, помни одно — Людка была бескорыстной! Даже ради огромной суммы денег или там кучи каких-нибудь ценностей она ни за что не переступила бы закон! Тем более что у нее был маленький Витя...

— А я и не говорю, что она переступила закон! И вот тут мы подходим к главному... Во все эти обстоятельства отлично вписывается один факт — обман с ребенком... Если, конечно, твоя Людмила действительно не совершала ничего страшного... Тогда с ребенком — это ее единственный проступок...

— Но ведь при этом никто не пострадал! Она поступила так ради счастья любимого человека!

Валентина продолжала размышлять, как будто меня и не слышала:

— Но муж этого не знал... И погиб, так и не узнав... А потому оставим его покоиться с миром... И, казалось бы, остальным-то до этого какое дело? А не должно быть никакого! Ан нет! Вот и получается, что этот ребенок сильно затрагивает чьи-то интересы... И, скорее всего, членов семьи художника...

— Уж больно далеко ты, Валя, прыгнула! А хоть бы и затрагивал... Официально-то он — Витя Разин...

— Ха! Разин! В том-то и дело, что нет! Но сам мальчик об этом не знал и не знает. Зато это было известно матери. Она молчала. Но противная сторона, скажем, предположила, что при определенных условиях Людмила может об этом сказать и доказать. В результате она погибает. А мальчик им не страшен — он ведь ничего не знает. И никто, кроме тебя, Стеллы, а теперь еще и меня, ничего не знает... Ваш журналист знал — и нет его... Вполне возможно, что и вам со Стеллой готовится такая же участь...

— Валя!

— А что — Валя? Это реально, так что надо действовать осторожно! Раз люди пошли тогда на убийство — значит, дело того стоило... и за ним прячутся большие деньги... Афера? Наследство? Это нам предстоит узнать...

— Да не ждала Людка никакого наследства, я же говорила!

— Помню. Но его могли ждать родственники художника, которым лишний и, возможно, самый главный претендент был совершенно не нужен. Убив мать, они обезвредили для себя Витю, лишили его информации... Но мир не без добрых людей... И сейчас, возможно, их вновь всколыхнуло твое общение с Витей, его поездка в поселок... Подосланный маньяк должен был тебя просто напугать... Чтобы ты не совала свой нос куда не следует... Те, кто стоит за его спиной, не могли знать, что он — наш однокашник... Ох, как я хочу с ним поговорить! Как ты думаешь, это лучше сделать без Вити?

— Думаю, да. Если понадобится, потом все расскажем парню. Он поймет...

— Не знаю, не знаю...

— Ну, вообще-то лучше, наверное, и не рассказывать... Если не понадобится...

— Вот-вот... Короче, сейчас отправляем эту «сладкую парочку» куда-нибудь подальше и действуем по линии маньяка!

Но действовать так нам не пришлось — позвонил Комов и рассказал, что по официальным источникам, а также по рассказам музейщиков, с которыми работал художник Гордей Неверов, у него был сводный брат — сын его матери от первого брака, который, предположительно, живет в Москве. Родители рано расстались, он всегда воспитывался у отца, носил его фамилию. Какую — установить пока не удалось, сейчас ищут, брак был зарегистрирован. Известно, что младший брат не очень любил старшего, у них никогда не было даже дружеских отношений. Музейные работ-

ники вспомнили, как однажды они сильно поскандалили — Гера нарисовал картину «Равнодушие» и изобразил там какое-то чудовище с лицом брата, сделав странную приписку: «Равнодушие холодно как лед». Картина экспонировалась на выставке, которую посетил наезжавший время от времени в родной город брат, и они чуть не подрались. А служительница, дежурившая в зале, отданном под картины, выразилась еще круче — «да они чуть не поубивали друг друга!» После этого старший брат перестал приезжать в провинцию. Его увидели только на похоронах Геры. Он выложил много денег на памятник. Но, тем не менее, все отмечали в нем какую-то внутреннюю злобу и вспоминали подпись Геры под картиной...

Общаться по телефону с Владимиром Ивановичем Валентина вынуждена была в коридоре, скрыться в маленькой квартире было просто негде. Разговор этот привлек Витю со Стеллой — они выскочили к нам и попытались узнать, какими новыми фактами пополнились наши знания. При этом Витя проявил себя как настоящий следователь.

— Валентина Васильевна, почему вы говорили про какого-то Геру? Он что, имеет отношение к маме?

— Ха! Еще какое! — покачиваясь, проговорила Стелла.

Бог мой! Мы с Валентиной, две дуры, только сейчас заметили, что она здорово наклюкалась. Когда пришла к нам, этого еще не было заметно, а теперь ее развезло.

— Стелла, ты можешь пройти на кухню, — резко сказала я.

Она меня сильно разозлила своим намеком. Вот зараза!

Но Витя рванулся к Стелле и, взяв ее под руку, повел на кухню и закрыл за собой дверь. Ничего себе! Возглас пьяной Стеллы оказался для него серьезнее, чем полученные нами сведения из УВД. Ну уж, нет! Я вошла в кухню следом за ними, усадила Стеллу на табурет и закрыла ей рот. Честно говоря, мне очень хотелось залепить его пластырем. При этом я сказала:

— Витя! Пьяная женщина, в отличие от пьяного мужчины, способна наговорить кучу глупостей. Нелепостей. Злобных вымыслов...

Стелла качала головой, молчала, а потом вдруг рванулась вперед, вырвалась из моих рук и больно ударилась об стол.

— Да не скажу я об этом, не бойся! А с тебя — компенсация. Рюмашка. Или стопешник. Что у тебя там есть?

И она, потирая ушибленный лоб, со значением посмотрела на буфет с небольшими стеклами, за одним из которых были видны два бутылочных горлышка. Скорее всего, это были лекарства, о чем я и сказала Стелле.

— Да а лекарства-то на чем делаются? На спирту! Давай! Не бойсь! Мы всякое видали!

Я вытащила обе бутылочки. В одной оказалась настойка пустырника, в другой — золотого корня. Глаза Стеллы засияли:

— Ого! Люблю этот корешок! Меня им Коля Дружининский, поэт, как-то угощал... У него родственник в Сибири эти корешки выращивает...

Я подала ей небольшую стопочку — все-таки это было чужое добро, и я не имела права его разбазаривать.

Все это время Витя недоуменно смотрел на меня и на Стеллу, но вдруг подошел к столу, хлопнул по нему и громко спросил:

— И о чем это вы не скажете? Что вы все от меня скрываете? Я прошу объясниться!

Он так и сказал, как в старину — объясниться! Я взяла инициативу в свои руки.

— Понимаешь, Витя, твоя мама была знакома с этим Герой... Он художник... Был... Она писала про него... Вернее, про его выставки... А поскольку мы проверяем все ее связи, вот и до него добрались...

— Так? — спросил он, в упор глядя на Стеллу.

— Да так, так... Куда же мне деваться-то... — забормотала она.

— А вы сейчас — домой? Я вас провожу, вы не против? — в упор спросил ее Витя.

— Я-то не против, — протянула она. — А вот как они...

Они — это мы с Валентиной. Подруга моя, кстати, появилась на кухонном пороге — оторвалась, наконец, от своих записей и схем и попросила Витю пообщаться с ней, потому что у нее появились новые идеи и предположения. Но Витя был упрям и ответил, что сначала хочет пообщаться со Стеллой, а потом позвонит нам и, если надо, вернется сюда. Мы с Валею переглянулись и решили — пусть все идет своим чередом. То есть — будь что будет!

Они ушли, и Валентина, взявшая у Комова нужные московские телефоны его знакомых — в основном бывших сослуживцев — и испросив разрешения действовать от его имени, стала разыскивать маньяка. Это оказалось совсем несложно — он значился в базе данных полиции, и нам тут же продиктовали его адрес. И никакой он был не бездомный, а жил, оказывается, в районе метро «Теплый стан», недалеко от рынка, где я его встретила. Мы решили бежать туда, не медля, но нас остановили две вещи: во-первых, мог вернуться Витя — в расстроенных чувствах. Эта женщина, которой сейчас море по колено, выдаст ему всю подноготную, и нам придется возвращать парня к нормальному состоянию. Во-вторых, может, Комов или Осокин разродятся и выдадут нам фамилию старшего брата художника Гордея. Имя его мы знали — вспомнили музейщики. И тогда нам придется мчаться по Москве уже в двух направлениях — к маньяку

и к брату... Мы с Валентиной одновременно подумали — а вдруг это один и тот же человек? А если нет, то вдруг они — друзья, соседи? Или даже подельники? Ведь маньяк явно имеет какое-то отношение к убийству!

Наши размышления прервал звонок Сережи Осокина. Он раскопал фамилию брата — Таилов. Мы были ему очень благодарны, хотя она ни о чем нам не говорила.

Валентина снова через уже знакомые телефоны потрясла полицейскую базу данных, и вскоре перед нами лежали сведения о месте жительства Таилова — это был элитный западный район.

Ну, теперь мы, наконец, встанем и пойдем! Нельзя сидеть и дожидаться Витю — ради самого Вити! Особенно рвалась в бой Валентина — еще бы, ведь она получила в руки новые факты. Правда, нам еще не было известно главное — как и чем живет семья старшего брата, этого Таилова, который, возможно, полностью соответствует своей фамилии и старается все утаить.

Мы с Валентиной уже одевались в прихожей, когда вновь раздался телефонный звонок. Это была Стелла, которая сообщила нам, что Витя находится у нее, что они вместе опустошили бутылку водки, а так как мальчик, очевидно, не привык к таким дозам, то сразу вырубился и теперь спит на диване.

— Стелла, у тебя с совестью все в порядке? — спросила я, подразумевая под этим, сказала она Вите про художника или нет.

— Все, все! Не бойсь, подружка! Не скажу, где прячутся партизаны! Ну а вы там про брата Гериного что-нибудь узнали? Вообще-то его по-настоящему не Герой, а Гордеем звали...

— Узнали. Таилов его фамилия.

— Таилов? Господи!..

— Ты что, его знаешь?

— Нет ...

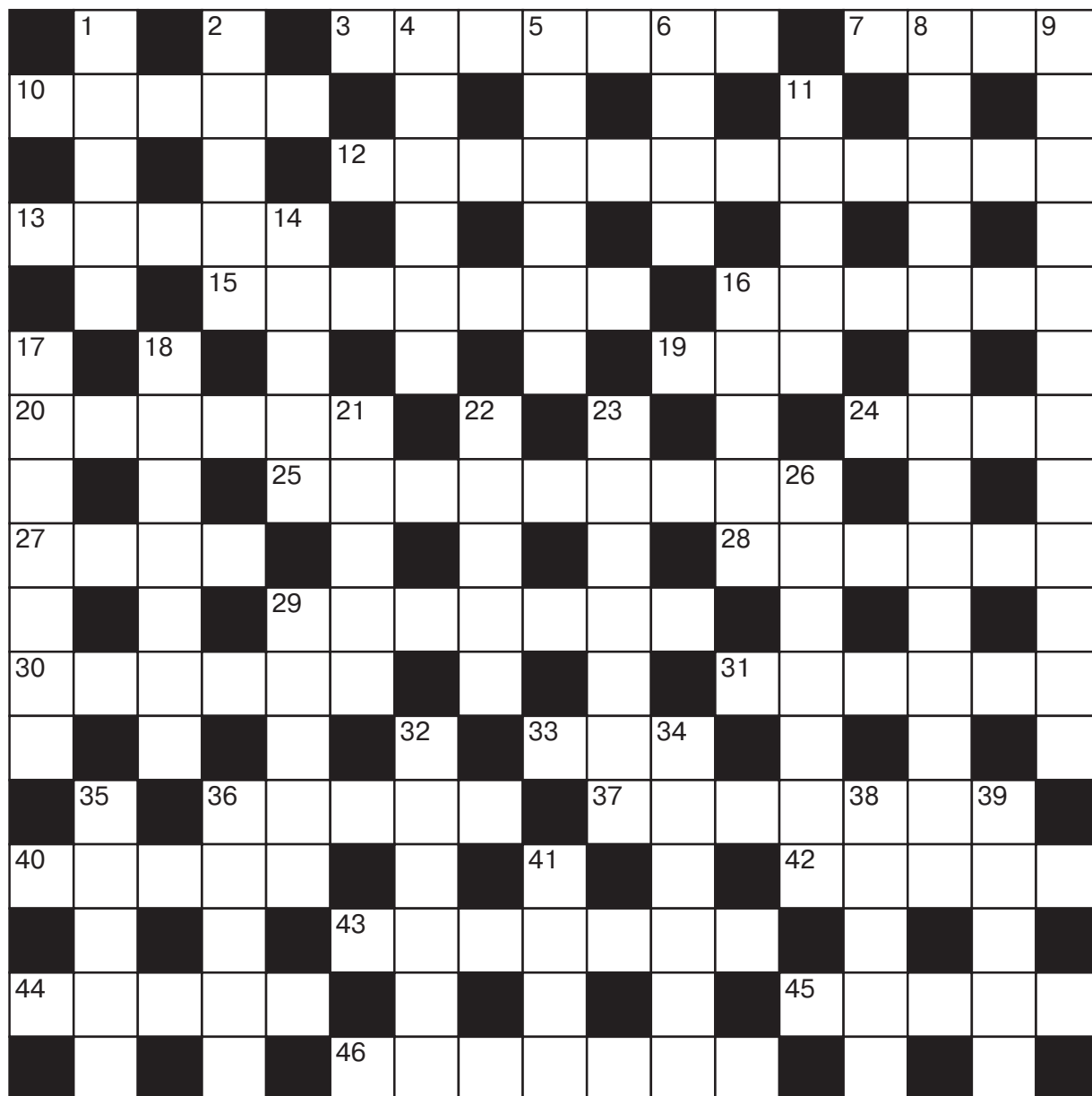
— Ладно. Ты уж там за мальчиком-то присмотри.

— Ясное дело! Не переживай! И... я так поняла, что ему придется все про себя доказывать, этому мальчику... Ну, если будет ради чего, разумеется... Да?

Я не понимала, зачем Стелла углубляется в такие дебри, ответила ей что-то обтекаемое, положила трубку, и мы с Валентиной отправились к маньяку. Все-таки он был нашим земляком и чуть ли не другом. Вломиться к Таилову, которого совсем не знали, мы пока не решились... □

Окончание следует.

КРОССВОРД

ПО ГОРИЗОНТАЛИ: **3.** «Король», чей день рождения совпадает со Всемирным днем танго. **7.** Палка, чтобы сомов ловить. **10.** Русская теплогрея. **12.** «Носовой мозг». **13.** Африканские шашлыки. **15.** В каком месте Капитолия «злой гений» «вручил» Руку мистерий профессору Лэнгдону в романе «Утраченный символ»?

16. Индийское холодное оружие. **19.** Головоломка «... бедлама». **20.** Бог-крокодил Плоского мира. **24.** «Океан Энки» у шумеров. **25.** Католический монах. **27.** Венецианские острова. **28.** Звезда, попавшая на флаг Азербайджана. **29.** Чайный вечер «по поводу» у японцев. **30.** В каком итальянском местечке осно-

вал свою школу Пифагор? **31.** Какой художник пригласил в Россию графа Сен-Жермена? **33.** Французская полумаска из бархата. **36.** Кого из диснеевских героев озвучили Джонатан Тейлор и Мэттью Бродерик? **37.** Первое гражданское стихотворение Александра Пушкина. **40.** Мужской жилет у армян. **42.** Личинка стрекозы. **43.** Графство на испанский манер. **44.** Сибирский сиг. **45.** Самая магическая страна из романов американца Пирса Энтони. **46.** Канадский «хоккей на траве».

ПО ВЕРТИКАЛИ: **1.** Молочная хлебка у латышей. **2.** Прибыль на старинный татарский лад. **4.** С каким городом связана античная легенда о Геро и Леандре? **5.** «Дух фламенко». **6.** Что некий Эндрю Фишер из Омахи предоставил в качестве рекламной площади и заработал 30 000 долларов за месяц? **8.** В какой стране построили ледокол «Ермак»? **9.** Какой хроникер из «Мастера и Маргариты»

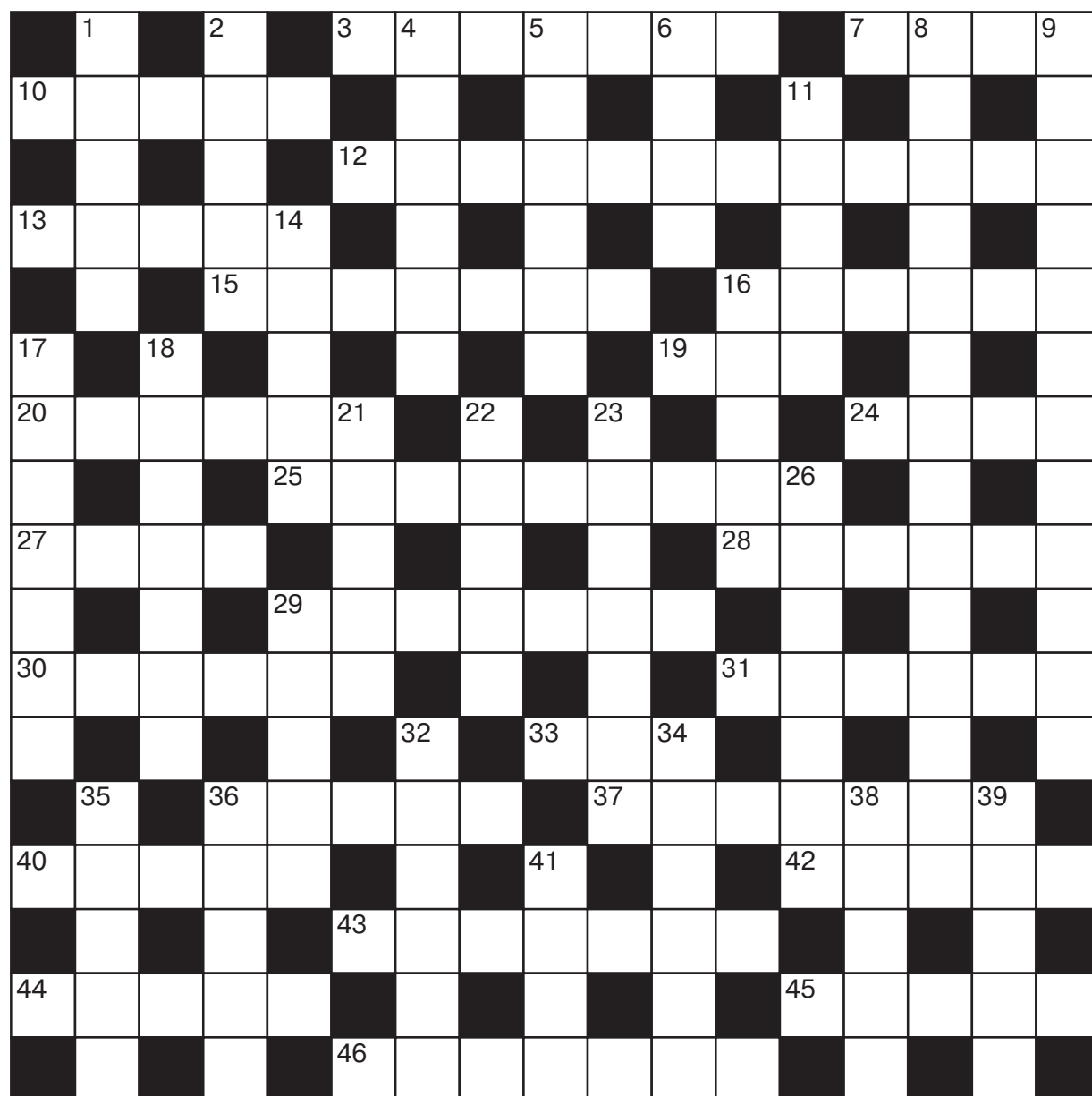
списан с Михаила Кольцова? **11.** Танец в честь Вакха. **14.** Король трона бронированных медведей из фантастического романа «Северное сияние». **16.** Марка автомобиля из кортежа российского президента. **17.** Лечебная лампа. **18.** Общественный туалет в Византии. **21.** Какой газ делает целебной воду Малого моря озера Байкал? **22.** Кто отлил в бронзе статую Колосса Родосского? **23.** Дисциплина сноубординга. **26.** Какой пигмент из красных ягод и фруктов особенно полезен мужчинам? **29.** Самый быстрый герой игр от Sega. **32.** На какое дерево в цвету мог часами любоваться Антон Чехов? **34.** Горный пони из Греции. **35.** Белый медведь для северян. **36.** Откуда химически выделили первый фермент? **38.** Летняя шляпа на тибетце. **39.** Любимая пианистка Иосифа Сталина, хотевшая стать монахиней. **41.** Кто из патриархов советского цирка сыграл в комедии «Укротительница тигров»?

Ответы на кроссворд, опубликованный в №5

ПО ГОРИЗОНТАЛИ: **4.** Танго. **7.** Мэтр. **10.** Каркаде. **12.** Стипендиат. **13.** Фаворит. **14.** Опергруппа. **15.** Мандраж. **17.** «Локомотив». **20.** Носов. **23.** Дрель. **24.** Веном. **25.** Гелий. **28.** Логик. **29.** Смена. **30.** Горлопан. **32.** Керенка. **35.** Остров. **37.** Вода. **38.** Дигиталис. **41.** Рурк. **42.** Лизосома. **43.** Ладья. **44.** Храм. **45.** Вольница.

ПО ВЕРТИКАЛИ: **1.** Карамазов. **2.** Аккордеон. **3.** «Адмирал». **5.** Автопробег. **6.** Гипертоник. **8.** Эфиопы. **9.** Ритуал. **11.** Андроид. **16.** Жор. **18.** Время. **19.** Блины. **21.** Секретарша. **22.** Водород. **25.** Гонерилья. **26.** Либерал. **27.** Иглобрюх. **28.** Лак. **31.** Акциз. **33.** «Дороги». **34.** Ватага. **36.** Визаж. **39.** Лидо. **40.** Соль.

ЭРУДИТ

ПО ГОРИЗОНТАЛИ: **3.** «Барометр спектакля». **7.** Мясной деликатес, особенно полезный в зимнюю пору. **10.** С какой наукой связана вторая Нобелевская премия Марии Склодовской-Кюри? **12.** Автомобильный общепит. **13.** «Я увидел во сне можжевеловый куст. Я услышал вдали металлический ...» **15.** Главный ве-

стибюль вокзала. **16.** Музыка под звуки банджо. **19.** Высшее «карточное звание». **20.** Какой недуг беззубому не грозит? **24.** Магический узел у языческих славян. **25.** Кем был некий Юхан Волер, что придумал канцелярскую скрепку? **27.** Какое оружие участвует в корриде? **28.** Разница между доходами и расходами.

29. «Услужливый, живой, подобный своему чудесному герою» (адресат пушкинской похвалы). **30.** Путь машины с положительным ускорением. **31.** Кто заключил ветер в шкалу собственного изобретения? **33.** Праздник во дворце. **36.** Китайские мудрецы говорили, что компас помог им открыть свою землю, а ... помог ее поделить. **37.** «Сливочная моцарелла». **40.** «Озернение пашни». **42.** Горы с именованным спортом. **43.** Самый многочисленный лосось в Тихом океане. **44.** Какая харита стала первой женой Гефеста? **45.** «Набедренная повязка» для пляжа. **46.** Отопительное устройство или воинское подразделение.

ПО ВЕРТИКАЛИ: **1.** Полосатик среди друзей Винни-Пуха. **2.** Какой город слывет «Сердцем белорусского Полесья»? **4.** Проблема с газовым баллоном. **5.** «И льется чистая и теплая ... на отдыхающее поле». **6.** Коронное блюдо разбойника Аттилы из

мультфильма «Рапунцель: Запутанная история». **8.** «Минута в минуту». **9.** Пластика «на высшем уровне». **11.** Самый твердый из всех драгоценных камней. **14.** «Зверский символ». **16.** Какая Мила однажды сыграла роль Анджелины Джоли в детстве? **17.** Должность героя сказки «Чуть-чуть» Сигизмунда Кржижановского. **18.** Индейские племена, участники «Бобровых войн». **21.** Пафосная парикмахерская. **22.** «Главный ненавистник» мяса. **23.** «Карточные пропорции». **26.** «Самая кровавая мафия» Италии. **29.** Какой зверь сильно покалечил юного Жоржа Дантона? **32.** Какая звезда советского кино сыграла ту самую тетюшку Чарли из Бразилии? **34.** «Конечная станция» перфекционизма. **35.** Хворост для экзекуции. **36.** Кто родился в тот самый момент, когда Персей отрубил голову горгоне Медузе? **38.** Какой регион считают прародиной тюркских языков? **39.** Кто придумал консервы? **41.** Форма килта.

Ответы на эрудит, опубликованный в №5

ПО ГОРИЗОНТАЛИ: **4.** «Чайка». **7.** Мэлс. **10.** Демиург. **12.** Анаморфоза. **13.** «Юстиция». **14.** Филуменист. **15.** Блоттер. **17.** Камерарий. **20.** Йемас. **23.** Чонта. **24.** Ротко. **25.** Львов. **28.** Цинар. **29.** Фламм. **30.** Тулбурел. **32.** Пилатес. **35.** Канчук. **37.** Фера. **38.** Лавурисий. **41.** Тазы. **42.** Синелька. **43.** Хаким. **44.** Аряц. **45.** Киликиум.

ПО ВЕРТИКАЛИ: **1.** Берсальер. **2.** Писистрат. **3.** Гржимек. **5.** Айнзидельн. **6.** Коммутатор. **8.** Эпоним. **9.** Спайти. **11.** Юркевич. **16.** Рай. **18.** Йодль. **19.** Штамм. **21.** Моллинезия. **22.** Скрупул. **25.** Лилипутия. **26.** Ваганис. **27.** Этикетка. **28.** Цеп. **31.** Цехин. **33.** Мельци. **34.** Валаам. **36.** Калао. **39.** Сили. **40.** Йети.

Уважаемые читатели! Открыта подписка на 1-е полугодие 2023 года:

1. Оплатить квитанцию на сумму, соответствующую Вашему выбору подписки, в любом отделении Банка или через личный кабинет по реквизитам. 2. Заполнить купон:

Ф.И.О. _____

Дата рождения _____ Индекс _____

Обл./край _____ Район _____

Город _____ Улица _____ Дом _____ Корп. _____ Кв. _____

Код города _____ Телефон _____ Эл. адрес _____

3. Выслать копию купона и оплаченной квитанции на электронную почту: sales-smena@yandex.ru

Стоимость с доставкой простой бандеролью*	Стоимость с доставкой заказной бандеролью
За 1 номер — 216 рублей 70 копеек	За 1 номер — 245 рублей 30 копеек
За полугодие — 1300 рублей 20 копеек	За полугодие — 1471 рублей 80 копеек

* ОТПРАВЛЕНИЕ ПРОСТОЙ БАНДЕРОЛЬЮ ПО ПОЧТОВЫМ СТРУКТУРАМ НЕ ОТСЛЕЖИВАЕТСЯ!

** Цены указаны с учетом пересылки, но без учета комиссии банка.

Извещение	ООО «Журнал «Смена» <small>получатель платежа</small>		
	Расчетный счет		40702810410150414401
	ПАО «Промсвязьбанк» <small>наименование банка</small>		
	Корреспондентский счет		30101810400000000555
	ИНН 7714026110		КПП 771401001
	БИК 044525555		Код ОКПО 11396455
	<small>другие банковские реквизиты</small>		
	Адрес:		
	Ф.И.О.		
	Вид платежа	Дата	Сумма
Подписка на журнал «Смена»			
Подпись плательщика			
Кассир			
Извещение	ООО «Журнал «Смена» <small>получатель платежа</small>		
	Расчетный счет		40702810410150414401
	ПАО «Промсвязьбанк» <small>наименование банка</small>		
	Корреспондентский счет		30101810400000000555
	ИНН 7714026110		КПП 771401001
	БИК 044525555		Код ОКПО 11396455
	<small>другие банковские реквизиты</small>		
	Адрес:		
	Ф.И.О.		
	Вид платежа	Дата	Сумма
Подписка на журнал «Смена»			
Подпись плательщика			
Кассир			

Приглашаем на наш сайт: <http://smena-online.ru/>

Уважаемые читатели!

На журнал "Смена" открыта подписка на 2023 год во всех отделениях почтовой связи. Оформить подписку можно по следующим подписным индексам:

ОФИЦИАЛЬНЫЙ КАТАЛОГ АО «ПОЧТА РОССИИ» «ПОДПИСНЫЕ ИЗДАНИЯ»		П2431 — основной подписной индекс П2446 — льготный подписной индекс П3292 — годовой подписной индекс
---	---	---

ОФОРМЛЕНИЕ ПОДПИСКИ В РЕСПУБЛИКЕ КРЫМ осуществляется в любом отделении почтовой связи ФГУП «Почта Крыма»

* Подписные индексы действительны для подписчиков Российской Федерации

Вся
пресса
в одном
месте!

**ВНИМАНИЕ,
КОНКУРС!**

ISSN 0131-6656

9 770131 665607

23006

СМЕНА

Дорогие читатели!

Все вы наверняка помните строчки из известной песни «Куда уходит детство, в какие города? И где найти нам средство, чтоб вновь попасть туда?..» Детство — это, наверное, лучшее время нашей жизни, светлое и теплое.

Увы, все когда-нибудь кончается... Но, постепенно уходя во взрослую жизнь, мы храним воспоминания о прекрасной поре, которая была окрашена в самые удивительные и невероятные цвета.

Вот мы и решили в 2023 году объявить среди наших подписчиков конкурс

«КУДА УХОДИТ ДЕТСТВО...»

Напишите нам в форме рассказа или письма о самых ярких и незабываемых моментах своего детства, об этом счастливом (а может, и не очень) периоде в вашей жизни.

Тексты с пометкой «На конкурс» принимаются в электронном виде на адрес: tomasmena@mail.ru до конца октября 2023 года.

Итоги, как всегда, будут подведены в конце года и опубликованы в первых номерах 2023 года, а трое победителей получают премии в виде бесплатной подписки на журнал «Смена».

Первая премия — бесплатная годовая подписка

Вторая премия — бесплатная годовая подписка на электронную версию журнала

Третья премия — бесплатная полугодовая подписка

*Ждем от вас интересных историй.
Удачи, друзья!*

№6 июнь 2023